

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования

«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
ПРИ РАСКРЫТИИ
И РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Республиканская
научно-практическая конференция
(Минск, 15 ноября 2013 г.)

Тезисы докладов

Минск
Академия МВД
2013

УДК 343.1 + 343.9
ББК 67
А43

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор *В.Ф. Ермолович*;
доктор юридических наук, профессор *В.П. Шиенок*;
кандидат юридических наук *Ю.С. Климович*;
кандидат юридических наук, доцент *В.М. Логвин*;
кандидат юридических наук, доцент *С.В. Рыбак*;
кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*

А43 Актуальные проблемы уголовного процесса и крими-
налистики при раскрытии и расследовании преступлений :
тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 15 нояб. 2013 г.) /
М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования
«Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад.
МВД, 2013. – 291, [1] с.
ISBN 978-985-427-845-2.

Анализируются современные проблемы уголовного процесса, крими-
налистики и судебной экспертизы. Освещаются различные проблемные
вопросы, возникающие в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Предназначены для преподавателей, научных работников, аспиран-
тов, адъюнктов, соискателей, курсантов, слушателей и студентов юриди-
ческих вузов, практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.1 + 343.9
ББК 67

ISBN 978-985-427-845-2 © УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2013

УДК 343.13

О.А. Антонова

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА ЛИЦА НА ОБЖАЛОВАНИЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии с ч. 2 ст. 25 Конституции Республики Беларусь лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста. В развитие данного положения в УПК Республики Беларусь закреплён порядок такого обжалования. Предметом жалобы задержанного является требование об освобождении из-под стражи, фактическим основанием выступают незаконные или необоснованные (по мнению задержанного лица) действия органов, ведущих уголовный процесс, которые выразились в кратковременном ограничении его свободы и личной неприкосновенности.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК Республики Беларусь судебная проверка законности и обоснованности задержания проводится в срок не более 24 часов со времени поступления жалобы единолично судьей по месту предварительного расследования уголовного дела. Однако задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, возможно и до возбуждения уголовного дела (вопрос о возбуждении уголовного дела должен быть решен в течение 12 часов с момента фактического задержания), к тому же решение о задержании подозреваемого принимается в течение трех часов с момента доставления лица в орган уголовного преследования, следовательно, в течение 15 часов после задержания подозреваемого «место предварительного расследования» отсутствует, а значит, и возможность провести судебную проверку его законности и обоснованности. Кроме того, УПК Республики Беларусь предусматривает и задержание осужденного (решение о задержании принимает суд в виде постановления или определения, а не орган предварительного расследования). При этом, если буквально анализировать ч. 1 ст. 144 УПК Республики Беларусь, то только определения (постановления) суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продлении срока содержания под стражей, домашнего

ареста рассматриваются судьей вышестоящего суда, в остальных случаях (в том числе и задержании осужденного) жалоба проверяется судом по месту предварительного расследования, которое к этому времени уже фактически окончено. По нашему мнению, жалоба на задержание во всех случаях должна рассматриваться судом по месту фактического задержания, так как именно законность и обоснованность этого процессуального действия, а не предварительного расследования проверяется в зале судебного заседания. К тому же в этом случае в судебном заседании будет принимать участие прокурор, которому в соответствии с ч. 3 ст. 110 УПК Республики Беларусь сообщили о проведенном задержании, а не прокурор по месту производства предварительного расследования, которые могут и не совпадать.

Даже если задержанный немедленно подал жалобу согласно ст. 143 УПК Республики Беларусь, администрация места предварительного заключения обязана в течение 24 часов после получения жалобы направить ее в соответствующий орган, ведущий уголовный процесс, который, в свою очередь, также в течение 24 часов с момента получения жалобы обязан направить ее в суд с приложением материалов уголовного дела, подтверждающих законность и обоснованность задержания. Судебная проверка законности и обоснованности задержания проводится в срок не более 24 часов со времени поступления жалобы. Таким образом, с момента подачи жалобы и до ее рассмотрения в суде может пройти 72 часа – время равное сроку задержания, т. е. задержанный фактически уже и так должен быть освобожден (или к нему должна быть применена мера пресечения). В связи с этим, по нашему мнению, для обеспечения защиты прав задержанных лиц целесообразным было бы изменить предусмотренный в УПК Республики Беларусь порядок обжалования: администрация мест содержания задержанных немедленно по ее получении должна направлять жалобу непосредственно в суд. Например, согласно ст. 126 УПК Российской Федерации администрация места содержания под стражей немедленно направляет прокурору или в суд адресованные им жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей. Положение о 24-часовом сроке для администрации места содержания задержанных в Республике Беларусь не обосновано необходимостью совершения сложных действий. В соответствии с ч. 2 ст. 12 закона Республики Беларусь «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» ходатайства, предложения, заявления и жалобы, адресованные в орган, ведущий уголовный процесс, цензуре не подлежат.

Суд, в свою очередь, в рамках подготовки к судебному заседанию мог бы истребовать от органа, принимавшего решение о задержании,

материалы, подтверждающие законность и обоснованность задержания. Можно предусмотреть и иной способ. В силу того, что обязательным участником указанного судебного заседания является прокурор, который высказывает свое мнение о соблюдении законодательства при задержании, то данное должностное лицо в подтверждение своей позиции и должно было бы предоставлять суду материалы о задержании.

Не вполне оправданным является положения ч. 2 и ч. 3 ст. 144 УПК Республики Беларусь, которые закрепляют право (а не обязанность) суда пригласить для участия в судебном заседании защитника, а при его отсутствии – самого задержанного. Таким образом, получается, что в ходе судебной проверки задержания обязательно принимает участие только должностное лицо (прокурор), который осуществляет надзор за соблюдением законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, а значит, если бы прокурор считал, что задержание было проведено с нарушением принципов законности и обоснованности, то дал бы указание об освобождении задержанного из-под стражи уже до судебного заседания по этому вопросу. Доводы же противоположной стороны представлены только в жалобе и ограничиваются фактически ее содержанием. Подобное создает угрозу для односторонности рассмотрения жалобы.

Кроме того, отсутствие в судебном заседании задержанного или его защитника приводит к невозможности должным образом реализовать указанными лицами право на обжалование постановления судьи об оставлении жалобы без удовлетворения. В частности, в ч. 2 ст. 145 УПК Республики Беларусь предусмотрено, что на постановление судьи об оставлении жалобы без удовлетворения может быть в течение 24 часов подана жалоба в вышестоящий суд лицом, обжаловавшим задержание. Однако в силу ч. 7 указанной статьи по вступлении постановления судьи в законную силу его копия не позднее 24 часов направляется лицу, подавшему жалобу, и прокурору, а в случае принятия решения об освобождении лица из-под стражи – незамедлительно администрации места содержания лица под стражей для исполнения. Следовательно, право на обжалование у задержанного заканчивается по истечении 24 часов с момента вынесения судьей постановления, а копия данного постановления (на которое и может быть подана жалоба) будет предоставлена лицу после того, как право на обжалование истечет. Для исключения подобной ситуации в УПК Республики Беларусь необходимо предусмотреть либо немедленное направление копии постановления судьи лицу, подавшему жалобу на задержание, либо срок для обжалования такого постановления должен исчисляться не с момента его вынесения, а с момента получения его копии лицом.

ФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Определений уголовной политики в литературных источниках имеется немало. Обратим внимание на некоторые авторские подходы в выработке термина «уголовная политика» и через них определим понятие «уголовно-процессуальная политика».

Так, Л.Д. Гаухман и Ю.И. Ляпунов отмечают, что уголовная политика есть не что иное, как основные принципы, направления и перспективы охраны общественных отношений от преступных посягательств, базирующиеся на позиции объективных закономерностей развития общества в исторически определенный период и соответствующие сущности социально-экономической формации. Аналогичной позиции придерживались Н.И. Загородников и Н.А. Стручков, которые утверждали, что уголовная политика есть исходные требования борьбы с преступностью посредством разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер создания и применения правовых норм материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию, а когда это необходимо и декриминализацию деяний, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с преступностью мер государственного принуждения.

Несколько иной путь к определению уголовной политики, основанной на анализе ее соотношения с государственной политикой борьбы с преступностью, предложили П.С. Дагель и П.Н. Панченко. Названные авторы обращали внимание на то, что уголовная политика – это прежде всего политика государства, основанная на выработанной правящей партией программе борьбы с преступностью. Что же касается подходов к выявлению сущности и определению понятия уголовная политика, то П.Н. Панченко, произведя анализ почти всех авторских подходов к выявлению сущности термина «уголовная политика» и определений данного понятия, утверждал, что несмотря на свое различие в понимании объема содержания данного термина, сущностная основа уголовной политики и политики борьбы с преступностью является одинаковой. При этом именно уголовная политика формирует основную линию борьбы (стратегическую и тактическую) с преступностью.

Как основополагающую линию уголовной политики, в содержание которой входят цели и средства воздействия на преступность, определяемую путем формирования норм уголовного, уголовно-процессуаль-

ного и уголовно-исполнительного законодательства, практика применения норм действующего законодательства, а также выработка и реализация мер, направленных на предупреждение преступлений, понимали уголовную политику А.И. Коробеев, А.В. Усс и Ю.В. Голик.

Имеющиеся подходы к пониманию термина «уголовная политика» позволяют нам сформировать обобщенное определение данного термина и отметить, что под уголовной политикой ряд ученых-процессуалистов понимают совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных мер, направленных на борьбу с преступностью, где уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее деятельность правоохранительных органов, по разрешению заявлений и сообщений о преступлении, предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел является одним из направлений уголовной политики государства.

Считаем, что такого рода определение демонстрирует неразрывную связь уголовной и уголовно-процессуальной политики, закреплённой законодателем в нормах действующего законодательства. Поскольку действующие в уголовном процессе нормы уголовно-процессуального законодательства законодатель относит к самостоятельной отрасли правоприменительной деятельности, то нам представляется, что проявление уголовно-процессуальной политики государства можно установить исходя из содержания норм действующего уголовно-процессуального законодательства.

Проанализируем суждения ученых-процессуалистов, касающиеся выработки определения термина «уголовно-процессуальная политика». Под уголовно-процессуальной политикой, как отмечали Н.С. Алексеев и В.Г. Даев, следует понимать содержание, основные направления правотворческой деятельности государства и правоприменительной деятельности компетентных государственных органов по борьбе с преступностью путем реализации уголовного закона при строжайшем соблюдении законности, а также путем выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений. Аналогично высказался и Ю.А. Ляхов, который отметил, что под уголовно-процессуальной политикой он понимает основные направления правотворческой деятельности государства и правоприменительной деятельности соответствующих государственных органов и должностных лиц в сфере расследования и разрешения уголовных дел.

Действительно, о содержании уголовно-процессуальной политики государства можно судить по сформулированным законодателем основным положениям уголовного процесса, лежащим в основе уголовно-процессуальной деятельности, т. е. принципам, сформулированным

законодателем в нормах Конституции и уголовно-процессуального закона. Ведь принципы, сформулированные с учетом явлений общественно-политического, экономического и идеологического характера, являются регуляторами уголовно-процессуальной деятельности не сами по себе. В уголовном процессе принципы уголовно-процессуальной деятельности реализуются через конкретные нормы уголовно-процессуального законодательства, поэтому в уголовном процессе принципами являются те основные исходные положения, в соответствии с которыми осуществляется производство по материалам и уголовным делам, а поскольку все уголовно-процессуальные принципы закреплены в нормах закона, то влияние уголовно-процессуальных принципов правоприменителями ощущается на всех стадиях уголовного производства.

Большинство принципов, на основе которых строится уголовно-процессуальная деятельность, закреплены в нормах Конституции. Однако это не означает, что принципы, нашедшие свое отражение в УПК, следует считать второстепенными. В действительности все принципы важны для уголовно-процессуальной деятельности органов, ведущих уголовный процесс, поскольку и конституционные принципы, и принципы, закрепленные в правовых нормах уголовно-процессуального закона, являются общими для всех стадий уголовного процесса.

Нам представляется, что формировать и определять уголовно-процессуальную политику Республики Беларусь необходимо не только через систему общих, руководящих положений, определяющих сущность уголовно-процессуальной деятельности, на основе которых строится вся система уголовно-процессуальных норм, т. е. систему принципов, закрепленных в нормах Конституции, где установлены общие положения, относящиеся к уголовному процессу (осуществление правосудия только судом, неприкосновенность личности, охрана личной жизни и др.), но и систему уголовно-процессуальных принципов, изложенных в гл. 2 УПК (ст. 8–25), в которых отражены специальные особенности производства по материалам и уголовным делам (оценка доказательств по внутреннему убеждению, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела и др.).

Исходя из вышеизложенного определим понятие «уголовно-процессуальная политика», под которым следует понимать предопределенную нормами Конституции, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства деятельность государственных органов и должностных лиц по реализации системы, сформированных законодателем основных начал (положений, идей, принципов) лежащих в основе уголовного производства по материалам и уголовным делам.

ОТНОСИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Оценка доказательств является обязательным элементом процесса доказывания. В УПК Республики Беларусь изложены критерии оценки доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве» (ч. 1 ст. 105). Среди них относимость является основополагающим критерием, открывающим возможность использования остальных. Дискуссии о свойствах доказательств и элементах процесса доказывания привели к формулировке в УПК понятия относимости доказательств: «Относящимися к уголовному делу признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела. Не являются относящимися к делу доказательствами, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства» (ч. 2 ст. 105 УПК). Из данного определения вытекает, что относимость доказательств определяется через их «значение для дела». Далее уточнения касаются способности к установлению обстоятельств преступления. Такой подход к выявлению сущностных сторон относимости доказательств больше напоминает доктринальную или даже учебную дефиницию, нежели нормативное правовое предписание.

В понимании относимости доказательств изначально необходимо определить, к чему относится данное явление: содержанию или форме доказательства. Следует констатировать, что доказательство в реальности существует в целостном виде, а не только как форма или содержание. При этом содержанием будет информационная сторона доказательства (сведения о фактах), а формой – в каком виде исходит эта информация, что предполагает адекватное ее закрепление в уголовно-процессуальных документах. Форма доказательства в УПК представлена в виде его источника (показания, заключения и т. п.). Способы закрепления предполагаются и зависят от уровня развития научно-технического прогресса. Следует отметить, что в любой сфере познания существуют свои специфические способы закрепления информации (формулы, схемы, графики, таблицы и т. д.).

Преступление как событие прошлого оставляет на объектах материального мира и в сознании человека следы-отражения. Задача состо-

ит в том, чтобы изъять такого рода информацию и соответствующим образом отобразить ее в уголовно-процессуальных документах. У каждой исторической эпохи на этот счет свои возможности. В современных государствах превалирует постулат: права и законные интересы человека при этом не должны нарушаться. Налицо сочетание общественных и частных интересов. Из разнообразия информации, которую содержат следы-отражения, надо изымать только информацию, касающуюся элементов состава преступления. В УПК данное явление представлено в виде «обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу», т. е. предмета доказывания. Но путь познания сложен и не всегда является прямым. Он начинается с предположений – следственных версий, которые в ходе деятельности по их проверке либо подтверждаются, либо опровергаются. Важно, чтобы прослеживалась связь между искомым обстоятельством и полученным доказательством. В связи с этим относимость – это объективное свойство, присущее природе доказательств. УПК предписывает сосредоточить усилия на обстоятельствах, имеющих непосредственное отношение к преступлению, иначе процесс доказывания может стать безграничным и бесконечным, что противоречило бы самому смыслу уголовной ответственности. Связь содержания доказательства с искомыми по уголовному делу обстоятельствами обусловлена, с одной стороны, закономерностями процесса отражения информации, а с другой – наличием в УПК правовых предписаний о том, что же именно и каким образом изымать. В связи с этим интерес представляет вопрос о месте и значении доказательственных (вспомогательных, промежуточных) фактов. Часто благодаря им возможно установление обстоятельств, в совокупности образующих главный факт – факт наличия преступления. Доказательственные факты – это не цель, а средства познания.

Оценка относимости доказательств сопровождает весь процесс доказывания, но ее интенсивность, значимость различна. На таких этапах, как принятие решения о мере пресечения, предъявление обвинения, прекращение дела и других узловых либо завершающих конкретную стадию уголовного процесса действиях, относимость доказательств является основой процесса доказывания, от которой зависят другие атрибуты доказательств: допустимость, достоверность и достаточность. Если проигнорировать вопрос об относимости доказательств, то остальные свойства оценки доказательства просто бессмысленны.

Вопрос об относимости доказательств решается не только органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс, но и участниками уголовного процесса, прежде всего заинтересованными в исходе дела. Более того, даже такой не заинтересованный в исходе дела участник процесса, как свидетель, при даче показаний вынужден излагать

информацию под углом зрения ее связи с фактом преступления. Его показания можно разделить на свободный рассказ и ответы на поставленные вопросы, а для гарантии допрашиваемый вправе после свободного рассказа записать свои показания собственноручно. На досудебных стадиях уголовного процесса определение относимости доказательств является предварительным. И только суд окончательно оценивает относимость доказательств, что и закрепляется в судебных актах.

Критерием для выявления относимости доказательств является предмет доказывания, т. е. те сведения об обстоятельствах и фактах, которые связаны с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу. Доказательственные факты в большей мере характеризуют сложный, возможно зигзагообразный путь установления искомых фактов, но часто именно благодаря им происходит установление истины. Не каждый доказательственный факт сам по себе имеет отношение к искомому (элементу предмета доказывания). Доказательственные факты являются материалом, помогающим установлению события прошлого. Их учет, концентрация в предмете доказывания предполагается, и нет необходимости упоминать о них в УПК. Редакцию ч. 2 ст. 105 УПК Республики Беларусь желательно уточнить, придав ей следующий вид: «Относящимися к уголовному делу признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, указанные в статье 89 настоящего Кодекса».

УДК 343.123

С.В. Бориго

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИИ

Преступность как негативное явление представляет собой опасность для общества и государства. Особую опасность представляет коррупция. Ее опасность проявляется в том, что коррупционные преступления совершают должностные лица, наделенные от имени государства властными полномочиями, поэтому вред от этих преступлений несоизмерим, так как при их совершении подрывается авторитет всех государственных институтов. Именно поэтому успешное противодействие коррупции есть главное условие борьбы с преступностью.

В ходе предварительного расследования по данной категории дел иногда имеют место попытки воспрепятствовать предварительному расследованию путем оказания незаконного воздействия на участников

уголовного процесса, сокрытия или фальсификации материалов, неявки без уважительных причин для допросов и др.

Кроме того, должностные лица, привлекаемые к уголовной ответственности, стремятся избавляться от имущества, нажитого незаконным путем: продают или переоформляют недвижимость на родственников, расторгают брак, снимают деньги с банковских счетов, иногда пытаются скрыться, чтобы уйти от ответственности.

Для предупреждения подобных негативных явлений в ходе предварительного расследования следователи применяют меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и предупреждению других преступлений.

Каждое преступление, в том числе и коррупционное, если есть к тому основания, проходит все процедуры уголовного процесса, т. е. возбуждается уголовное дело, проводится предварительное расследование и судебное разбирательство. Такой же порядок производства и по другим видам преступлений.

Известно, что перед законом все равны и тот, кто совершил преступление, должен нести наказание за содеянное без всяких исключений. В связи с тем что коррупционные преступления совершают должностные лица, следует учитывать требования закона о том, что в отношении некоторых из них применяется особый порядок производства, введенный в УПК в январе 2006 г.

Особенности этого производства и попытаемся рассмотреть.

Возбудить уголовное дело в отношении лиц, должности которых включены в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, могут только генеральный прокурор Республики Беларусь, председатель Следственного комитета Республики Беларусь, председатель Комитета государственной безопасности (далее – КГБ) Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности. Кроме того, для возбуждения уголовного дела необходимо получить предварительное согласие Президента Республики Беларусь.

В отношении депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь уголовное дело может быть возбуждено генеральным прокурором Республики Беларусь, председателем Следственного комитета Республики Беларусь, председателем КГБ Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, с предварительного согласия соответствующей палаты Национального собрания Республики Беларусь. В отношении депутатов областных, Минского городского Советов депутатов уголовные дела возбуждаются прокурором области, Минска или вышестоящим прокурором либо председателем Следственного комите-

та Республики Беларусь, председателем КГБ Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности. Против депутатов районного, городского, поселкового, сельского Советов депутатов уголовное дело может возбудить прокурор соответственно района, города или вышестоящий прокурор.

Особый порядок возбуждения уголовных дел распространяется на судей, народных заседателей и прокурорских работников. Так, в отношении судей уголовное дело может возбудить генеральный прокурор Республики Беларусь, председатель Следственного комитета Республики Беларусь, председатель КГБ Республики Беларусь или лица, исполняющие их обязанности, с предварительного согласия должностного лица, назначенного на должность судьи.

В отношении народных заседателей уголовное дело возбуждается прокурором, председателем Следственного комитета Республики Беларусь, председателем КГБ Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, с согласия должностного лица (органа), утвердившего списки народных заседателей.

В отношении прокурора, начальника следственного подразделения, следователя уголовное дело возбуждается Генеральным прокурором Республики Беларусь, председателем Следственного комитета Республики Беларусь, председателем КГБ Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности.

Представляется, что в данный перечень должностных лиц, в отношении которых установлен особый порядок возбуждения уголовных дел, необходимо включить оперативных работников органов внутренних дел, КГБ и Комитета государственного контроля Республики Беларусь, так как осуществляя оперативно-розыскную деятельность эти работники являются носителями значимых государственных секретов, разглашение которых может повлечь вредные последствия и для граждан и для государства, ибо их деятельность регламентируется секретными правовыми актами, деятельность же следователей регламентирована УПК. В связи с этим в отношении оперативных работников и их руководителей уголовные дела должны возбуждаться генеральным прокурором Республики Беларусь, председателем Следственного комитета Республики Беларусь, председателем КГБ Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности.

Задержание и иные меры процессуального принуждения также должны осуществляться в особом порядке.

Лицо, занимающее высшую государственную должность Республики Беларусь, а также лицо, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь, назначенное на эту должность

Президентом Республики Беларусь, не может быть задержано и иным образом лишено личной свободы без предварительного согласия Президента Республики Беларусь, за исключением случаев совершения измены государству либо задержания на месте совершения преступления.

Лицо, должность которого включена в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь (кроме лиц, указанных выше), не может быть задержано и иным образом лишено личной свободы без предварительного согласия Президента Республики Беларусь, за исключением случаев совершения измены государству, иного особо тяжкого преступления, а также задержания на месте совершаемого преступления.

Такие же основания для задержания установлены для депутатов Парламента Республики Беларусь, судей.

В зависимости от того, какое должностное лицо задержано, об этом немедленно сообщается в письменной форме Президенту Республики Беларусь, Палатам парламента, а в отношении судей – председателю Конституционного суда, председателю Верховного суда, председателю Высшего Хозяйственного суда, в соответствующую квалификационную коллегия судей и Министерство юстиции в отношении общих и хозяйственных судов.

Если уголовное дело было возбуждено по факту или в отношении других лиц, производство следственных действий в отношении указанных выше лиц может осуществляться только с санкции Генерального прокурора Республики Беларусь. Личный обыск таких лиц не допускается, за исключением случаев задержания на месте совершения преступления.

При производстве по материалам и уголовным делам по данной категории лиц часто допускаются нарушения принципа презумпции невиновности.

По телевидению, радио, в газетах появляется информация о том, что задержали на рабочем месте должностное лицо за получение взятки. Уголовное дело еще не возбудили, но вся страна, область, район знают, что их руководитель совершил преступление. Через некоторое время выясняется, что это должностное лицо не совершало преступления, уголовное дело против него не возбуждалось. Однако никакая информация о невиновности этого лица нигде не распространялась. Но если против такого лица возбудили уголовное дело, то поток информации об этом лице удваивается. Дело заканчивается расследованием и направляется в суд. Суд рассмотрел дело и вынес оправдательный приговор, например за недоказанностью. После этого в соответствии с УПК должен начаться процесс реабилитации невиновного. К сожалению, такое случается редко. А ведь в ст. 26 Конституции записано: «Что никто не может быть признан виновным в преступлении, если его

вина не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда», т. е. виновным признать человека может только суд, вынесший обвинительный приговор, который вступил в законную силу.

Таким образом, необходимо применять неотложные меры по противодействию коррупции. Но для этого следует более профессионально использовать оперативно-розыскные возможности, специализацию следователей, судей. В то же время при производстве по таким делам должны строго соблюдаться все нормы уголовно-процессуального законодательства, в том числе и конституционный принцип презумпции невиновности.

УДК 343.1

Н.А. Борисенко

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УТРАЧЕННЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

На современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства все чаще возникает необходимость всестороннего теоретико-прикладного анализа отдельных процессуальных институтов. Прежде всего это связано с отдельными проблемами и пробелами в их правовой регламентации. Так, в 2010 г. в УПК Республики Беларусь был закреплён новый процессуальный институт – восстановление уголовных дел. Его сущностью является определение механизма восстановления утраченных уголовных дел как в досудебном, так и судебном производстве (ст. 165¹).

Между тем исследование данного уголовно-процессуального института показало, что в нём имеется достаточно проблем в нормативной регламентации, а это, в свою очередь, приводит к многообразному толкованию правовых предписаний на практике, нарушению действующего законодательства.

Одной из таких проблем является отсутствие должного регулирования порядка процессуального оформления начального этапа деятельности по восстановлению утраченных уголовных дел.

Так, в содержании ст. 165¹ УПК предусмотрен лишь процессуальный механизм оформления принимаемого решения о восстановлении уголовных дел, находящихся в производстве, при этом порядок принятия решения по приостановленным производством уголовным делам не урегулирован.

В ч. 1 ст. 165¹ УПК сказано, что восстановление утраченного уголовного дела либо его отдельных материалов производится по постановлению начальника следственного подразделения, начальника органа дознания, прокурора, а в случае утраты уголовного дела либо его материалов в ходе судебного производства – по определению (постановлению) суда. Данная регламентация не вызывает никаких процессуальных проблем в правоприменительной практике при восстановлении утраченных уголовных дел, находящихся в производстве. Так, следователь при утрате уголовного дела, находившегося в производстве, докладывает о случившемся начальнику следственного подразделения. Последний выносит постановление о восстановлении утраченного уголовного дела и передает его следователю для последующего восстановления. Следователь, получив постановление о восстановлении утраченного уголовного дела, принимает его к своему производству и приступает к восстановлению, используя механизмы и средства, регламентированные в ч. 2 ст. 165¹ УПК, а также соблюдая сроки, установленные ч. 3 этой статьи.

Указанная процессуальная процедура не противоречит нормам УПК, так как в ходе предварительного следствия по уголовному делу начальнику следственного подразделения и прокурору предоставлены соответствующие полномочия на принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий.

Если данный порядок процессуального оформления начального этапа восстановительной деятельности применим к утраченным уголовным делам, находившимся в производстве, т. е. предварительное расследование по которым производилось в общем порядке, то несколько иначе обстоит процесс при восстановлении приостановленных производством уголовных дел.

В результате исследования было установлено, что в правоприменительной практике выработан следующий порядок процессуального оформления начального этапа восстановительной деятельности. Так, в случае утраты приостановленного производством уголовного дела после выявления данного факта начальник следственного подразделения выносит постановление о восстановлении утраченного уголовного дела. Получив от начальника или прокурора постановление о восстановлении уголовного дела, следователь принимает его к своему производству, одновременно вынося постановление о возобновлении приостановленного предварительного расследования, после чего приступает к его восстановлению. Важно также подчеркнуть, что при вынесении постановления о возобновлении предварительного расследования, следователь мотивирует свое решение необходимостью производства следст-

венных действий, которые могут быть осуществлены без участия обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 249 УПК).

На наш взгляд, указанный выше алгоритм действий и порядок процессуального оформления начального этапа восстановления утраченного уголовного дела, производство по которому было приостановлено, не совсем соответствует требованиям УПК.

Прежде всего это связано с запретом на производство по уголовному делу, следствие по которому приостановлено (ч. 3 ст. 247 УПК). Имеется в виду, что следователь, в том числе начальник следственного подразделения и прокурор, по приостановленному уголовному делу не имеют права проводить каких-либо следственных действий и принимать процессуальных решений, за исключением решения о возобновлении приостановленного предварительного расследования. Следует также обратить внимание на то, что само постановление о восстановлении утраченного уголовного дела по своей сущности не восстанавливает производство по уголовному делу и закон не наделяет его таким правом. Оно лишь констатирует необходимость в восстановлении утраченных материалов уголовного дела как материального носителя информации. Отрицать тот факт, что при утрате уголовного дела предварительное расследование по нему оканчивается, просто необоснованно. Оно продолжается, но уже без материального носителя, т. е. уголовного дела. По своему содержанию и сущности восстановительное производство не что иное, как форма повторного расследования по ранее возбужденному уголовному делу, которое не ограничивается рамками собранных ранее материалов и доказательств. Таким образом, только после возобновления предварительного расследования, даже при отсутствии уголовного дела, возможно принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий.

Отсюда следует, что постановление начальника следственного подразделения или прокурора о восстановлении утраченного уголовного дела, вынесенное до возобновления приостановленного предварительного расследования, является противоречащим действующим нормам УПК. В связи с этим правильным будет вначале вынести постановление о возобновлении предварительного расследования, а затем постановление о восстановлении утраченного уголовного дела. Следовательно, сроки предварительного следствия будут исчисляться в порядке ч. 5 ст. 190 УПК.

Между тем возникает следующая проблема, связанная с возобновлением предварительного расследования по приостановленному уголовному делу, которое было утрачено. Так, ст. 249 УПК факт утраты приостановленного уголовного дела не относит к основаниям возобновления предварительного расследования.

Как отмечалось ранее, на практике в ходе возобновления приостановленных утраченных уголовных дел руководствуются п. 2 ч. 1 ст. 249 УПК, мотивируя это необходимостью проведения следственных действий по собиранию доказательств в целях восстановления уголовного дела. Однако из содержания данной нормы следует, что ее основания распространяются только на случаи обязательности производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия обвиняемого. Например, по приостановленному уголовному делу был установлен новый свидетель, который располагает информацией, способствующей установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Допрос такого свидетеля будет являться основанием для возобновления приостановленного предварительного расследования по п. 2. К этому основанию также можно отнести и важность в проведении других следственных действий (обыск, выемка, назначение и проведение экспертиз и др.), которые направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Необходимость восстановления уголовного дела не охватывается содержанием п. 2 ч. 1 ст. 249 УПК, следовательно, отсутствуют какие-либо основания для возобновления приостановленного предварительного расследования. Таким образом, возобновление предварительного расследования по утраченному уголовному делу в нынешней редакции п. 2 ч. 1 ст. 249 УПК является необоснованным и противоречит действующему законодательству.

Однако данный пробел в законодательстве вполне устраним без кардинального внесения изменений как в институт восстановления уголовных дел, так и в институт приостановления и возобновления предварительного расследования.

В целях устранения существующего пробела в уголовно-процессуальном законе и правильного соблюдения порядка возобновления предварительного расследования по утраченному уголовному делу предлагается внести изменения в содержание п. 2 ч. 1 ст. 249 УПК, изложив его в следующей редакции: «2) возникла необходимость принятия процессуальных решений, а также производства процессуальных действий, которые могут быть осуществлены без участия обвиняемого».

Это позволит, не нарушая действующее законодательство, возобновлять предварительное расследование по утраченному уголовному делу, следствие по которому было приостановлено.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

7 декабря 1991 г. Беларусь перешла к качественно новому этапу своего развития, став суверенным государством. Изменились условия общественной жизни, проявились новые политические и экономические факторы, что непременно привело к трансформации правовой системы общества, в том числе уголовно-процессуального законодательства.

В соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь, обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства.

Однако сегодня перед государством стоит задача не просто провозгласить на законодательном уровне права человека, а создать эффективный правовой механизм их реализации и защиты, в том числе и в уголовном процессе, что, в свою очередь, и является одной из самых трудноразрешимых проблем.

В процессе формирования европейской уголовной системы участвуют большинство европейских государств, которые прилагают усилия в данном направлении как в рамках Европейского союза, так и в рамках неразрывно с ним связанного Совета Европы.

Анализ научных разработок по проблемам формирования общеевропейского правового поля показал следующее: во-первых, в ходе эволюции взглядов на значение норм международно-правового регулирования межгосударственных отношений важный акцент делался на необходимость правовой интеграции и подчинения общим принципам международного права и требованиям международных нормативных правовых документов; во-вторых, объединительные процессы в Европе сопровождаются интенсивным нормотворчеством в большинстве случаев наднационального характера, что, в свою очередь, интенсифицирует проработку вопросов о создании единого европейского государства; в-третьих, процесс наднационализации норм уголовно-правового законодательства приводит не только к положительным результатам, но и к отрицательным, прослеживающимся в межгосударственных отношениях в данной области. Как показывает практика, большую роль играет договорно-правовой (конвенционный) механизм сотрудничества государств – членов Совета Европы в области уголовного правосудия и борьбы с преступностью.

Наличие множества двусторонних соглашений между государствами-членами Совета Европы о выдаче и оказании правовой помощи по уголовным делам, различным по объему и характеру регулирования, обусловило стремление унифицировать в рамках этой организации международные нормы, относящиеся к данным вопросам.

Следует отметить, что в результате отсутствия централизованной правоохранительной системы и гармонизированного уголовного законодательства в западноевропейских государствах возникает потребность в эффективном сотрудничестве как между властями Европейского союза, так и между государствами-членами в вопросах взаимной правовой помощи, что не всегда возможно. На Западе также имеет место опасность существования двух разных уголовно-процессуальных систем, последствия действий которых могут заключаться в том, что полномочия властей и права граждан будут различаться. У нас же существует одна система, в соответствии с которой проводятся все необходимые процессуальные действия и меры. В правоохранительной деятельности Республики Беларусь существует четкая централизованная и самостоятельная система управления, поэтому европейская уголовно-процессуальная система – это не правовая концепция, а прежде всего действующая категория, объединяющая развитие европейского уголовного законодательства, действие его непосредственных механизмов, которые имеют в процессе своего функционирования ряд недостатков.

На наш взгляд, для обеспечения более эффективной уголовно-процессуальной деятельности и применения норм права как у нас в стране, так и за рубежом следует принять некоторые меры: развивать тенденции к гармонизации норм национального уголовно-процессуального законодательства Беларуси в соответствии с требованиями норм европейского уголовного права, что позволит нашему государству с равной степенью участвовать в оценочном правовом сотрудничестве, а также позволит правоохранительным органам нашего государства эффективно развивать взаимодействие с соответствующими службами европейских государств в области уголовного правосудия и предупреждения преступности. Основными задачами между Советом Европы и Республикой Беларусь на ближайшую перспективу должны остаться: принятие и совершенствование европейских стандартов, касающихся закрытой информации по уголовным делам; приграничное сотрудничество; негласная деятельность сотрудников правоохранительных органов, внедренных в преступные группы; поиск необходимого баланса для координации международного сотрудничества путем ликвидации дублирования в деятельности административных органов и органов уголовной юстиции.

Таким образом, предпосылкой для эффективного и полнокровного юридического сотрудничества в области уголовного правосудия являются общеобязательные правила, которые могут быть благополучно применены. Заключение договоров, конвенций является всего лишь первым шагом по пути к эффективному сотрудничеству. Второй шаг – ратификация указанных актов, третий – их действие и применение.

УДК: 343.131.3

В.А. Воробьев

ПРЕЮДИЦИЯ ИЛИ ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ?

Современное уголовно-процессуальное законодательство Беларуси содержит немало положений, которые носят дискуссионный характер. К таковым, несомненно, относятся правила преюдиции и оценки доказательств по внутреннему убеждению, предполагающие установление четкого соотношения между собой.

Преюдиция предусматривает, что вступивший в законную силу приговор по другому уголовному делу обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки.

Одновременно в УПК Республики Беларусь закреплён принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению, который означает, что суд, орган уголовного преследования оценивают доказательства, руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности, при этом никакие доказательства для органа дознания, следователя, прокурора, суда не имеют заранее установленной силы.

Отдельные авторы под внутренним убеждением понимают такое состояние должностных лиц уголовного процесса, при котором они приходят к однозначному выводу о доброкачественности доказательств и их достаточности для формирования решения о виновности либо невиновности лица в совершении преступления и других решений, определяющих направление и результаты производства по уголовному делу.

Ю.В. Кореневский указывает, что в уголовном судопроизводстве познание осуществляется в ходе практической деятельности, отнюдь не ограничиваясь мыслительным процессом, хотя последний присутствует постоянно. При этом мыслительный процесс приобретает юриди-

ческое значение лишь в тех случаях, когда его результаты доступны другим участникам уголовного судопроизводства путем закрепления в соответствующих процессуальных документах.

Заслуживает внимания мнение о том, что правила собирания и проверки доказательств определены в законе таким образом, чтобы обеспечить познавательный результат и возможность принимать на основе полученной информации соответствующее решение. Удостоверение полученного результата познавательной деятельности в надлежащей форме гарантирует возможность ознакомления и использования полученных доказательств всеми участниками процесса, а также позволяет осуществлять проверку правильности решения.

Особо подчеркнем, что деятельность суда практически заключается в оценке доказательств, собранных по уголовному делу. При этом абсолютно свободная оценка доказательств согласно утверждениям, высказанным в отдельных работах последних лет, отсутствует, поскольку суд связан теми или иными процессуальными преюдициями, презумпциями, правилами допустимости, обязательности тех или иных доказательств.

Следует отметить, что ученые при решении вопроса о том, чему надо отдать предпочтение – внутреннему убеждению либо преюдициальной силе приговора, в своих мнениях расходятся.

Ряд авторов исходят из приоритета внутреннего убеждения субъектов уголовного процесса. В частности, по мнению М.С. Строговича, преюдиция должна отвергаться судом в тех случаях, когда опровергается собранными по делу доказательствами.

О.А. Папкова указывает на то, что если у суда возникают сомнения в истинности преюдициально установленных фактов, он вправе их заново исследовать.

Рассматривая применение преюдиции в сочетании со внутренним убеждением, Г.М. Резник утверждает, что: при решении вопроса в пользу преюдиции допускается вынесение приговора вопреки внутреннему убеждению судей. Решение вопроса в пользу принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению приводит к появлению противоречащих друг другу приговоров, вынесенных в отношении одних и тех же фактов, при этом предлагая следующий вариант выхода из данной коллизионной ситуации: если у суда возникает сомнение в истинности преюдициально установленных фактов, он вправе их заново исследовать. Придя к убеждению, что эти факты были установлены неправильно, суд приостанавливает производство по делу и выходит с представлением об опротестовании ранее вынесенного приговора в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ряд авторов констатируют, что предпочтение следует отдавать преюдициальной силе приговора суда (сторонником данной идеи является, например, Ф.Н. Фаткуллин).

Наиболее приемлемой, на наш взгляд, видится последняя позиция, в поддержку которой можно привести следующий аргумент: не может считаться нормальной ситуация, когда два противоположных судебных решения имеют одинаковую законную силу и одно из них, по мнению судьи, незаконно, несправедливо и необоснованно.

При производстве по уголовному делу не стоит «унижать» мнение суда при вынесении базового приговора, т. е. приговора, содержащего преюдициально установленные факты. Если приговор вступил в законную силу, то зачем искусственно затягивать рассмотрение уголовного дела путем пересмотра ранее установленных судом обстоятельств. Все сомнения в законности, обоснованности базового приговора могут быть разрешены по инициативе соответствующих субъектов до вступления его в законную силу, в частности, по инициативе прокурора, на которого возложена обязанность осуществлять надзор за соответствием закону судебных постановлений.

Таким образом, правило преюдиции не должно рассматриваться как ограничение внутреннего убеждения органов, ведущих уголовный процесс. Оно выступает как условие, способствующее процессуальной экономии, инструмент, обеспечивающий решение задачи по защите личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, избличения и привлечения к уголовной ответственности виновных.

УДК 343.148

А.И. Габа

СПЕЦИФИКА НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ И СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)

Эффективность борьбы с преступностью в решающей степени зависит от того, в какой мере учитываются и насколько правильно реализуются органом уголовного преследования и судом в процессе расследования преступлений определенных категорий соответствующие криминалистические рекомендации, положения уголовного права и уголовно-процессуальное законодательство. Мы рассматриваем данную проблему применительно к некоторым аспектам расследования общественно опасных деяний (далее – ООД) несовершеннолетних.

Согласно ч. 3 ст. 27 УК не подлежит уголовной ответственности несовершеннолетнее лицо, которое достигло указанного в законе возраста привлечения к уголовной ответственности, если будет установлено, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения ООД было не способно сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния.

В п. 15 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», Научно-практическом комментарии к ст. 108 УК говорится о том, что при наличии данных, вызывающих сомнение в умственном развитии несовершеннолетнего, совершившего ООД, следует назначать психологическую или комплексную психолого-психиатрическую экспертизу (далее – КСППЭ) в соответствии с требованиями ст. 226–228 УПК. При этом на разрешение КСППЭ может быть поставлен вопрос о способности лица, совершившего ООД, сознавать его фактический характер или общественную опасность. На разрешение эксперта-психолога должен быть поставлен вопрос о соответствии умственного развития несовершеннолетнего его возрасту. Если судом будет установлено, что несовершеннолетний обвиняемый вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с болезненным психическим расстройством, во время совершения ООД был не способен сознавать фактический характер или общественную опасность своего деяния, суд постановляет оправдательный приговор.

Из этого следует, что орган уголовного преследования и суд могут назначить названные экспертизы в том случае, если у них возникнет обоснованное предположение о наличии у несовершеннолетнего на момент совершения инкриминируемого ему деяния или в период проведения предварительного расследования (рассмотрения дела в суде) психического расстройства либо об отставании его в умственном развитии, не связанном с психическим расстройством. При этом получается, что они вправе не назначать данные экспертизы, если такие предположения у них не возникнут.

Вместе с тем существует положение п. 3 ч. 2 ст. 89 УПК, согласно которому по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, подлежит обязательному установлению и доказыванию «...степень интеллектуального, волевого и психического развития» несовершеннолетнего.

Выполнить данное положение (требование) УПК ни следователь, ни суд не могут, не прибегнув к проведению экспертизы. Собственная, пусть даже научно обоснованная точка зрения следователя или судьи, не может в данном случае являться доказательством по уголовному делу.

Требование ст. 89 УПК является совершенно обоснованным. У несовершеннолетних вследствие своеобразия психического развития, обусловленного во многом индивидуальными особенностями протекания процесса полового созревания, признаки психического расстройства могут не проявляться настолько выражено, чтобы быть выявленными неспециалистами, часто они могут приниматься за обусловленные возрастом особенности поведения.

Пункт 3 ст. 228 УПК содержит положения о случаях, когда проведение судебной экспертизы обязательно. Применительно к рассматриваемой нами проблеме эти положения безальтернативно обязывают субъектов расследования назначать экспертизу в отношении подозреваемых (обвиняемых) несовершеннолетних лишь в случае, когда возникает сомнение в их вменяемости или способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания. Из этого следует, что при отсутствии у следователя (суда) таких сомнений проведение экспертизы необязательно, в том числе и в отношении несовершеннолетних.

Мы считаем, что в отношении несовершеннолетних это положение (такая необязательность назначения экспертизы во всех случаях) касается только судебной психиатрической экспертизы. В отношении несовершеннолетних, совершивших ООД, за которое они могут быть привлечены к уголовной ответственности, судебно-психологическая экспертиза должна назначаться во всех случаях, потому что только с ее помощью можно установить степень психического, в том числе интеллектуального и волевого, развития несовершеннолетнего и облечь результаты проведенного исследования в установленную законом форму, выполняя требование ст. 89 УПК.

Однако отсутствие в законе категорического требования о необходимости устанавливать степень психического развития несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) путем проведения экспертизы дает возможность субъектам расследования произвольно трактовать положения ст. 89 УПК и фактически не выполнять ее требования. Анализ и обобщение материалов архивных уголовных дел показывает, что это является очень распространенной ситуацией на практике.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить ст. 228 УПК, перечисляющую обстоятельства, для установления которых проведение экспертизы является обязательным, п. 5 следующего содержания: «степень психического, в том числе интеллектуального и волевого развития несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, за которое он может быть привлечен к уголовной ответственности».

Отстаиваемая нами точка зрения вызвана не только стремлением формально устранить отмеченное выше противоречие отдельных пра-

вовых норм. Ее реализация не только позволит суду выносить более обоснованные приговоры и лучше обеспечивать защиту прав несовершеннолетних обвиняемых, но повлечет ряд иных важных, логично вытекающих из этого следствий:

процесс подготовки следователем (судом) названных экспертиз предоставляет в их распоряжение большой объем информации, характеризующей личность обвиняемого несовершеннолетнего; учет этой информации, а также результатов проведенных экспертиз позволит следователям более эффективно организовывать предварительное расследование, правильно определять тактические особенности отдельных процессуальных действий и целых тактико-криминалистических комплексов, а судам – выносить более обоснованные приговоры по делам данной категории;

результаты этих экспертиз могут быть эффективно использованы сотрудниками профилактических подразделений органов внутренних дел, осуществляющих работу с несовершеннолетними правонарушителями;

выявление судебно-психологической экспертизой наличия психического недоразвития у несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) автоматически влечет за собой необходимость проведения в отношении его и судебно-психиатрической экспертизы либо КСППЭ, поскольку в таком случае эксперт-психолог не в состоянии (это выходит за пределы его компетенции) определить природу этого психического недоразвития, умственной отсталости (патологическую или непатологическую), и возникает обоснованное предположение о наличии у несовершеннолетнего психического расстройства. Это обстоятельство стало бы существенной гарантией обеспечения законности и защиты прав несовершеннолетних при расследовании уголовных дел.

УДК 343.14

Д.Е. Данильчик

КАК ВОСПОЛНИТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ДОПУСТИМЫМИ

Нарушения уголовно-процессуального закона, способные влиять на юридическую силу доказательств, могут совершаться как на досудебных стадиях, так и в суде. Доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением конституционных прав и свобод гражданина и требований УПК, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса либо нарушением иных правил уголовного процесса. В то же время человеческий фактор со сто-

роны органа уголовного преследования либо суда, влияющий на эти нарушения, не должен способствовать лицу, совершившему преступление, избежать уголовной ответственности. На практике в подавляющем большинстве случаев работа защитника осуществляется в тенденциозном подходе, направленном на целенаправленный поиск процессуальных нарушений, возможно допущенных органом уголовного преследования или судом, в частности в протоколах следственных действий, судебного заседания, оперативно-розыскных мероприятий. В случае если такие нарушения были установлены, то доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в ст. 89 УПК.

Уголовно-процессуальный закон не содержит норм, предусматривающих восполнение процессуальных нарушений для признания доказательств допустимыми. Предоставление возможности органу уголовного преследования и суду восполнить допущенные процессуальные нарушения позволит в полной мере реализовать задачи уголовного процесса (ст. 7 УПК). В таком случае повышается роль правосудия на основе состязательности и равенства сторон. Помимо поиска процессуальных нарушений в действиях органа уголовного преследования сторона защиты обратит внимание на предусмотренную в ч. 3 ст. 103 УПК возможность защитнику представлять доказательства, собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого, путем опроса физических лиц, запрашивания справок и иных документов, мнений специалистов и т. д.

Необходимо своевременно принимать меры, направленные на не противоречащее правовым нормам устранение пробелов такого рода, которые могут быть расценены как факты нарушения закона. Вопрос о восполнении таких действий на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования должен решаться в первую очередь органом дознания, следователем, начальником следственного подразделения, сотрудниками процессуального контроля, прокурором. Это тесно связано и с таким фактором, как восполнимость процессуальных нарушений для последующего признания доказательств допустимыми.

Последствия признания доказательства недопустимым для выяснения обстоятельств дела могут быть восполнимыми и невозполнимыми. Восполнить образовавшийся пробел в доказательственной информации возможно тогда, когда процессуальное действие, служившее средством получения доказательства, можно провести повторно, а полученные при его помощи сведения будут аналогичны имевшимся ранее. В противном случае сведения, содержащиеся в доказательстве, которое признано недопустимым, юридически перестают существовать. Необ-

ходимо иметь в виду, что ряд следственных действий невозможно провести повторно в силу самой их природы. Так, повторное предъявление для опознания всегда порождает неустранимое сомнение в достоверности его результатов, поскольку опознающий уже может располагать сведениями, исключающими объективность его показаний. Закон не предусматривает процедуру изъятия из материалов дела протокола следственного действия, результаты которого признаны недопустимым доказательством. И это вполне понятно, поскольку помимо того, что решение о недопустимости доказательства может быть изменено на последующих этапах производства по делу, все процессуальные действия органа дознания, следователя, прокурора, суда должны быть зафиксированы и доступны проверке.

Как же поступить суду, если невозможно восполнить последствия признания доказательства недопустимым? Здесь стоит согласиться с действующей нормой в п. 7 ст. 235 УПК Российской Федерации: «при рассмотрении уголовного дела по существу суд по ходатайству стороны вправе повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым». Такая норма в УПК Республики Беларусь не предусмотрена.

В результате проведенного исследования стало возможным сформулировать ряд основных положений, требующих, по нашему мнению, проработки вопроса о внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный закон с учетом соблюдения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В связи с этим предлагается:

ввести в УПК статью «Восполнение допущенных нарушений при собирании доказательств», излагающую возможность процессуального порядка восполнения допущенных нарушений для признания доказательств допустимыми;

в качестве возможности восполнения допущенных нарушений при производстве следственных действий, которые невозможно провести повторно, предлагается отменить запрещающую норму, а именно разрешить допрос в качестве свидетеля следователя, лица, производящего дознание, об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по уголовному делу;

внести изменения в ст. 103 «Собирание доказательств» УПК; наделить защитника правом не только представления доказательств, как указано в ч. 3 ст. 103 УПК, но и правом собирания доказательств;

при рассмотрении уголовного дела суд по ходатайству стороны повторно может рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым.

О ДЕЙСТВИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ

Согласно ст. 5 УПК Республики Беларусь при производстве по материалам и уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия, рассмотрения дела судом и при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговоров. Данная норма закрепляет так называемое правило о действии уголовно-процессуального закона во времени, суть которого, по мнению И.Я. Фойницкого, состоит в том, что «с момента появления новой нормы все обнимаемые ею отношения должны починяться ее господству, все уголовные дела должны производиться согласно ей, совершенно независимо от того, когда учинено преступное деяние. Сохранять для деяний, ранее учиненных, силу прежних норм, значило бы сохранять порядок разбора, уже признанный государством несовершенным и замененный другим, более обеспечивающим задачи правосудия. Уголовно-процессуальные нормы ни в коем случае не применяются после упразднения их, т.е. новые нормы всегда имеют обратное действие» (Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. I. С. 66). Несколько иначе подходил к этому вопросу В.К. Случевский: использование нового процессуального закона распространяется на будущее время, т. е. его использование «не есть действие обратной силы», но новые законы могут оговаривать случаи, когда нужно распространить их действие на уже ведущееся производство. Если же законы не оговаривают эти случаи, то В.К. Случевский рекомендовал следовать новым законам на стадии обжалования приговора (при более благоприятных для осужденного сроках обжалования) и всегда при возобновлении уголовных дел (Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 33–36).

В советской литературе истолкование данного правила традиционным состояло в том, что «уголовно-процессуальный закон обратной силы не имеет, любое процессуальное действие совершается на основании того процессуального закона, который действует в настоящий момент» (Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 48).

В целом эта концепция преобладает и в работах современных авторов. Так, М.А. Шостак утверждает, что «уголовно-процессуальный закон обратной силы не имеет, т. е. его правила не распространяются на те действия и решения, которые были осуществлены и приняты до вступ-

ления в силу нового закона. Это означает, что полученные в ходе проведения следственных и иных процессуальных действий результаты и принятые решения в соответствии с требованиями прежнего уголовно-процессуального закона имеют такую же юридическую силу, как и полученные и принятые по правилам нового закона» (Шостак М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие. Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. С. 50–51).

Поддерживая указанную точку зрения, хотелось бы обратить внимание на несовершенство редакции ст. 5 УПК. Приведенная норма предписывает применять уголовно-процессуальный закон, действующий соответственно во время дознания, предварительного следствия, рассмотрения дела судом и при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговоров. Нетрудно заметить, что определение уголовно-процессуального закона, подлежащего применению, УПК связывает с определенными этапами процессуальной деятельности: предварительным расследованием, судебным разбирательством, исполнением приговора и т. д. При этом из поля зрения законодателя выпали отдельные стадии и производства, которые тоже регламентированы УПК. Данное обстоятельство вызывает вопрос, каким законом руководствоваться, скажем, следователю на стадии возбуждения уголовного дела, а также в ходе ускоренного производства, ведь ни то, ни другое не охватывается ст. 5 УПК? Более того, подобный пробел влечет «переживание» старым законом времени своего действия, например при отмене прокурором в соответствии с п. 4¹ ст. 179 УПК постановления следователя о возбуждении уголовного дела и направлении материалов для проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении. В этом случае следователь согласно ст. 5 УПК должен осуществлять процессуальную деятельность по заявлению или сообщению о преступлении по закону, действовавшему в ходе предварительного следствия, т. е. по уже утратившему силу нормативному правовому акту. Та же ситуация возникает и при реализации прокурором своих полномочий по уголовному делу, поступившему для направления в суд, при рассмотрении управомоченными должностными лицами жалоб на решения органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела и предварительного расследования.

Остается открытым вопрос об уголовно-процессуальном законе, регулирующем производство по вновь открывшимся обстоятельствам, ведь оно не относится ни к дознанию, ни к предварительному следствию, ни к рассмотрению дел судом и исполнению приговора.

Представляется, что законодатель, формулируя в ст. 5 УПК правило о действии уголовно-процессуального закона во времени, допустил терминологическую неточность. На не совсем удачную конструкцию этого предписания уже обращали внимание, правда, в несколько дру-

гом аспекте, Л. Родевич и В. Масюк, которые отмечали некорректность соотношения действующих норм права со временем течения той или иной стадии уголовного процесса. В этой связи они предложили конкретизировать ст. 5 УПК, указав на момент проведения конкретного процессуального действия и принятия решения в рамках дознания, предварительного следствия, рассмотрения дела судом и разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора (Родевич Л., Масюк В. Действие уголовно-процессуального закона во времени: обратная сила // Юстиция Беларуси. 2012. № 9. С. 40, 42).

Соглашаясь концептуально с данной идеей, все же следует подчеркнуть, что она не может решить затронутые выше проблемы, поскольку, как и действующее законодательство, не включает всю уголовно-процессуальную деятельность, ограничиваясь отдельными стадиями процесса.

Думается, в перечислении в ст. 5 УПК определенных этапов уголовного процесса нет никакого смысла. Наиболее разумным видится подход к этому вопросу в УПК Украины, который связывает действие уголовно-процессуального закона во времени лишь с моментом начала выполнения процессуального действия или принятия решения, поэтому, на наш взгляд, оптимально редакцию ст. 5 УПК Беларуси можно представить в следующем виде: «Порядок уголовного процесса в Республике Беларусь устанавливается уголовно-процессуальным законом, действующим на момент начала совершения процессуальных действий и вынесения процессуальных решений».

Такая формулировка позволит охватить весь уголовный процесс, четко очертить момент начала и окончания действия уголовно-процессуального закона, будет способствовать единообразному пониманию и применению его норм в практической деятельности.

УДК 343.13

С.Л. Емельянов

О ПОНЯТИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ЕЕ ОСНОВАНИЯХ

Изменения, произошедшие в отечественном уголовно-процессуальном праве за последние годы, свидетельствуют об усилении такой тенденции в развитии деятельности органов уголовного преследования и суда, как ее разделение на целый ряд качественно обособленных форм, т. е. дифференциация.

В настоящее время вопросам дифференциации уголовного процесса стало уделяться достаточно большое внимание, причем исследователи в ходе широкой дискуссии так и не пришли к общему ее пониманию. И это обусловлено не только изначально различным отношением к ней как явлению в уголовном процессе, но и сложностью данного феномена.

Дифференциация рассматривается как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле авторы под ней понимают и свойство процессуальной формы, и тенденцию ее развития, и способ построения уголовного процесса, и уголовно-процессуальный принцип. Но в основном она связывается с возможностью в той или иной степени упрощения процессуальной формы либо усиления порядка производства по уголовному делу целым рядом дополнительных гарантий.

В теории права дифференциация рассматривается как одна из форм специализации наряду с конкретизацией и детализацией. Будучи первоначальной стадией процесса специализации, дифференциация представляет собой разветвление, расщепление, приобретение той или иной ветвью все более специфических, своеобразных черт в механизме законодательного упорядочения определенных групп общественных отношений. Разницей между указанными формами выступает характер связей, которые устанавливаются в конечном итоге между правовыми элементами. В процессе конкретизации и детализации они [связи] углубляются и усложняются. При дифференциации же возможно и обратное, т. е. упрощение, на что достаточно часто указывается в науке. Кроме того, дифференциация уголовного процесса, как верно отмечают некоторые исследователи, непременно связана с изменениями структурного характера, ведущими к возникновению различных видов уголовных производств.

Наиболее успешно в данном направлении продвинулись такие ученые, как Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова, которые в своей коллективной монографии «Дифференциация уголовного процесса» отстаивают ее понимание как существование в системе уголовного процесса ряда самостоятельных производств, приспособленных для различных потребностей. При этом в качестве критериев дифференциации, с точки зрения указанных авторов, выступают не только обычно используемые в литературе сложность процессуальной формы и соотношение публичных и диспозитивных начал, но и направленность производства, его задачи, материально-правовые отношения в его основе. Последний критерий, в частности, позволил выделить основные производства (решается вопрос об уголовной ответственности), дополнительные производства (решаются вопросы, возникающие на стадии исполнения приговора) и особые производства (решаются вопросы, не связанные с установлением или изменением уголовно-правового отношения).

Соглашаясь с наличием различных самостоятельных производств как основным проявлением дифференциации в уголовном процессе, нужно отметить, что она не должна влечь механического дробления связей и отношений, ибо целостным системным образованиям, к которым и относится уголовный процесс, необходимы межэлементное, межструктурное упорядочение и иерархия структур. Причем роль их «стержня» должна принадлежать главной структуре, выражающей основу организации правового явления. Если процессуальная форма в уголовном процессе – это его порядок, то в нем, следовательно, должен существовать тот его вид, который и выполняет в конечном счете данную нагрузку. Такой порядок следует именовать общим порядком уголовного процесса.

В связи с изложенным дифференциация представляет собой направление развития уголовно-процессуального права, предполагающее закрепление в УПК различных форм производства по материалам и уголовному делу, опосредующее структуризацию уголовного процесса в виде комплекса процессуальных порядков, состоящего из общего порядка уголовного процесса и его дифференцированных видов.

В целях надлежащего разграничения дифференциации от других форм специализации, установления пределов ее применения следует обратиться к вопросу об основаниях дифференциации.

Под основаниями дифференциации принято понимать материально-правовые и процессуальные факторы, обуславливающие формирование и применение дифференцированных порядков – самостоятельных видов уголовного производства.

В уголовно-процессуальной науке выделяют следующие основания дифференциации: степень общественной опасности преступления; размер предусмотренного наказания; степень сложности расследования преступлений и разрешения дела; значение преступления для тех или иных субъектов (в контексте соотношения публичных и частных начал); наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство.

Анализ представленных оснований показывает, что нельзя отрицать взаимосвязи первых двух оснований, а именно обусловленности второго первым. В соответствии со ст. 12 УК Республики Беларусь в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления подразделяются на четыре категории, а критерием дифференциации этих категорий, в свою очередь, является максимальный размер санкции. Степень сложности расследования преступлений и разрешения дела не может быть основанием для дифференциации ввиду невозможности нормативного определения соответствующей категории дел. Тем не менее вполне допустимо говорить об очевидности преступления,

хотя оно носит оценочный характер, но все же закреплено в УПК, в сочетании с подтверждением лицом, в отношении которого ведется производство, своей причастности к совершению преступления либо исключительно о признании таким лицом своей вины. Указанные факторы могут служить одним из аргументов отсутствия особых сложностей в установлении обстоятельств, имеющих значение для дела.

Таким образом, в качестве оснований для дифференциации можно рассматривать: размер уголовно-правовой санкции, обусловленный степенью общественной опасности преступления; значение преступления для тех или иных субъектов; очевидность преступления, признание лицом, в отношении которого ведется производство, своей вины в совершении преступления (данные основания носят субсидиарный характер и имеют значение только в совокупности с другими основаниями); наличие определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство.

Как видим, в уголовном процессе существуют различные по своему содержанию и значению основания дифференциации. Следовательно, не может быть простого решения о направлениях дифференциации как исключительно усложнения или упрощения процессуальной формы. Специфика дифференциации в том и заключается, что, будучи своеобразным способом правового воздействия, она должна обладать и признаками, соответствующими характеру упорядочиваемых отношений.

УДК 343.13

Л.Л. Зайцева

СУБЪЕКТЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ: ВОПРОСЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ

Согласно п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке должно доставляться к судье или другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть и которое имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Аналогичное требование содержится и в п. 3 ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это значит, что в ходе расследования уголовного дела только суд вправе принять решение о заключении лица под стражу в качестве меры пресечения. Указанный порядок действует в США, Великобритании, Германии, Франции и других государствах – членах Совета Европы.

В соответствии с ч. 2 ст. 119 УПК Республики Беларусь на стадии предварительного расследования заключение под стражу к подозреваемому или обвиняемому может применяться прокурором, его заместителем, а также органом дознания, следователем с санкции прокурора или его заместителя. Право давать санкцию на заключение под стражу принадлежит Генеральному прокурору Республики Беларусь, прокурорам областей, городов, районов, приравненным к ним прокурорам и их заместителям (ч. 4 ст. 126 УПК). Заключение под стражу может быть применено также по постановлению председателя Следственного комитета Республики Беларусь, председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности (ч. 4 ст. 126 УПК). Суд на стадии предварительного расследования лишь рассматривает жалобы на применение меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока содержания под стражей (ст. 143–145 УПК).

При решении вопроса о даче санкции или вынесении постановления о заключении под стражу указанные должностные лица обязаны изучить все материалы, содержащие основания для применения данной меры пресечения, и в необходимых случаях лично допросить подозреваемого или обвиняемого, а несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого – во всех случаях (ч. 3 ст. 126 УПК). Следовательно, решение о заключении под стражу взрослого лица можно принять на основании лишь материалов дела без обязательного личного допроса подозреваемого или обвиняемого.

Аналогичный порядок в течение длительного времени существовал во всех бывших советских республиках. Однако за последние десятилетия их законодательство претерпело существенные изменения и в большинстве постсоциалистических государств было принято принципиальное решение о передаче суду исключительного права санкционировать заключение под стражу. В ряде стран новый порядок закреплен в конституциях (Армения, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Украина, Эстония). В Российской Федерации заключение под стражу по судебному решению стало применяться только после введения в действие нового УПК с 2003 г., а в Украине после внесения в 2001 г. соответствующих изменений в ст. 14 и 165² УПК г. В новом УПК Украины 2012 г. исключительные полномочия суда по применению самой строгой меры пресечения предусмотрены ст. 12 и 183.

Практика показывает, что если решение о санкционировании заключения под стражу принимает прокурор, т. е. лицо, ответственное за состояние преступности в регионе и качество предварительного расследования, то в большинстве случаев он поддерживает предложение следователя или органа дознания о применении указанной меры пресечения.

Такое решение порой принимается и тогда, когда предложение должностных лиц органов уголовного преследования не вполне обосновано. В результате прокурор, поверив в правильность лишь одной следственной версии и направив уголовное дело в суд, еще больше связывает себя ранее принятым решением о заключении обвиняемого под стражу. В суде вопреки установленным фактам прокурор будет упорно отстаивать предъявленное обвинение, потому что оправдание свидетельствовало бы о допущенной им ошибке и незаконном содержании лица под стражей. Такой «обвинительный уклон» нередко замечен и при кассационном опротестовании прокурором оправдательных приговоров.

Преимущество судебного порядка заключения под стражу состоит в том, что предложение органов уголовного преследования о применении данной меры пресечения проверяется субъектом, не зависящим от предварительного следствия и прокурорского надзора. Суд не отвечает за раскрываемость преступлений и качество расследования, он не связан обвинительной установкой и узковедомственными интересами, поэтому способен наилучшим образом защитить права граждан, не допустив их незаконного либо необоснованного заключения под стражу.

Переход к судебному контролю за применением данной меры пресечения произошел почти во всех странах Восточной Европы, однако этот контроль осуществляется в разных формах. Так, в Румынии прокуроры могут выдавать ордер на арест самостоятельно и обязаны обращаться за получением санкции суда лишь в том случае, когда желают продлить действие ордера за пределы установленного 30-дневного срока. В течение 30 дней предварительного (досудебного) задержания судьи вправе принять постановление об освобождении арестованного подозреваемого только в том случае, если последний обжаловал законность задержания.

На территории бывшего СССР право прокурора (наряду с судом) санкционировать арест закреплено в Конституциях Казахстана (п. 2 ст. 16) и Туркменистана (ст. 21). Конституции Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана вообще не освещают вопрос о том, кто дает санкцию на арест, но УПК этих стран это полномочие сохраняется за прокуратурой.

В КНР, КНДР, Кубе, Вьетнаме Конституции и законы по-прежнему относят санкционирование ареста к полномочиям и суда, и прокуратуры. Право прокуратуры санкционировать аресты известно и многим другим странам (ст. 102 Конституции Мексики, ст. 179 Конституции Мозамбика).

В Конституции Республики Беларусь также не указано должностное лицо или государственный орган, который имеет право санкционировать заключение под стражу. В ст. 25 лишь подчеркивается, что ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и по-

рядке, установленных законом, поэтому для приведения законодательства Республики Беларусь о заключении под стражу в соответствие с международными стандартами нет необходимости корректировать Конституцию, а достаточно внести изменения в УПК, предусмотрев применение такой меры пресечения только по судебному решению.

С этой целью прокурор должен возбуждать перед судом соответствующее ходатайство. Оно подлежит рассмотрению единолично судьей районного (городского) или межгарнизонного военного суда по месту производства предварительного расследования в закрытом судебном заседании с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника (если он участвует в уголовном деле). Прокурор обосновывает свое ходатайство, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Рассмотрев ходатайство, суд выносит одно из двух постановлений: об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу либо отказе в удовлетворении ходатайства. В случае принятия второго решения суд вправе избрать в отношении лица иную меру пресечения. Примерно такой порядок действует в Российской Федерации (ст. 108 УПК), Украине (ст. 193 УПК) и может быть использован в Республике Беларусь. Реализация данного предложения позволит устранить несоответствие национального законодательства общепризнанным международно-правовым стандартам в сфере защиты прав человека.

УДК 343.15

Р.Г. Зорин

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОВЕСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ КРИТЕРИЕМ ЗАКОННОГО, ОБОСНОВАННОГО И СПРАВЕДЛИВОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

Понятие совести как критерий оценки доказательств и принятия судебных решений уверенно вошло в УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 17 УПК РФ «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». По мнению А.С. Александрова, судебная истина – это суждение, основанное на здравом смысле. Задача судебной речи – это достичь через убеждение согласия о совместном действии. Основой для достижения подобного соглашения является не достижение достоверного знания об

объективной реальности, а система языковых конвенций, составляющих языковой опыт (в форме здравого смысла, совести, внутреннего убеждения) всех тех, кто причастен к производству судебного, а значит и речевого знания о преступлении, преступнике и наказании. При этом здравый смысл определяет нравственно-временную ориентацию субъекта (позволяет отвечать на вопросы: «кто?» «где?» «когда?»). Совесть – это система его этических координат в среде себе подобных (позволяет различать, что есть плохо, а что хорошо. Внутреннее убеждение формирует через совесть и здравый смысл установку на принятие решения по данному делу, в конкретной ситуации.

Совесть есть внутренний ограничитель от вседозволенности в поведенческой деятельности личности, выраженной внешне в действии (бездействии), являющейся значимой и одобряемой в социальном и правовом отношении среди окружающих.

В энциклопедиях встречаются разные определения совести – это сознание и чувство моральной ответственности человека за свое поведение, служащие ему руководством в выборе поступков и источником линии жизненного поведения; это способность личности самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности и реализовать нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков.

Совесть человека, находящегося на необитаемом острове, становится абсолютно непригодной. Иначе говоря, обращение к совести является актуальным лишь в обществе. Это психическое отношение личности к поступкам своим и чужим с позиции морали, нравственности и права. Но и оценка своих поступков осуществляется сквозь призму мнений, взглядов, оценок, суждений окружающих.

Совесть есть поведенческая установка, представления, которыми руководствуется личность на основе ранее накопленного опыта, знаний, умений, а также сложившихся на основе устоявшихся нравов, традициях, обычаях в отдельно взятом обществе, государстве. Совесть предполагает добровольное несение ответственности перед самим собой, перед окружающими, обществом. Совесть и внутреннее убеждение – две взаимосвязанные и взаимозависимые категории. Можно предположить, что процессуальное решение по совести может быть принято при условии учета таких категорий, как справедливость, законность, обоснованность, достоверность, нравственность, социальная значимость, истинность. Все они так или иначе носят оценочный характер. Таким образом, речь можно вести исключительно о том, что правоприменитель именно добросовестно использовал рычаги управления процессуальной ситуацией и также добросовестно применил ту или иную норму права. Но и в данном случае вполне можно было бы

ограничиться компетентностью правоприменителя. Однако представляется недопустимым судить о совестности поведения одного человека с позиции, основанной исключительно на совести другого.

Совесьть, нравственность, справедливость – критерии, не носящие нормативного характера. Они изменчивы. Недопустимо требовать от субъекта поступать по совести. Это исключительно добровольное решение, к чему можно лишь призывать. Совесьть – это очень личное. Данное явление не охватывается нормами права. Следовательно, находясь в сфере правовых отношений, носит факультативный характер. Н.А. Колоколов в связи с этим пишет: «Совесьть – понятие не совсем правовое, да и у каждого свое понимание совести, ранжировать же совесьть правовыми мерами – занятие совершенно бессмысленное». Н.Н. Поплавская справедливо отмечает: «Совесьть – абстрактное понятие. Каждый человек вкладывает в него свое субъективное значение, причем большую роль играет мировоззрение личности, уровень культуры и интеллекта». Категория совести имеет большую социальную ценность, но почти не имеет определенных параметров, а потому трудно оценивается и контролируется. Совесьть оказывается слишком привязанной к конкретному человеку со всеми его лучшими и худшими качествами как личности, а потому этот нравственный критерий является чрезвычайно субъективным и не может использоваться при оценке доказательств.

На основании изложенного необходимо сделать вывод, совесьть не является и не должна выступать критерием вынесения законного и обоснованного процессуального решения.

УДК 343.1

Н.В. Калмыкова

О ЦЕЛИ И МОТИВАХ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Решение задач уголовного судопроизводства обеспечивается целым комплексом мер, среди которых особое место занимают применяемые органом, ведущим уголовный процесс, меры уголовно-процессуального принуждения, которые представляют собой меры принудительного характера, призванные пресечь и предупредить совершение преступления, устранить противодействие ведению производства по уголовному делу.

К этим мерам относится и задержание, которое в ч. 1 ст. 107 УПК Республики Беларусь определено как комплексное действие, состоящее

в «фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом».

Сущностью задержания является кратковременное содержание лица под стражей без предварительного разрешения руководителя следственного органа, прокурора или суда.

Цель задержания законодательно не определена, хотя именно она позволяет отграничить задержание от таких процессуальных действий, которые могут сопровождаться применением принуждения, как следственные действия, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения. Не определены в законе также цели конкретных видов задержания – задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления; задержания обвиняемого для предъявления обвинения; задержания обвиняемого на основании постановления органа, ведущего уголовный процесс, до заключения его под стражу; задержания осужденного до разрешения вопроса об отмене условного не применения, отсрочки исполнения наказания и условно-досрочного освобождения от наказания.

Общей целью задержания, по мнению В.В. Мелешко, является предотвращение готовящегося или пресечение совершаемого преступления, а также исключение совершения новых преступлений, обеспечение участия подозреваемого, обвиняемого или осужденного в уголовном процессе путем кратковременного лишения его свободы, решение вопроса о применении к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, привлечения его в качестве обвиняемого.

Задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления согласно формулировке К.Б. Калиновского осуществляется с целью: проверки подозрения, установления причастности или непричастности лица к совершению преступления и определения наличия оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Несколько иначе формулируют цель этого вида задержания В.В. Бабурин и П.Л. Сурихин, определяя ее как создание благоприятных условий для установления причастности лица к совершению преступления и принятия обоснованного решения о заключении данного лица под стражу. Вывод по рассматриваемому вопросу указанных авторов представляется логичным.

Действительно, само задержание не может проверить подозрение в совершении преступления задерживаемым лицом, установить его причастность или непричастность к совершению преступления и определить наличие оснований для применения к данному лицу меры пресечения в виде заключения под стражу, но может создать для этого благоприятные условия.

Мотивом данного вида задержания являются опасения, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может воспрепятствовать производству по делу (скрыться, продолжить преступную деятельность, помешать установлению истины по делу, угрожать свидетелю, иным участникам процесса, уничтожать доказательства и др.).

Законодательное определение целей задержания, в том числе задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, будет способствовать правильному применению закона и защите прав лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Недопустимо задержание подозреваемого для допроса или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, так как в этих случаях преследуется иная цель применения меры процессуального принуждения.

Требование об указании цели и мотивов задержания в процессуальных документах, составляемых в ходе задержания (протокол задержания и постановление о задержании), должно быть зафиксировано в ст. 110 УПК, регламентирующей процессуальный порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Выполнение этого требования будет способствовать самоконтролю лиц, осуществляющих задержание, поможет выявить процессуальные нарушения, повысит эффективность ведомственного контроля и прокурорского надзора за соблюдением законов при применении данной меры процессуального принуждения.

Если подозрения в совершении преступления не подтвердились, задержанный подлежит освобождению. Это один из процессуальных результатов задержания, который свидетельствует о реализации цели задержания данного вида и не означает его незаконность. Задержанный также освобождается, если отпали основания дальнейшего содержания лица под стражей; орган, ведущий уголовный процесс, установил, что задержание произведено с нарушениями требований, установленных УПК; истек срок задержания (ч. 1 ст. 114 УПК).

Анализ оснований освобождения задержанного иллюстрирует значение предложения о дополнении ст. 110 УПК указанием о цели и мотивах задержания.

Задержание всегда сопряжено с существенным ущемлением прав лица, подвергаемого задержанию. Задержанный лишается свободы передвижения, общения, распоряжения имущественными правами, ему причиняются неисчислимы нравственные и физические страдания, поэтому столь большое значение имеет законность задержания, соблюдение прав задержанного. В ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах провозглашено: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произ-

вольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены в законе».

Совокупность обстоятельств задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, включающая наряду с основаниями и процессуальным порядком задержания данного вида его цель и мотивы, определяет законность применения данной меры процессуального принуждения. Четкое, не допускающее двойного толкования определение их в законе будет способствовать защите прав личности, достижению целей уголовного преследования и уголовного процесса в целом.

УДК 341.1

Ю.С. Климович

О ПОЯВЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В августе 2013 г. на совещании под руководством Президента Республики Беларусь по вопросам дальнейшего совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства обсуждались перспективы внедрения в отечественное законодательство института досудебного соглашения о сотрудничестве. По сообщениям средств массовой информации новация вызвала дискуссию среди экспертов, в результате чего было принято решение представить разработанный по данной тематике законопроект на обсуждение депутатам и юридическим кругам. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые суждения по поводу отдельных положений проекта будущего нормативного правового акта.

В предлагаемой авторами законопроекта редакции ч. 3 ст. 468⁶ УПК запрещается заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, если содействие подозреваемого (обвиняемого) будет выражаться в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности. Исходя из редакции нормы можно сделать вывод о том, что помощь в раскрытии и расследовании преступлений со стороны лиц, их совершивших, возможна только по тем уголовным делам, где имеются соучастники преступлений. Кроме того, на это указывает содержание п. 6 ч. 2 ст. 468⁶ предлагаемой законопроектом редакции УПК, предписывающего включать в содержание соглашения обязательства подозреваемого (обвиняемого) о совершении действий по изобличению других

соучастников преступления. Полагаем, такая ситуация не может быть удовлетворительной, так как исключает возможность применения положений института согласительного производства по делам, которые хотя и совершены одним преступником, но являются достаточно сложными с точки зрения их раскрытия и расследования (серийные насильственные преступления, взяточничество и т. д.). В этой связи мы считаем необходимым исключить из ч. 3 ст. 468⁶ предлагаемой законопроектом редакции УПК запрет на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, если подозреваемый (обвиняемый) предоставляет сведения только о своем участии в совершении преступления. В тех положениях законопроекта, где идет речь о совершении действий по изобличению других соучастников преступления как необходимом условии заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, следует сделать оговорку об обязательности такого действия только в случае наличия соучастников преступления.

Введение в уголовно-процессуальное законодательство механизма досудебного соглашения о сотрудничестве должно активизировать положительную посткриминальную деятельность лиц, совершивших преступления. Вместе с тем на практике могут возникнуть вопросы о соотношении и характере взаимодействия данного нововведения с нормами, влекущими прекращение уголовного преследования с освобождением от уголовной ответственности, изложенными в п. 11 ч. 1 ст. 29 и ст. 30 УПК. Указанные положения имеют безусловный характер и во многих случаях применяются без раскаяния лица и какого-либо его содействия в раскрытии и расследовании совершенного преступления. Например, лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если добровольно сообщит о содеянном (ст. 431 УК). Аналогичная судьба ожидает лицо, добровольно или по требованию власти освободившее заложника (ст. 291 УК). В этих условиях считаем правильным поддержать точку зрения К.Б. Калиновского о невозможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием при наличии оснований, которые в УПК Республики Беларусь зафиксированы в п. 11 ч. 1 ст. 29 и ст. 30. Ввиду отсутствия специального указания на данный счет в законе правильным будет оформить такой запрет путем внесения соответствующих изменений в ч. 3 ст. 468⁶ предлагаемой законопроектом редакции УПК. В целом считаем, что следствием введения института досудебного соглашения о сотрудничестве как действенного механизма активизации положительного посткриминального поведения лица должно стать существенное сокращение изложенных в примечаниях к статьям Особенной части УК оснований, влекущих полное освобождение от уголовной ответственности.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И ОТМЕНЫ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

Мера пресечения в виде личного поручительства предусмотрена в ст. 121 УПК Республики Беларусь. В отличие от других мер пресечения при личном поручительстве конституционные права и свободы человека и гражданина существенно не ограничиваются. Действенность меры пресечения зависит от личности поручителей и отношения к ним подозреваемого или обвиняемого.

Основаниями применения меры пресечения в виде личного поручительства являются достаточные данные, свидетельствующие о том, что подозреваемый или обвиняемый могут скрыться от органа уголовного преследования и суда, воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его в суде, совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

Обязательными условиями применения меры пресечения в виде личного поручительства являются: наличие письменного ходатайства поручителей; согласие лица, в отношении которого дается поручительство.

Ходатайство поручителей может быть выражено как коллективно (двумя и более поручителями в одном документе), так и индивидуально (каждым из поручителей в отдельном документе).

Согласие подозреваемого или обвиняемого на применение к нему данной меры пресечения и принятие поручительства конкретными лицами должно быть оформлено в виде отдельного письменного документа. Получение согласия должно предшествовать вынесению постановления о применении такой меры пресечения, как личное поручительство.

По смыслу уголовно-процессуального закона поручителями могут быть совершеннолетние лица, пользующиеся уважением по месту работы или жительства, которые реально могут обеспечить явку подозреваемого или обвиняемого по вызову и его надлежащее поведение. Поручитель должен иметь высокие моральные качества, быть законопослушным, добропорядочным, пользоваться высокой репутацией среди окружающих. В лице поручителей могут выступать родственники подозреваемого или обвиняемого, его друзья и знакомые, иные лица, которые заслуживают доверия в том, что их поручительство окажет на указанное лицо сдерживающее и дисциплинирующее воздействие, препятствующее нарушению им своих процессуальных обязанностей. В качестве поручителей нецелесообразно допускать лиц, которые ранее были суди-

мы, отбывали срок наказания, не имеют постоянного места жительства, рода занятий и т. д. Поручителем не может быть юридическое лицо.

В ч. 1 ст. 121 УПК указано, что личное поручительство заключается в принятии на себя заслуживающими доверия лицами письменного обязательства. В то же время в ч. 3 ст. 121 предусмотрено, что поручитель дает подписку о личном поручительстве. В этой связи представляется, что обязательство целесообразно отражать в самой подписке о личном поручительстве, хотя закон не запрещает и оформления его в виде отдельного письменного документа.

В подписке о личном поручительстве, кроме места и времени составления документа, установочных данных на поручителя и сути принимаемых им в рамках уголовного дела обязательств по поручительству в отношении подозреваемого или обвиняемого, должны быть отражены сведения о том, что ему разъяснена сущность подозрения или обвинения лица, за которое он поручается, в совершении конкретного преступления, а также ответственность поручителя, предусмотренная законом в случае совершения подозреваемым или обвиняемым действий, для предупреждения которых применяется вышеуказанная мера пресечения. Подписка о личном поручительстве подписывается поручителем и заверяется подписью должностного лица органа, ведущего уголовный процесс, ее принявшего.

Из содержания ч. 3 ст. 121 УПК следует, что каждый поручитель дает подписку о личном поручительстве индивидуально. В то же время закон не запрещает дачу подписки совместно всеми поручителями, если они одновременно явились к должностному лицу, осуществляющему производство по уголовному делу.

Поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 121 УПК поручителей должно быть не менее двух, то орган, ведущий уголовный процесс, обязан выяснить, кто из них ненадлежаще осуществлял контроль за поведением подозреваемого или обвиняемого, что привело к нарушению примененной в отношении их меры пресечения. Согласно ст. 134 УПК к ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 121 УПК, может быть привлечен только поручитель, нарушивший принятые на себя обязательства по поручительству за подозреваемого или обвиняемого.

Исходя из требований ч. 3 ст. 134 УПК в случае принятия решения о привлечении к ответственности всех поручителей протокол о нарушении необходимо составлять на каждого из них в отдельности.

В основе обязательства о личном поручительстве лежит принцип добровольности. Каждый из поручителей в любой момент вправе отказаться от поручительства путем подачи соответствующего письменного заявления органу, ведущему уголовный процесс и применившему данную меру пресечения, что может являться основанием для ее изме-

нения, в частности в случае, когда в результате такого отказа количество поручителей становится менее двух.

Поручителей следует уведомлять об изменении, отмене личного поручительства. Об этом им могут быть направлены отдельные письменные уведомления либо они могут быть ознакомлены с постановлением (определением) об изменении или отмене данной меры пресечения, о чем должна быть сделана удостоверенная их подписями отметка в указанных процессуальных документах.

Аналогичным образом о применении, изменении либо отмене личного поручительства должны быть уведомлены защитник и не являющиеся поручителями законные представители подозреваемого или обвиняемого.

УДК 343.123.1

О.В. Колесникова

ПРЕДМЕТЫ И ДОКУМЕНТЫ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь закрепляет право органа уголовного преследования и суда по находящимся в их производстве материалам и уголовному делу требовать от организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела (ч. 2 ст. 103 УПК). Часть 2 ст. 173 УПК конкретизирует, что до возбуждения уголовного дела орган уголовного преследования может истребовать дополнительные документы. Таким образом, можно предположить, что в результате совместного регулирующего воздействия этих норм на стадии возбуждения уголовного дела возможно истребовать документы, но не предметы. И действительно, существует мнение, что истребовать на данной стадии можно только письменные документы, к которым относятся непосредственно связанные с преступным событием (например, документы со следами подчисток); устанавливающие обстоятельства, о которых сообщалось в заявлении или сообщении о преступлении (справки); материалы различного рода проверок (акты ревизий).

Вместе с тем указанная позиция вызывает возражения. Так, следует обратить внимание, что некоторые документы (например, поддельные) обладают признаками вещественного доказательства, чем максимально приближаются к понятию «предмет». Кроме того, на любой стадии

уголовного процесса, включая возбуждение уголовного дела, возможно представление доказательств (ч. 4 ст. 103 УПК). В результате этого процессуального действия в распоряжении органа уголовного преследования могут оказаться именно предметы, в том числе обладающие признаками вещественного доказательства (например, вызывающий сомнение в подлинности денежный билет, огнестрельное оружие, наркотические средства).

Если рассмотреть поводы к возбуждению уголовного дела, то согласно ст. 170 УПК к сообщению должностных лиц государственных органов, а также иных организаций о преступлении могут прилагаться документы и иные материалы, подтверждающие достоверность сообщения о преступлении. В соответствии с ч. 2 ст. 171 УПК должностное лицо средств массовой информации, которое распространило сообщение о преступлении, по требованию органа уголовного преследования обязано передать находящиеся в его распоряжении документы и иные материалы, подтверждающие сделанное сообщение. Следовательно, в распоряжении органа уголовного преследования при разрешении сообщений о преступлении могут быть не только документы, но и иные материалы. Согласно же п. 14 ст. 6 УПК материалы – это документы и предметы, являющиеся составной частью досудебного или судебного производства либо представленные для приобщения к ним. Таким образом, УПК предусматривает случаи появления в уголовном процессе до возбуждения уголовного дела не только письменных документов, но и предметов, причем эти предметы и документы вовлекаются в уголовный процесс как по инициативе представляющего их лица, так и по требованию органа уголовного преследования, как это установлено ч. 2 ст. 171 УПК.

Исходя из изложенного формулировка ч. 2 ст. 173 УПК в рассматриваемом аспекте представляется несовершенной, так как ограничение полномочий органа уголовного преследования истребованием только дополнительных документов, на наш взгляд, является неправильным.

Здесь же вызывает сомнение и словосочетание «истребовать дополнительные документы», из которого следует, что первоначальные документы уже истребованы. В контексте статьи первоначальными документами являются заявления и сообщения о преступлении, которые поступают органу уголовного преследования различными способами, но никак не истребуются.

Кроме того, существует неясность и в том, какие документы могут дополнять такие заявления и сообщения. Согласно толкованию понятие «дополнительный» означает «служащий дополнением», «добавочный». Следовательно, логичным будет полагать, что дополнить можно

только то, что уже имеется. В тексте УПК этот термин можно встретить, например, применительно к назначению дополнительной экспертизы (ч. 1 ст. 239) или дополнению предъявленного обвинения (ч. 1 ст. 245). Причем дополнительная экспертиза может быть назначена, например, при недостаточной ясности или неполноте основного заключения эксперта либо возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств. Во все случаях уже существуют одноименные первоначальные объекты или, как в приведенном примере, документы (заключение эксперта, постановление о привлечении в качестве обвиняемого). Именно поэтому при наличии оснований можно вести речь об их дополнении.

Применительно же к поводам к возбуждению уголовного дела говорить о дополнительном заявлении или сообщении о преступлении представляется неправильным. Истребование документов до возбуждения уголовного дела означает, что возникла потребность в получении содержащихся в них сведений, отсутствующих или в недостаточном объеме изложенных в заявлении либо сообщении о преступлении, но которые необходимы для правильного их разрешения. Следовательно, термин «дополнительные», на наш взгляд, переносит свое значение с документов на сведения. Именно истребуемые сведения призваны выполнить роль дополнения, сделать первоначальную информацию более полной. Содержаться такие сведения могут в любых, а не только дополнительных документах, поэтому применительно к последним термин «дополнительные», на наш взгляд, не выполняет своей смысловой нагрузки и из формулировки статьи его можно исключить.

Изложенное позволяет сделать вывод, что на стадии возбуждения уголовного дела в распоряжении органа уголовного преследования появляются не только документы, но и предметы, причем вовлечение последних в уголовный процесс предусмотрено некоторыми нормами УПК и находит подтверждение в практической деятельности. В целях совершенствования уголовно-процессуального закона представляется целесообразным внести изменения в текст ч. 2 ст. 173 УПК, исключив из нее после слова «истребованы» слово «дополнительные» и добавив после слова «документы» слова «и предметы». Это позволит привести во взаимное соответствие указанные нормы УПК и оптимизировать процесс собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, что, несомненно, будет способствовать повышению качества и эффективности рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении.

О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Прокурорский надзор является важным средством обеспечения прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство не представляет достаточную правовую базу для осуществления надзора на первоначальном этапе судопроизводства. Общие положения уголовно-процессуального закона о прокурорском надзоре не раскрыты в специальных нормах, регламентирующих правоотношения на стадии возбуждения уголовного дела.

Как правило, деятельность прокурора по осуществлению надзора на первоначальной стадии уголовного процесса рассматривается в двух аспектах: проверка соблюдения требований закона и ведомственных нормативных актов о приеме, регистрации заявлений (сообщений) о преступлениях и надзор за законностью и обоснованностью решений, принимаемых на стадии возбуждения уголовного дела.

Такое понимание роли прокурорского надзора на первоначальной стадии уголовного процесса, на наш взгляд, обусловлено рядом причин. Во-первых, наибольшее количество нарушений прав и законных интересов личности допускается при получении, регистрации заявлений (сообщений) о преступлениях, а также принятии итоговых решений на стадии возбуждения уголовного дела. Во-вторых, среди ученых и практических работников укрепились мнение о том, что при приеме заявления (сообщения) о преступлении, а также принятии решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела права и законные интересы личности могут быть нарушены наиболее существенным образом. Это, на наш взгляд, не достаточно верно. Существенно нарушаются права и законные интересы граждан и при проведении предварительной проверки информации о преступлении.

Несомненно, за порядком приема, регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, а также законностью и обоснованностью решений, принимаемых на стадии возбуждения уголовного дела, необходим контроль. Но между моментом поступления информации о преступлении и моментом вынесения постановления о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, как правило, лежит отрезок уголовно-процессуальной деятельности, целью которой является установление наличия или отсутствия данных, указывающих на признаки преступления.

К нарушениям прав и законных интересов личности при осуществлении проверочных действий могут быть отнесены действия (бездействие) должностных лиц по разъяснению прав участникам предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Хотя в уголовно-процессуальном законодательстве весьма лаконично упоминается о субъективных правах лиц, участвующих на стадии возбуждения уголовного дела, тем не менее практические работники не доводят до сведения граждан этот малочисленный по объему круг прав, которыми они могут воспользоваться при рассмотрении и разрешении информации о преступлении.

Значительное количество нарушений прав и законных интересов личности допускается при проведении такого процессуального действия, как истребование необходимых документов. Это, как мы полагаем, связано с тем, что законодатель не предусмотрел порядок и форму проведения этого действия. Многие юристы рассматривают его как универсальное средство, в которое можно вместить все многообразие встречающихся на практике и неурегулированных законом методов предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях.

В деятельности органов дознания, следствия имеются недостатки, ими принимается еще немало незаконных решений о возбуждении уголовных дел, многие из которых отменяются прокурорами. Кроме того, значительная часть этих дел прекращается в процессе расследования за отсутствием состава или события преступления и т. д. Все это свидетельствует, с одной стороны, о том, что для части следователей и органов дознания еще не стало правилом, как этого требует закон, относиться с должной ответственностью к законности и обоснованности возбуждения уголовного дела, а с другой – об отсутствии надлежащего и четко организованного прокурорского надзора за этой важнейшей стадией уголовного процесса.

Для реального осуществления надзора на стадии возбуждения уголовного дела прокурор должен обладать определенными полномочиями. В литературе высказываются различные мнения о регламентации прав и обязанностей прокурора по осуществлению надзора на первоначальной стадии процесса.

Уголовно-процессуальным законодательством особо не выделяются полномочия прокурора по соблюдению прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела, они лишь охватываются его надзором за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Считаем, что ст. 34 УПК Республики Беларусь должна содержать самостоятельную детальную регламентацию полномочий прокурора по осуществлению надзора на стадии возбуждения уголовного дела. Представляется, что она может быть названа «Полномочия прокурора

по осуществлению надзора на стадии возбуждения уголовного дела» и изложена в следующей редакции: «Прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов, обеспечением прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела:

1) не реже одного раза в месяц проверяет исполнение требований закона о приеме, регистрации, рассмотрении и разрешении информации о совершенных или готовящихся преступлениях;

2) требует от органов дознания и предварительного следствия для проверки документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях;

3) дает указания о регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, а также порядке их проверки;

4) проверяет сроки рассмотрения информации о преступлениях.».

УДК 343.123

Л.И. Кукреш

ОБ ОСНОВАНИЯХ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Уголовный процесс берет свое начало со стадии возбуждения уголовного дела, на которой помимо возбуждения уголовного дела принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела и направлении заявления о совершенном преступлении по подследственности. Первые два решения являются фактически актом разрешения основного вопроса в связи с поступившей информацией – есть ли основания для возбуждения уголовного дела? Отрицательный ответ, естественно, порождает вопрос: что является основанием для возбуждения уголовного дела? Простота, на первый взгляд, ответа на этот вопрос, вытекаемая из ч. 1 ст. 167 УПК, оборачивается большой проблемой, обусловленной в том числе нечеткостью законодательной конструкции, регламентирующей производство по материалам на данной стадии процесса.

Из ч. 1 ст. 167 УПК следует, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу¹. Из данного посыла следует вопрос: в какой базе следует найти указанные достаточные данные? Это могут

¹ Мы не касаемся второго направления оснований к возбуждению уголовного дела, указанного в п. 2 ч. 1 ст. 167 УПК, связанного с исчезновением лица, которое вообще не обусловлено признаками преступления и которое не менее дискуссионно и представляет самостоятельный предмет обсуждения.

быть материалы проверки и это может быть сама информация о преступлении. Однозначно ответить на вопрос не представляется возможным.

С одной стороны, законодатель предписывает разрешение вопроса в течение трех суток (ч. 1 ст. 173 УПК), что указывает не столько на возможность, сколько на необходимость быстрого возбуждения уголовного дела. Общеизвестно, что промедление с принятием данного решения влечет ряд отрицательных последствий достаточно существенного значения (возникает угроза исчезновения доказательств, ограничивается обеспечение реальной доступности граждан к правосудию, появляется неоправданная волокита при производстве по информации о преступлении, нарушаются права граждан, и в первую очередь лица, пострадавшего от преступления или общественно опасного деяния невменяемого, снижается эффективность деятельности правоохранительных органов и т. п.).

С другой стороны, в силу ч. 2 ст. 173 УПК органу уголовного преследования предоставляется возможность проведения большого арсенала следственных и других процессуальных действий до возбуждения уголовного дела: могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация). При этом в законе четко не определены пределы этих действий. Упоминание в ч. 1 ст. 173 УПК выражения «необходимость проверки достаточности наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела» связано с ее временными рамками, но при этом не определяется, что имеет в виду законодатель под признаками преступления. Разрешенный же перечень действий позволяет установить не только признаки преступления, но нередко и весь его состав, что является предметом не проверки информации о преступлении, а предметом доказывания по уголовному делу. Возникает очередной вопрос: во имя чего затрачиваются столь огромные расходы на доследственную деятельность, тем более что в случае ее проведения органом дознания полученные результаты и источники доказательств, как правило, перепроверяются, по сути, дублируются следователем? И особенно это касается объяснений, которые с большой долей условности можно отнести к источникам доказательств, на которые суд смог бы ориентироваться при постановлении приговора. Приводимые в литературе доводы по запрету допросов на рассматри-

ваемой стадии, основанные на опасении ограничения прав допрашиваемых лиц, потеряли свою убедительность хотя бы потому, что разрешенные на этом этапе процессуальные действия в основной своей массе носят принудительный характер (освидетельствование лица, отобрание образцов для сравнительного исследования) и даже являются мерами принуждения (задержание), что имеет значительно большую степень принудительности, чем показания лиц, и на фоне этого объяснения являются самым распространенным процессуальным действием, достоверность, правдивость которых не обеспечена никакими гарантиями. Лицо, дающее объяснения, не несет никакой ответственности за дачу органу уголовного преследования ложной информации. Объяснения на стадии возбуждения уголовного дела являются единственным фактором, отличающим ее от стадии предварительного расследования. Но какова цена их для государства и граждан? Ответ требует специального исследования, хотя нет сомнения, что он будет не в пользу наличия целой стадии возбуждения уголовного дела.

Следует подчеркнуть, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал проверочные действия по заявлению о совершенном преступлении. Согласно ст. 303 данного акта «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в этом лицу, потерпевшему от преступления или проступка». Эта норма, как отмечалось в литературе, заставляла государство служить интересам гражданина, который выступал не бесправным просителем, а лицом, приводящим в действие механизм уголовного преследования (Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М. : Республика, 1992. С. 88–89).

По действующему УПК Украины производство по уголовному делу начинается в связи с подачей заявления пострадавшим и на основании его. Такой же подход наблюдается по осуществляемой реформе УПК в Республике Казахстан.

Не сопоставим перечень следственных действий, разрешенных на стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации (осмотр места происшествия, назначение и проведение экспертизы и освидетельствование) с вышеуказанным перечнем по УПК Республики Беларусь. Но дело даже не в количественном составе.

Назрел, и этому имеется достаточно много подтверждений в литературе, вопрос о ненужности вообще стадии возбуждения уголовного дела. Основанием для возбуждения уголовного дела является обращение лица, пострадавшего от преступления, и иная информация, указывающая на совершение деяния, предусмотренного уголовным законом.

Гарантией правдивости заявления является уголовная ответственность за заведомо ложный донос (ст. 400 УК). Такой подход неминуемо отразится и на статистике преступлений как характеристике криминальной ситуации в государстве, что является немаловажным фактором в борьбе с преступностью. И главное, лица, пострадавшие от преступления, получают реальную поддержку от государства в защите их прав и законных интересов, более активным станет институт реабилитации лиц, неоправданно преследуемых органом уголовного преследования в связи с ростом прекращенных уголовных дел, который будет детерминирован ликвидацией института отказа в возбуждении уголовного дела.

УДК 343:614.8

А.Э. Набатова, И.Н. Цыкунова

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЖАРНОГО НАДЗОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Органами государственного пожарного надзора в Республике Беларусь являются Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; территориальные органы по чрезвычайным ситуациям; подразделения по чрезвычайным ситуациям. В соответствии со ст. 2, 14 закона Республики Беларусь «Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь» от 16 июля 2009 г. № 45-З на органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям возлагается организация и осуществление в пределах своей компетенции производства по материалам и уголовным делам.

Согласно п. 8 ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З органы государственного пожарного надзора являются государственными органами и должностными лицами, уполномоченными законом осуществлять дознание по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил. В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 37 УПК органы и должностные лица государственного пожарного надзора уполномочены осуществлять следующие виды деятельности в уголовном процессе: прием, регистрацию и рассмотрение заявлений и сообщений о пожарах и нарушении противопожарных правил; проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении, связанном с нарушением противопожарных правил, принятие по ним решения в соответствии со ст. 174 УПК; производство неотложных следственных и

других процессуальных действий по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил (ч. 2 ст. 37, ст. 186 УПК).

Ч. 2 ст. 37 УПК называет еще один вид деятельности органов дознания в уголовном процессе – проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений.

Однако из анализа ст. 7 закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 9 июля 1999 г. № 289-З видно, что на органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям в целом и на органы государственного пожарного надзора в частности осуществление оперативно-розыскной деятельности не возлагается ни законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», ни законом Республики Беларусь «Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», поэтому предусмотренный п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК такой вид деятельности органов дознания в уголовном процессе, как проведение оперативно-розыскных мероприятий, не может быть возложен на органы государственного пожарного надзора, уполномоченные осуществлять дознание по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил.

Анализ положений п. 6 ч. 5 ст. 34, ч. 7 ст. 36, ч. 4 ст. 184, ч. 4 ст. 186 УПК позволяет выделить следующие виды уголовно-процессуальной деятельности органов и должностных лиц государственного пожарного надзора: 1) прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о пожарах и нарушении противопожарных правил (регулируются ст. 172 УПК, а также Инструкцией о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям информации о пожарах и преступлениях, связанных с ними (далее – Инструкция); информация, о пожарах и преступлениях, связанных с ними, принимается и регистрируется в органах по чрезвычайным ситуациям круглосуточно, согласно п. 2 Инструкции подразделяется на заявления и сообщения, являющиеся поводами к возбуждению уголовного дела; сообщения и другие сведения, не являющиеся поводами к возбуждению уголовного дела, но требующие проверочных действий с целью установления признаков преступления или отсутствия таковых); 2) проведение проверки по заявлению или сообщению о преступлении, связанном с нарушением противопожарных правил, принятие по ним решения (регулируются ст. 173, 174 УПК; согласно п. 35 Инструкции в ходе проверки (до возбуждения уголовного дела) заявления или сообщения устанавливаются: время, место возникновения пожара, данные о его развитии и тушении; обстановка, события, об-

стоятельства и противопожарное состояние объекта, имеющие причинно-следственную связь с возникновением пожара, его распространением и наступлением последствий; виновное лицо в возникновении пожара; вред, причиненный пожаром; причины и условия, способствовавшие возникновению и развитию пожара; производится осмотр места происшествия, составление планов и схем, получение объяснений свидетелей, потерпевших, участников тушения пожара, лиц, ответственных за противопожарное состояние и охрану объекта, задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления, назначение пожарнотехнической и других экспертиз (при необходимости); истребуются (при необходимости) заключения специалистов (электрик, химик, технолог и др.), техническая и другая документация объектов (технологические регламенты, паспорта на здания, оборудование, технические условия на изделия, вещества и материалы), образцы материалов, веществ, изделий, устройств; служебная документация и т. д.); 3) производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам о пожарах и нарушении противопожарных правил согласно ч. 2 ст. 37, ст. 186 УПК (УПК указывает, какие следственные и другие процессуальные действия являются неотложными (осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз); перечень является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит); 4) исполнение указаний прокурора и поручений следователя закреплено законодателем в п. 6 ч. 5 ст. 34, ч. 7 ст. 36, ч. 4 ст. 184, ч. 4 ст. 186 УПК.

Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность органов государственного пожарного надзора носит усеченный характер в силу следующих обстоятельств. Во-первых, данные органы не имеют права осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Во-вторых, на практике отсутствует механизм реализации органами государственного пожарного надзора мер процессуального принуждения. В-третьих, дознание осуществляется лицами, не имеющими юридического образования, а перечисленные выше виды уголовно-процессуальной деятельности требуют специальных познаний в области уголовного процесса, криминалистики, уголовного права.

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЯ И НАЧАЛЬНИКА
СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Несовершенству правовых норм, внесенному в УПК Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З, отечественными учеными-процессуалистами (И.В. Данько, Л.И. Кукреш, О.В. Рожко и др.) уделено немало внимания. Соглашаясь со справедливостью высказанных замечаний и поддерживая их актуальность, хотелось бы обратить внимание на некоторые проблемы правоприменения данных новелл на стадии возбуждения уголовного дела.

Часть 1 ст. 36 УПК определяет следователя как должностное лицо Следственного комитета Республики Беларусь, органов государственной безопасности, осуществляющее в пределах своей компетенции предварительное следствие, которое, как известно, может производиться только после возбуждения уголовного дела. В то же время другие части этой же статьи предусматривают полномочия следователя на стадии возбуждения уголовного дела. В частности, ч. 5 наделяет следователя правом отказывать в возбуждении уголовного дела, а ч. 7 – при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении правом знакомиться с оперативно-розыскными материалами органов дознания, относящимися к рассматриваемому заявлению или сообщению. В этой связи представляется, что ч. 1 ст. 36 УПК требует законодательной корректировки.

Еще одна, на наш взгляд, актуальная проблема связана с осуществлением начальником следственного подразделения процессуального контроля. В предыдущей редакции ст. 35 УПК законодатель определял полномочия начальника следственного подразделения на стадии предварительного расследования. При этом реагировать на незаконные и необоснованные решения следователя он мог только путем вхождения с представлением к прокурору об отмене таковых.

Новые изменения законодательно закрепили за органами предварительного следствия исключительную компетенцию по принятию решений по поступившим заявлениям или сообщениям по отдельным категориям преступлений (ч. 2 ст. 174 УПК), в том числе, как уже отмечалось ранее, решение об отказе в возбуждении уголовного дела, что потребовало соответствующих полномочий начальника следственного подразделения по осуществлению процессуального контроля на данном этапе уголовного процесса. В этой связи согласно п. 15 ч. 2 ст. 35 УПК на-

чальник следственного подразделения наделен правом самостоятельно отменять незаконные и необоснованные постановления следователя.

Для стадии возбуждения уголовного дела чаще всего такое решение принимается в отношении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом законом не предусмотрено, какой срок предоставляется следователю для производства дополнительной проверки после отмены такого решения.

Анализ следственной практики позывает, что в подобной ситуации начальники следственных подразделений используют аналогию закона, а именно руководствуются требованиями ч. 5 ст. 173 УПК, согласно которой прокурор в случае отмены постановления об отказе в возбуждении и направлении материалов для проведения дополнительной проверки устанавливает срок до 10 суток.

При этом сотрудники следственных подразделений, пользуясь отсутствием нормативного регулирования данного вопроса, считают момент установления такого срока началом проверки и исчисляют его заново в соответствии с ч. 3, 4 ст. 174 УПК, т. е. следователь, на рассмотрении которого находится заявление или сообщение о преступлении, по истечении 10 суток ходатайствует перед начальником следственного подразделения о продлении срока рассмотрения до одного месяца и в необходимых случаях – перед вышестоящим начальником до трех месяцев. В дальнейшем по результатам проверки вновь может быть вынесено постановление об отказе в возбуждения уголовного дела, которое в дальнейшем снова может быть отменено. Так может повторяться несколько раз. В итоге общий срок проведения проверки может составлять более 12 месяцев.

При всем удобстве использования данного пробела сотрудниками следственных подразделений в своей практической деятельности такое положение вещей, на наш взгляд, является неприемлемым, так как порождает вольное толкование закона, нарушение прав и интересов участников уголовного процесса, искусственное затягивание разрешения заявлений и сообщений о преступлении.

Думается, законодателю следует внести изменения в ч. 5 ст. 173 УПК, определив срок проведения дополнительной проверки после отмены начальником следственного подразделения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела до 10 суток.

Если в ходе проверки заявления или сообщения о преступлении достигнут предельный срок ее проведения (три месяца), то данный срок следует считать окончательным и неподлежащим дальнейшему продлению. В случае же имеющегося запаса срока рассмотрения заявления или сообщения о преступлении думается, что продление срока возможно, на наш взгляд, по аналогии с предусмотренной ст. 190 УПК

возможностью продления срока предварительного следствия, но в пределах и порядке, установленном ст. 173 УПК. Одновременно необходимо учитывать срок, уже затраченный на проведение проверки.

На основании изложенного предлагаем внести изменения в следующие нормы УПК:

1) ч. 1 ст. 36:

«1. Следователем является должностное лицо Следственного комитета Республики Беларусь, органов государственной безопасности, осуществляющее в пределах своей компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, досудебное производство.»;

2) ч. 5 ст. 173: «5. В случае отмены прокурором, начальником следственного подразделения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлении материалов для проведения дополнительной проверки ими устанавливается срок до десяти суток.».

УДК 343.156.6

А.М. Паутов

ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Одним из важнейших принципов государства, основывающегося на верховенстве права, является принцип свободного доступа к правосудию. В настоящее время вопросы создания условий для реализации гражданами права на защиту своих интересов в судебном порядке находятся в центре пристального внимания нашего государства.

Задачи по повышению уровня доступности правосудия сформулированы Главой государства в Послании о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь. Конституционный суд Республики Беларусь, как отмечено в Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2011 г., последовательно и всесторонне анализирует нормы законов на доступность правосудия как средства гарантирования конституционного права на судебную защиту. На существующих в этой сфере проблемах и путях их преодоления регулярно акцентируется внимание руководителями судебных органов.

Сущность доступности правосудия заключается в отсутствии чрезмерных, необоснованных правовых и практических препятствий для обращения в суд, поэтому принимаемые для реализации принципа доступности правосудия меры направлены на преодоление всех обстоятельств, которые делают затруднительными обращение в суд и свое-

временное получение судебной защиты. К числу таких обстоятельств, в частности, относятся противоречия, коллизии, пробелы законодательства; ненадлежащая практика применения норм права, неопределенные и относительно определенные основания к отказу в принятии заявлений и жалоб, оставления их без движения.

Одной из основных составляющих доступности правосудия является возможность обжалования (опротестования) судебных решений. В соответствии с ч. 3 ст. 115 Конституции Республики Беларусь стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений. Это конституционно-правовое положение полностью согласуется с международно-правовыми нормами.

Механизм обжалования судебных решений в кассационном и надзорном порядке направлен на предупреждение и устранение нарушений закона при производстве по уголовному делу, восстановление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Необоснованный отказ в пересмотре не вступивших в законную силу судебных решений является препятствием для полной реализации права на судебную защиту.

Основания, а также порядок обжалования и опротестования приговоров, определений, постановлений, не вступивших в законную силу, регламентируется гл. 39 УПК. Нормы, содержащие основания, по которым жалобы на не вступившие в законную силу судебные решения могут быть не приняты к рассмотрению, не систематизированы и находятся в различных статьях действующего УПК. Эти основания можно условно разделить на две группы. К первой следует отнести основания, в силу которых жалобы не подлежат рассмотрению в кассационном порядке (жалобы лиц, не наделенных правом кассационного обжалования (опротестования) судебных решений, жалобы участников уголовного процесса, содержащие основания, по которым им не предоставлено право подачи жалоб (протестов)). Кроме того, не подлежат рассмотрению в кассационном порядке жалобы на судебные решения, не подлежащие обжалованию.

Ко второй группе относятся основания, препятствующие кассационному рассмотрению. В эту группу включаются жалобы, не соответствующие требованиям ч. 1 ст. 372 УПК, не содержащие указаний на обстоятельства, относящиеся к предмету кассационного рассмотрения, а также жалобы, поданные с пропуском срока.

С точки зрения доступности правосудия нормы, определяющие основания, по которым жалобы на судебные решения могут быть не при-

няты к рассмотрению, должны формулироваться таким образом, чтобы не вызывать двоякого понимания их смысла, а в правоприменительной практике не должно допускаться их расширительного толкования. Кроме того, должна обеспечиваться возможность обжалования судебного решения всеми лицами, интересов которых оно касается.

Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство всем перечисленным критериям в полной мере не соответствует. Например, круг субъектов, наделенных правом обжалования приговора, определен без учета того, что это судебное решение может существенно затрагивать интересы лиц, не являющихся участниками процесса. Сопоставление норм, ограничивающих право на обжалование приговора, показывает, что отдельным участникам процесса предоставляны чрезмерно широкие полномочия, в результате чего у них имеется возможность подавать жалобы по основаниям, не касающимся их интересов. В то же время возникают ситуации, когда другие участники процесса ограничены в праве подать кассационную жалобу, несмотря на то, что судебное решение напрямую затрагивает их интересы.

Необходимо также отметить, что в УПК имеется ряд пробелов в регламентации процедуры разрешения вопроса о принятии к производству суда второй инстанции жалобы на судебное решение. Так, не предусмотрена процедура отказа в приеме жалобы, в силу чего подобное решение может быть принято без объяснения мотивов при отсутствии процессуальной возможности его обжаловать в вышестоящую судебную инстанцию.

Установление обстоятельств, наличие которых обязательно для решения вопроса о принятии к производству жалобы на не вступившее в законную силу судебное решение, отнесено к полномочиям суда первой инстанции. Судьи второй инстанции такими правами не наделены. Если судьей суда первой инстанции допущена ошибка при принятии к производству жалобы, это влечет необходимость возвращения дела в этот суд для устранения препятствия к рассмотрению жалобы по существу. Наделение судей второй инстанции полномочиями по принятию подобных решений позволило бы сократить сроки рассмотрения жалоб и избежать излишних затрат на пересылку материалов.

При исследовании института обжалования судебных решений в уголовно-процессуальной литературе традиционно были приоритетны вопросы об основаниях отмены или изменения приговоров, пределах прав судов кассационной и надзорной инстанций, видах и содержании определений и постановлений. Вопросы о правах участников уголовного процесса на обжалование, механизме устранения препятствий для рассмотрения уголовного дела судами кассационной и надзорной инстанций в такой же степени глубоко и полно не исследовались.

Исходя из изложенного можно прийти к выводу, что вопросы доступности обжалования не вступивших в законную силу приговоров нуждаются в дальнейшем исследовании с целью изменения процессуальных норм и устранения необоснованных преград для обеспечения гражданам возможности защищать свои интересы путем подачи жалоб в вышестоящий суд.

УДК 343.14

С.А. Попок

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬНОГО ПРАВА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАКТОВ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Необходимость обсуждения проблематики доказательного права в сфере фальшивомонетничества назрела давно. Для выявления фальшивомонетничества требуется активное использование тактических операций по обнаружению, документированию, изъятию, осмотру, предварительному и судебно-экспертному исследованию фальшивых денежных знаков. Это становится возможным на основе проведения комплекса тщательно планируемых и подготавливаемых оперативно-розыскных мероприятий. Полученная от оперативных сотрудников информация позволяет следователю собрать доказательную базу, а результаты оперативно-розыскной деятельности после их легализации ложатся в основу обвинения. Изготовление и сбыт поддельных денежных знаков является достаточно специфическим видом преступления. Расследовать уголовное дело без его сопровождения сотрудниками оперативных подразделений следователю достаточно сложно, что еще раз подтверждает значимость осуществления оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию фактов фальшивомонетничества, тактика и методика проведения которых определяется в каждой конкретной ситуации в зависимости от имеющейся оперативной информации, а также обстоятельств совершения преступления.

Оперативно-розыскная деятельность является важной составной частью общей системы комплексных мер, осуществляемых органами внутренних дел. Можно выделить следующие элементы организации использования результатов оперативно-розыскной деятельности в работе оперативных и следственных подразделений и возникающие проблемные вопросы: информационное обеспечение выявления (раскрытия) пре-

ступлений; изучение и оценка результатов оперативно-розыскной деятельности (наличие сложности подходов к суждению о качестве, ценности, относимости, допустимости и достоверности); обеспечение взаимодействия оперативных подразделений со следователями по вопросам использования результатов оперативно-розыскной деятельности (отсутствие непосредственного участия следователя в реализации материалов дела оперативного учета); предоставление имеющихся результатов следователю (предоставляются не в полном объеме).

Одной из современных проблем в данной области является отсутствие единообразного подхода к возбуждению уголовного дела и квалификации действий фальшивомонетчиков, которая требует разрешения на законодательном уровне. Даная проблематика возникла в 2008 г. после внесения изменений в постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 25 сентября 1997 г. № 10 «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных бумаг».

Принятыми нормами дифференцирован подход к квалификации действий при сбыте поддельных денежных знаков в зависимости от качества их изготовления, что объективно обосновано. Указано, что если денежный знак либо ценная бумага имеет (дословно. – *С. П.*) «грубый характер подделки» и, осознавая это, виновный имеет умысел на обман потерпевшего вследствие плохого зрения, ограниченной видимости при сбыте подделки, некомпетентности либо неосведомленности и т. п., то его действия подлежат квалификации по ст. 209 УК как мошенничество. В ходе практического применения указанных рекомендаций у участников уголовного процесса возникают сложности в части относимости фальсификатов к подделкам грубого характера.

Качество подделки – отсутствующий в УК оценочный признак поддельного денежного знака. Результаты технико-криминалистических экспертиз также не содержат выводов, которые могли бы четко указать на «грубость подделки».

В этой связи объективная и единообразная оценка данного признака фактически исключается в силу различного уровня знаний о признаках поддельных денег у виновного и потерпевшего, оперативного сотрудника, следователя, судьи и прокурора, разной оценки ими условий, места и времени сбыта либо получения поддельных денег.

Квалификация действий лица при сбыте поддельных белорусских банкнот в зависимости от качества изготовления по ст. 209 или 221 УК привела к тому, что в силу субъективного подхода и мнений сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры, суда уголовные дела часто не возбуждаются.

Кроме того, в возбуждении уголовного дела может быть отказано, а уголовное дело прекращено в том случае, если сумма сбытых фальшивых банкнот не превышает 10 базовых величин (физическим лицам – до двух базовых величин). В этой ситуации виновные вообще остаются безнаказанными.

В этой связи представляется, что анализируемый оценочный признак «грубости подделки» не должен учитываться при квалификации содеянного, так как имеет высокую степень субъективности.

Таким образом, выработка единообразного подхода по делам данной категории имеет принципиальное значение в решении указанной проблемы.

УДК 343.1

А.И. Седач

ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Общественные отношения, в том числе и правоотношения, предполагают наличие участников. Уголовное судопроизводство или уголовный процесс (между данными понятиями мы ставим знак равенства и считаем их тождественными. – *А. С.*) представляет собой специфический вид государственной деятельности. В законе четко определен круг органов и лиц, которые могут принимать в нем участие.

Вопросы, касающиеся института участников уголовного процесса, за последнее десятилетие отражены в работах таких белорусских ученых, как И.И. Басецкий, Т.А. Кокоринова, Л.И. Кукреш, М.А. Шостак, Л.И. Родевич, С.В. Рыбак и др., однако в их трудах внимание на участника процесса, о котором пойдет речь, обращено не было.

Участники уголовного процесса – это лица, которые участвуют в уголовно-процессуальных правоотношениях, наделенные определенными правами и выступающие носителями конкретных обязанностей. Присутствуют в уголовном процессе также органы и их руководители, обладающие властными полномочиями в отношении других участников процесса.

Наиболее существенным признаком любого из участников уголовного процесса является возможность их вступления в специфические общественные отношения, которые возникают в связи с производством по конкретному уголовному делу.

Классификация участников уголовного судопроизводства возможна по различным основаниям. Наиболее приемлемым является разделение участников, закрепленное в разд. II УПК Республики Беларусь, в соответствии с которым они делятся на следующие группы: суд (гл. 4); государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование (гл. 5); участники уголовного процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы (гл. 6); иные участники уголовного процесса (гл. 7).

При этом необходимо иметь в виду, что основанием для подобной классификации является возможность отнесения того либо иного участника к различным группам в зависимости от выполняемой им процессуальной функции. Для характеристики конкретного участника уголовного процесса необходимо определить, какую функцию выполняет каждый из них.

Мы делаем попытку установить: является ли помощник начальника следственного подразделения участником уголовного процесса (2-я группа в классификации). Основное внимание обращено на п. 4, 9 и 15 ч. 2 ст. 35 УПК.

Главное назначение и роль начальника следственного подразделения – это осуществление ведомственного контроля над процессуальной деятельностью работников следственного аппарата, а в связи образованием в 2011 г. Следственного комитета Республики Беларусь на него возложены и административные функции.

Руководитель следственного подразделения наделен соответствующими процессуальными полномочиями для контроля и руководства предварительным следствием, непосредственного участия в производстве предварительного расследования.

С введением в действие изменений и дополнений в УПК (закон Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-3) с 1 января 2012 г. руководитель следственного подразделения получил полномочия, которыми ранее был наделен прокурор.

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 35 УПК начальник следственного подразделения вправе давать указания следователю о производстве предварительного следствия; положения п. 9 указанной части дают ему право поручать своему помощнику проверять уголовные дела и давать по ним указания, п. 15 – отменять незаконные и необоснованные постановления следователя и нижестоящего начальника следственного подразделения, а также незаконные и необоснованные указания нижестоящего начальника следственного подразделения, помощника начальника следственного подразделения.

В ч. 3 данной статьи сказано, что указания помощника начальника следственного подразделения обжалуются начальнику, дававшему поручение о проверке уголовного дела.

В нормах уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, которые регламентируют полномочия руководителей следственных подразделений (ст. 39 УПК Российской Федерации, ст. 39 УПК Украины, ст. 56 УПК Республики Молдова), либо других нормах такой участник процесса, как помощник начальника следственного подразделения, не предусмотрен.

Таким образом, только УПК Республики Беларусь предусматривает такого участника уголовного процесса, как помощник начальника следственного подразделения, хотя он и не внесен в перечень участников, перечисленных в п. 49 ст. 6 УПК.

По нашему мнению, это является пробелом в действующем законодательстве по следующим основаниям. Деятельность участников уголовного судопроизводства требует четкого определения их правового статуса и определения выполняемых ими функций. К сожалению, этого нельзя в полной мере констатировать относительно помощника начальника следственного подразделения. Круг его прав и обязанностей крайне узок – проверка уголовных дел по поручению руководителя и дача по ним указаний. Вместе с тем «теоретически» помощник может вступать в правоотношения как с начальником следственного подразделения (поручение об изучении дел (п. 9 ч. 2 ст. 35 УПК), отмена руководителем незаконного или необоснованного указания (п. 15 ч. 2 ст. 35 УПК), так и со следователем (обязательность исполнения письменных указаний (ч. 4 ст. 35 УПК), право следователя на их обжалование (ч. 3 ст. 35 УПК)). Из смысла вышеуказанных положений у помощника может возникнуть право на проверку уголовных дел и при наличии оснований – обязанность дать по делу соответствующие указания. Таким образом, у помощника начальника следственного подразделения вполне обоснованно имеются все признаки должностного лица как участника уголовного процесса.

Использование неопределенной формы глаголов в предыдущем абзаце вполне намеренно, как и взятие термина «теоретически» в кавычки также не случайно. Это связано с тем, что в штатном расписании следственных подразделений МВД с момента введения в действие УПК 1999 г., в котором впервые был обозначен новый рассматриваемый участник уголовного процесса, и ныне действующего Следственного комитета Республики Беларусь на данный момент должности помощника начальника следственного подразделения не имеется, хотя вопрос о ее введении рассматривался. Мы полагаем, что причиной такого положения дел стал узкий круг прав и обязанностей помощника, регламентированный УПК, что ставит под сомнение целесообразность введения такой должности.

Принимая во внимание вышесказанное, по нашему мнению, из сложившейся ситуации может быть два выхода. Первый – исключение из УПК положений о помощнике начальника следственного подразделения в связи с не востребованностью на практике, второй – внесение изменений и дополнений в УПК, в которых необходимо определить статус и правовое положение данного участника, передав ему часть полномочий начальника следственного подразделения, а также наделив правом лично проводить предварительное следствие, пользуясь при этом полномочиями следователя.

УДК 343.1

В.С. Соркин

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА «ПОКАЗАНИЯ» КАК ИСТОЧНИКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УПК УКРАИНЫ

Источники доказательств – это сведения о фактах, подлежащих доказыванию в ходе производства по уголовному делу.

Виды источников доказательств строго ограничены законом и перечень их не может быть произвольно расширен по усмотрению органа ведущего уголовный процесс. Они указаны в ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь.

Доказательства, устанавливающие одни и те же факты совершенно-го преступления, могут содержаться в разных источниках. В процессуальных документах должны быть ссылки на источники доказательств, надо также излагать и доказательства, которые в них содержатся.

К источникам доказательств относятся показания – сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или свидетелем в устной или письменной форме на допросе при производстве по уголовному делу в порядке, предусмотренном УПК Республики Беларусь, а также при проведении иных следственных действий с их участием. Показания подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и иных участников процесса имеют свои предметы.

Законодатель в ст. 95 УПК Украины не выделяет, в отличие от УПК Республики Беларусь, конкретных уголовно-процессуальных норм, которые бы регламентировали отдельные виды (источники) доказательств. Данная новелла лишь указывает на уголовно-процессуальный термин «показания». Мы не ставим перед собой задачу подвергнуть детальному анализу термин «показания», который содержится в УПК

Украины. Однако вызывают, на наш взгляд, научный интерес положения некоторых норм УПК Украины, в частности ст. 95–97, где речь идет о практической составляющей термина «показания» как источника доказательств в уголовном судопроизводстве, который, безусловно, направлен на установление объективной истины по уголовному делу.

Итак, в ст. 95 ч. 4 УПК Украины констатируется, что суд не вправе обосновывать судебные решения показаниями, предоставленными следователю, прокурору или ссылаться на них. В связи с этим возникает следующий вопрос: как быть с показаниями, данными в ходе досудебного производства; следует ли их отвергать? В этой же норме утверждается, что суд может обосновывать свои выводы только показаниями, которые он непосредственно воспринимал в ходе судебного заседания. На практике немало случаев, когда имеют место существенные изменения позиций участниками процесса в судебном заседании в отличие от досудебного производства. Как быть в этом случае? Постановить по делу оправдательный приговор, но будет ли он мотивирован? В ч. 3 ст. 350 УПК Республики Беларусь сказано, что приговор признается мотивированным, если в нем приведены доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы принятых им решений. Примерно такая же норма содержится и в ч. 4 ст. 370 УПК Украины. Не содержится ли противоречий между ч. 4 ст. 95 и ч. 4 ст. 370 УПК Украины?

В ч. 2 ст. 96 УПК Украины речь идет о доказывании недостоверности показаний свидетеля. Допускается представление доказательств, подтверждающих его репутацию, относительно его осуждения за заведомо ложные показания, обман и т. д. (т. е. речь идет о нечестности свидетеля). Данная норма, на наш взгляд, весьма конструктивна. Она позволяет выявить лжесвидетельство, которое, к сожалению, имеет место в процессе дачи свидетелем показаний. Представляется, что подобная новелла могла бы найти и законодательное отражение в УПК Республики Беларусь.

Безусловно, одной из «нашумевших» норм УПК Украины является ст. 97, где речь идет о показаниях с чужих слов. Сразу же оговоримся: нет необходимости вести речь о том, является ли данная норма «плохой» либо «хорошей». То обстоятельство, что согласно закону суд имеет право признать допустимым доказательством показания с чужих слов (при соблюдении ряда условий), говорит о многом. Сложность, на наш взгляд, заключается в том, что суд при принятии решения должен, как правило, руководствоваться оценочными факторами. Однако критерии их оценки весьма неоднозначны.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам: уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь

и Украины вне всякого сомнения с учетом реалий времени будет подвергаться корректировке и изменениям (УПК Украины почти перечеркнул все положения еще советской, а затем и независимой уголовно-процессуальной школы Украины); необходимо отказаться от мысли, что какие-либо изменения в УПК, которые оцениваются неоднозначно (это характерно почти для всего УПК Украины), не могут применяться в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь; это возможно лишь при соответствующей научной и практической апробации; научные исследования и правоприменительная практическая деятельность по обозначенной (и не только) проблематике помогут выработать наиболее оптимальное направление в процессе установления истины по делу в уголовном судопроизводстве.

УДК 343.152.9

Н.А. Суховенко

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА НА ПОЛУЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ЗА ОТВЛЕЧЕНИЕ ИХ ОТ ОБЫЧНЫХ ЗАНЯТИЙ

Сохранение законодателем несоответствующих нынешним экономическим реалиям правовых норм, закрепляющих за лицами, вовлекаемыми в уголовный процесс, право на возмещение связанных с этим материальных трат, влечет их значительную пассивность в содействии органам уголовного преследования и суду в установлении обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. К их числу можно отнести норму, предусмотренную п. 2 ч. 1 ст. 162 УПК Республики Беларусь и закрепляющую право потерпевших, гражданских истцов и их представителей, свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков, понятых, не имеющих постоянного заработка, на получение возмещения за отвлечение их от обычных занятий. В целях более эффективной реализации задач уголовного процесса, которая немыслима без вовлечения в уголовно-процессуальное производство лиц, имеющих постоянный заработок, и не имеющих его, необходимо разрешить некоторые проблемные вопросы, связанные с осуществлением участниками уголовного процесса названного права.

Прежде всего в ходе практического применения исследуемой нормы права, предусмотренной п. 2 ч. 1 ст. 162 УПК, значительные затруднения вызывает вопрос: кого следует относить к лицам, отвлеченным от обычных занятий? Исходя из буквального толкования данной

правовой нормы следует, что к этой категории лиц относятся те, кто не имеет постоянного заработка. Однако Трудовой кодекс Республики Беларусь не дает определение понятию, а в тексте закона содержится разъяснение термина заработная плата, под которой понимается вознаграждение за труд, которое наниматель обязан выплатить работнику за выполненную работу в зависимости от ее сложности, количества, качества, условий труда и квалификации работника с учетом фактически отработанного времени, а также за периоды, включаемые в рабочее время. Вместе с этим, обратившись к закону Республики Беларусь «О занятости населения Республики Беларусь» от 15 июня 2006 г. №125-З, который дает определение занятости, приходим к выводу, что под заработком законодатель понимает заработную плату, доход, вознаграждение за выполненную работу, оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности. Итак, очевидно, что термин «зарботок» является более широким, чем «заработная плата», которая представляет собой лишь один из видов заработка. Таким образом, с учетом положений п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 162 УПК, в соответствии с которыми правом на сохранение среднего заработка и возмещение недополученной заработной платы наделяются лишь лица, состоящие в трудовых отношениях с нанимателем на основании заключенного трудового договора, приходим к выводу, что законодатель, используя формулировку «не имеющим постоянного заработка» в построении нормы, закрепляющей право участников процесса на возмещение за отвлечение их от обычных занятий, необоснованно лишает возможности всех лиц, не состоящих в трудовых отношениях с нанимателем, но занимающихся непротивоправной, приносящей доход деятельностью, получить соответствующее возмещение расходов, понесенных в связи с участием в уголовном процессе и отвлечением от повседневных дел. В целях разрешения сложившейся ситуации справедливо нормативно закрепить и за указанной категорией лиц, к которой относятся и индивидуальные предприниматели, и выполняющие работы по гражданско-правовым договорам, и иные лица, занимающиеся не запрещенной законодательством деятельностью, приносящей заработок, право на возмещения материальных затрат, связанных с отвлечением от обычных занятий ввиду вовлечения в уголовно-процессуальные отношения. Для этого законодательную формулировку «не имеющим постоянного заработка» необходимо заменить на «не состоящим в трудовых отношениях с нанимателем».

Для определения точного перечня лиц, наделенных рассматриваемым правом, следует также иметь четкое представление о том, что же понимается под обычными занятиями, ведь законодательное определение указанного термина отсутствует. Из происхождения слов «обыч-

ный» (всегда свойственный, всегдашний, привычный) и «занятие» (труд, работа, дело, ремесло, времяпрепровождение) словосочетание «обычное занятие» можно буквально истолковывать как привычная работа, привычное дело, ремесло, времяпрепровождение, что позволяет отнести к нему любой вид деятельности человека, активного либо пассивного поведения. Однако нельзя признать логичным производственно выплат каждому вовлеченному в уголовный процесс и отвлеченному от своего обычного занятия, даже если оно связано, например, с просмотром телевизора, игрой в компьютерные игры. Следовательно, законодательная формулировка «за отвлечение их от обычных занятий» требует своего уточнения. Так, К.Н. Емельянов в тексте диссертационного исследования «Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве» под обычным занятием предлагает понимать деятельность, осуществляемую физическим лицом, направленную на достижение выгоды, при этом к лицам, занимающимся обычными занятиями, необходимо относить тех, кто в результате своей деятельности зарабатывает денежные средства, а также тех, кто создает какие-либо условия, удовлетворяет потребности, не оцененные в денежном выражении, например, домохозяйки, занимающиеся домашним хозяйством и создающие благоприятные возможности для зарабатывания денежных средств членам своей семьи. Признавая правильность выделения К.Н. Емельяновым «выгоды» в качестве ключевого признака «обычных занятий», формулируя более развернутое определение исследуемого термина, полагаем, что в уголовно-процессуальном отношении под обычным занятием следует понимать не запрещенную законодательством деятельность физических лиц, связанную с получением дохода, вознаграждения либо иной материальной или нематериальной выгоды. Таким образом, к лицам, отвлеченным от обычных занятий, будут относиться и индивидуальные предприниматели, и занимающиеся ремесленной деятельностью, земледелием, агроэкотуризмом, и осуществляющие уход за ребенком в возрасте до трех лет, инвалидом и т. д.

Огромное значение имеет разрешение еще одного вопроса, связанного с определением суммы возмещения, подлежащего выплате участникам процесса за отвлечение их от обычных занятий. В соответствии с Положением о порядке выплаты и размерах сумм, подлежащих выплате потерпевшим, гражданским истцам и их представителям, свидетелям, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2006 г. № 1775, указанной категории участников предусмотрена выплата вознаграждения исходя из средней заработной платы в данной местно-

сти, что, как нам представляется, является не совсем оправданным. Ведь многообразие обычных занятий, приносящих лицу отличные по количеству и качеству блага, ведет к образованию различных объемов затрат, вызванных отвлечением от этих занятий, что требует дифференцированного подхода к их возмещению. На наш взгляд, при определении размера выплаты в счет возмещения расходов необходимо исходить из среднего дохода лица от осуществляемой им деятельности в день, умноженного на количество времени, затраченного на участие в уголовном процессе. В случае отсутствия документального подтверждения среднего дохода следует принимать во внимание при расчете возмещения среднюю заработную плату в данной местности.

Подводя итог изложенному, еще раз отметим важность соответствующих изменений в правовом регулировании отношений, возникающих по поводу возмещения расходов участникам процесса за отвлечение их от обычных занятий, что будет способствовать их более активному содействию органам, ведущим уголовный процесс, в расследовании преступлений.

УДК 343.985.7

А.Е. Сушко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современная жизнь характеризуется стремительным развитием и повсеместным внедрением новейших информационно-коммуникационных технологий. Развитие информационных технологий, в том числе и в Беларуси, привело к видоизменению старых и появлению новых форм противоправной деятельности, связанных с использованием различных компьютерных систем.

Преступления против информационной безопасности впервые нашли юридическое закрепление в УК Республики Беларусь 1999 г. С этого времени ведется статистика таких преступлений, которая свидетельствует о росте преступлений, выявленных в этой сфере.

Таким образом, данный вид преступности для Республики Беларусь является относительно новым, требующим от сотрудников правоохранительных органов определенных знаний как соответствующего законодательства, так и вопросов технического плана.

Расследование преступлений против информационной безопасности имеет свои особенности и в методике собирания доказательств, и в

их оценке, квалификации действий виновных лиц, что требует наличия у следователей определенных теоретических и практических знаний в области компьютерной техники, владения специальной лексикой, а также практического опыта.

Преступления против информационной безопасности приобретают трансграничный и организованный характер. С использованием телекоммуникационных сетей и компьютеров преступление может быть совершено на территории другой области, страны и даже нескольких государств одновременно.

Одним из важнейших доказательств по уголовным делам о преступлениях против информационной безопасности являются данные, содержащиеся на машинных носителях различных электронных устройств.

Своевременное получение таких доказательств и их дальнейшая оценка позволят использовать, как правило, недолговечные «электронные следы» для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

Одной из существующих проблем использования электронных доказательств является их недолговечность, порой такие данные могут быть безвозвратно удалены преступником буквально за несколько секунд. Например, следователем будет установлен электронный почтовый ящик преступника, расположенный на сервере белорусского провайдера, и из него необходимо будет изъять содержимое указанного. В соответствии с требованиями УПК Республики Беларусь следователь обязан получить такие данные на основании мотивированного постановления о получении сведений, составляющих охраняемую законом тайну, либо постановления о производстве выемки, которое должно быть санкционировано прокурором или его заместителем.

Для подготовки постановления и получения санкции, доставления постановления в организацию, осуществляющую хранение данных, требуется время, которое иногда может достигать до 2–3 суток. Указанное время позволяет преступникам удалять принадлежащую им электронную информацию, что приводит к утере доказательств по делу.

Представляется целесообразным ввести в УПК понятие «обеспечение сохранности электронных (компьютерных) данных». В данное понятие будет входить то, что компетентные правоохранительные органы Беларуси должны иметь возможность путем выпуска распоряжений или иным образом оперативно обеспечивать сохранность конкретных компьютерных данных, которые хранятся в компьютерной системе, в частности, когда имеются основания полагать, что эти компьютерные сведения подвержены риску утраты или изменения. При исполнении такого распоряжения и направлении его какому-либо лицу с требованием об обеспечении сохранности конкретных хранимых компьютер-

ных данных, находящихся во владении или под контролем этого лица, оно будет обязано хранить такие компьютерные данные и обеспечивать их целостность в течение необходимого времени. Следует также предусмотреть возможность последующего продления действия такого распоряжения, принять законодательные и иные меры для того, чтобы обязать хранителя или другое лицо, которому поручено обеспечивать сохранность компьютерных данных, сохранять конфиденциальность выполнения таких процедур, нести ответственность за неисполнение такого распоряжения.

В последующем в соответствии с требованиями УПК Республики Беларусь следователь получит такие данные на основании мотивированного постановления о получении сведений, составляющих охраняемую законом тайну, либо постановления о производстве выемки, которое будет санкционировано прокурором или его заместителем.

При этом полагаем целесообразным рассматривать вопрос внесения вышеуказанных изменений в УПК совместно с иными вопросами, касающимися электронных данных. Так, надо законодательно закрепить осмотр электронных данных, в том числе ресурсов интернет, так как указанные сведения не вполне укладываются в понятие осмотра места происшествия, трупы, местности, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов, а также изъятия таких данных.

В ходе предварительного расследования следователями производятся осмотры изъятых электронных носителей информации с фиксацией сведений, имеющих доказательственное значение, в соответствующих протоколах осмотров.

На практике суды признают в качестве доказательств протоколы осмотров соответствующих носителей, но не признают таковыми конкретные файлы, обнаруженные в ходе осмотров и содержащие доказательственную информацию.

В результате протоколы осмотров электронных носителей информации отличаются теми же недостатками по отношению к объектам осмотра, что и протоколы осмотров без применения видеозаписи по отношению к видеопрограммам: все факты и обстоятельства, зафиксированные в протоколах, непосредственно воспринимаются лишь участниками следственного действия. Все иные участники процесса имеют в своем распоряжении лишь те сведения, которые нашли отражение в соответствующем протоколе.

Конкретные файлы, обнаруженные в ходе осмотров, должны иметь самостоятельное доказательственное значение при условии соблюдения порядка и формы их получения.

Предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 88 УПК, согласно которой к источникам доказательств отнести информацию, содержащуюся на

электронных и иных носителях, изложив ее в следующей редакции: «Источниками доказательств являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий, иные документы и информация, содержащиеся на бумажных, электронных и иных носителях, полученные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом».

Аналогичные по сути изменения необходимо внести в ст. 96 и 100 УПК Республики Беларусь.

УДК 343.14

В.Ф. Томашевич

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ И ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В деятельности управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми преобладает работа по латентным преступлениям, когда до представления материалов в подразделения следственного комитета проводятся мероприятия в соответствии с законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

При реализации требований названного закона по полученной информации об использовании гражданином занятия проституцией ряд оперативно-розыскных мероприятий оказываются неприменимыми. Так, проведение оперативного эксперимента допускается только в целях предупреждения, выявления, пресечения тяжкого, особо тяжкого преступления или преступления, могущего принести вред национальной безопасности Республики Беларусь, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и только с санкции прокурора или его заместителя, в то время как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 171 УК Республики Беларусь, к такой категории преступлений не относится, санкция предусматривает ответственность до пяти лет лишения свободы, т. е. является менее тяжким. Документирование использования занятия проституцией на территории Беларуси затруднено именно данным положением. В результате на стадии расследования при проверке доказательств остаются часто показания подозреваемого против показаний девушки, состоящей на учете как проститутка. При этом следствие при анализе показаний в соответствии с ст. 105 УПК Республики Беларусь, решая

вопрос о достоверности предоставленной информации, будет полагаться в том числе и на данные о личности свидетелей по делу. Так, наличие данных о привлечении девушки к административной ответственности по ст. 17.5 ПИКоАП Республики Беларусь в совокупности с нелестными характеристиками по месту жительства (как правило) вызовут сомнения в ее показаниях. В соответствии с принципом презумпции невиновности все сомнения трактуются в пользу подозреваемого. Изменение закона об оперативно-розыскной деятельности позволило бы проведение оперативного эксперимента, в ходе которого можно было бы зафиксировать и факт передачи части полученных от клиента денег, и разговор проверяемого с клиентом об условиях предоставления сексуальных услуг.

В случае заведения агентурного оперативного дела по информации о совершаемом преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 171 УК Республики Беларусь, относящимся к категории тяжкого, оперативные сотрудники имеют возможность проведения большого количества оперативно-розыскных мероприятий, но в случае, если установлен факт использования лишь одной девушки, при предоставлении материалов оперативно-розыскной деятельности для возбуждения уголовного дела встает вопрос о законности получения доказательств, так как выявленное преступление не относится к тяжким и, следовательно, проведенные мероприятия в рамках работы как по тяжкому преступлению в соответствии с ч. 5 ст. 105 УПК Республики Беларусь могут быть расценены как полученные с нарушением закона, не имеющие юридической силы.

При задержании лиц, занимающихся проституцией, возникают сложности по доказыванию состава административного правонарушения, так как закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» не предусматривает возможности проведения закупки запрещенных услуг. С нашей точки зрения, необходимо изменить п. 4 ст. 2 названного закона, дополнив его словами «...ситуация по заказу услуг, оказание которых запрещено действующим законодательством с целью документирования занятия проституцией или использованием занятием проституцией».

Такое изменение позволило бы упростить задачу по выявлению и лиц, занимающихся проституцией, и лиц, использующих занятие проституцией.

При проведении оперативно-розыскных мероприятий остро встает вопрос о границе дозволенного законодательством инициативного поведения оперативных сотрудников и границ «провокации» преступления. Четкое изложение понятия «провокация» в законе не должно позволять двоякие либо неоднозначные толкования. Как мы полагаем,

уместна была бы следующая формулировка «под провокацией следует понимать такую инициативную деятельность сотрудников органов внутренних дел, которая не оставляет возможности лица отказаться от совершения противоправных действий, если же проверяемое лицо может отказаться от совершения противоправных действий без угрозы причинения вреда здоровью либо уничтожения имущества его самого либо его близких родственников, такие действия не могут расцениваться как провокация».

В рамках проведения проверочной закупки и оперативного эксперимента необходимо выработать четкий и единообразный подход к механизму изменения анкетных данных лица, привлекаемого для проведения мероприятия, так как лица, торгующие наркотическими и психотропными веществами, почти всегда знакомы с покупателями. При ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемый при изучении настоящих данных «закупщика» может повлиять на его показания, что может повлечь оправдание либо прекращение уголовного дела. УПК Республики Беларусь предполагает, что изменение анкетных данных можно производить лишь по возбужденному уголовному делу, что противоречит целям и задачам оперативно-розыскной деятельности.

В УПК целесообразно было бы четко отдельной статьей прописать механизм вызова в суд для дачи показаний лиц, принимавших участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий и в отношении которых использовался институт защиты свидетелей. По нашему мнению, такие лица могут вызываться в суд для допроса единолично судьей в отдельном кабинете вне видимости обвиняемого и иных участников уголовного процесса.

С целью неразглашения данных о лицах, оказывающих содействие органам внутренних дел, и исключения фактов рассекречивания анкетных данных лиц, в отношении которых были применены меры безопасности, целесообразно внести изменения в ст. 330 УПК Республики Беларусь и п. 5 изложить в следующей редакции: «В случае, предусмотренном пунктом 8 статьи 193 настоящего Кодекса, в целях обеспечения безопасности свидетеля, членов его семьи, близких родственников и иных лиц, которых он считает своими близкими, допрос названных лиц судья проводит в другой день в закрытом судебном заседании без участия обвиняемого, его защитника и иных участников уголовного процесса, без отражения в материалах судебного заседания подлинных анкетных данных свидетеля. Допрос свидетелей, к которым применялась мера безопасности в виде изменения анкетных данных, под настоящими данными в общем судебном заседании недопустим».

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Количество преступлений, связанных с наркотиками, растет. Это обусловлено и тем, что задачи раскрытия и расследования преступлений решаются не на должном уровне: нередко при производстве следственных действий не учитывается социально-психологический фактор личности наркомана, не принимаются во внимание особенности возбуждения уголовных дел данной категории, ряд других моментов.

Уголовные дела о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, возбуждаются при наличии для этого необходимых поводов и оснований. Поводы представляют собой процессуальные источники информации о рассматриваемой категории общественно опасных деяний и регламентированы ст. 166 УПК Республики Беларусь. Поводами к возбуждению уголовного дела являются: заявления граждан, явка с повинной, сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций, сообщение о преступлении в средствах массовой информации, непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления. Указанные источники информации должны содержать в себе сведения о наркотическом средстве, действиях, направленных на его незаконный оборот, и лице, совершившем преступление.

Поступающие заявления или сообщения о совершенном или готовящемся преступлении во всех случаях должны быть проверены. На практике иногда случается, что вместо проведения оперативных мероприятий по горячим следам сотрудники органов уголовного преследования собирают материалы для отказа в возбуждении уголовного дела по мотивам незначительной стоимости похищенного, не учитывая того, что в отношении хищений наркотических средств эти мотивы не могут быть приняты во внимание.

Основаниями к возбуждению уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки незаконного оборота наркотических средств, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Фактические данные, собранные в процессе предварительной проверки в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 173 УПК, должны содержать сведения о субъекте преступления, виде и количестве наркотических средств, способе их незаконного оборота и отсутствии препятствующих производству по делу обстоятельств. Предварительная проверка, в процессе которой собираются фактические данные, представля-

ет собой первоначальную стадию уголовного процесса – возбуждение уголовного дела.

В научных источниках встречается мнение, что первоначальной задачей стадии возбуждения уголовного дела о незаконных операциях с наркотическими средствами является выявление этих операций, соби- рание, проверка и оценка данных, необходимых для обоснования вы- вода о том, что деяние, по поводу которого поступила информация, имело место и содержит признаки состава преступления. Прежде всего следует отметить, что деяние – это признак объективной стороны со- става преступления. Признаки состава преступления устанавливаются в процессе расследования, осуществляемого по уголовному делу после его возбуждения. Однако признаки преступления, которые необходимо устанавливать на стадии возбуждения уголовного дела, могут и не вхо- дить в состав преступления. Законодатель однозначно установил в УПК Республики Беларусь следующее положение «наличие достаточ- ных данных, указывающих на признаки преступления».

К наиболее типичным поводам к возбуждению уголовных дел рас- сматриваемой категории относятся следующие факты: непосредствен- ное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указы- вающих на признаки преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств; заявление граждан о ставших известным им фактах незаконного оборота наркотических средств (например, заявле- ние граждан о том, что из соседней квартиры исходят специфические запахи вперемешку с запахом растворителя, ацетона или эфира, а хо- зяина квартиры регулярно посещают подозрительные лица); заявление родителей или иных близких родственников о том, что член их семьи употребляет наркотики и предпринимаемые к нему меры воздействия не приносят желаемого результата; сообщение, поступившее из лечебно- го учреждения о выявлении лиц, допускающих немедицинское употреб- ление наркотических средств, приобретаемых незаконным путем.

Указанные факты представляют собой группу обстоятельств, из ко- торых складывается следственная ситуация на первоначальном этапе расследования и которые определяют содержание проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела.

Следует иметь в виду, что деяния, связанные с незаконным оборо- том наркотических средств, относятся к числу умышленных преступ- лений, поэтому в поводах, как правило, отражаются действия, выра- жающие объективную сторону общественно опасного деяния и на- правленные на предмет преступного посягательства. Сами по себе та- кие действия, не имеющие умышленной направленности на предмет противоправного деяния (наркотическое средство) или направленные на другое вещество, не содержат признаков преступления.

Для того чтобы установить предмет преступного посягательства, необходимо провести экспертизу. В соответствии с ч. 2 ст. 226 и ст. 173 УПК Республики Беларусь до возбуждения уголовного дела допускается назначение экспертиз, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Такой экспертизой следует считать химическую экспертизу, проводимую для выяснения, является ли исследуемое вещество наркотиком, если да, то к какому виду наркотиков оно относится и каково его количество. Эта экспертиза представляет собой одно из проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовных дел данной категории.

Анализ уголовных дел показал, что примерно в 20 % случаев источник происхождения объекта экспертного исследования не указывался, а более чем в 30 % последний был определен с нарушением уголовно-процессуального законодательства. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что все производные доказательства, происходящие от предмета преступления, теряют свойства допустимости и относимости и не могут быть использованы в процессе доказывания.

Таким образом, основная задача проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, сводится к получению законным путем объектов экспертного исследования. Они могут быть добыты в процессе личного обыска или досмотра лица, задержанного по подозрению в преступлении, либо за совершение административного правонарушения, а также в результате проведения тактической комбинации, рейда или иного мероприятия с участием специалиста-криминалиста. Содержание тактической комбинации зависит от складывающихся обстоятельств и условий на момент ее проведения, профессиональных качеств оперативных работников, а ее цель заключается в том, чтобы по результатам проведения был составлен документ (например, акт об использовании служебно-розыскной собаки, специализирующейся на поиске наркотиков), отражающий факт получения от проверяемого лица веществ, похожих на наркотики.

УДК 343.13

М.Л. Хиревич

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЖАЛОВАНИЯ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ, ВЕДУЩИХ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УПК Республики Беларусь, принятый в 1999 г. и введенный в действие с 1 января 2001 г., учитывает положения многих международных актов о правах человека, в которых находят свое отражение основные

принципы уголовного процесса. К ним прежде всего относятся Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Одним из неотъемлемых прав человека, гарантированных указанными международными актами, является право на свободу и личную неприкосновенность граждан. В свою очередь, в качестве одной из основных гарантий реализации указанного права при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности выступает судебный контроль, который реализуется в двух формах: предварительный и последующий. В литературе (Л.Л. Зайцева, О.В. Петрова и др.) не раз обращалось внимание на несоответствие УПК Республики Беларусь международным актам в части отсутствия процедуры предварительного судебного контроля. Вместе с тем нормы уголовно-процессуального законодательства, касающиеся последующего судебного контроля, вполне соответствуют приведенным актам, предусматривая судебную проверку законности и обоснованности задержания, заключения под стражу, домашнего ареста, а также продления срока содержания под стражей, домашнего ареста. Не касаясь вопроса предварительного судебного контроля, который требует самостоятельного исследования, остановимся более подробно на процедуре осуществления последующего судебного контроля.

Следует отметить, что согласно ст. 146 УПК под данную процедуру также подпадают вопросы разрешения жалоб на принудительное помещение лица, не содержащегося под стражей, в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение для производства экспертизы. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 139 УПК в судебном порядке наряду с прокурором (а в случае обжалования решения об отказе в возбуждении уголовного дела – и начальником следственного подразделения) могут быть рассмотрены жалобы на решение органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования, отказе в возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам. Как показывает практика, все большее количество жалоб на указанные решения рассматриваются именно в судебном порядке, причем с каждым годом все большее количество из них удовлетворяется судом. Так, если в 2011 г. из 121 жалобы на постановления о прекращении предварительного расследования уголовного дела, уголовного преследования были удовлетворены только 34 (28 %), то в 2012 г. из 169 жалоб удовлетворены 56 (33,1 %). В первом полугодии 2013 г. в 98 случаях обжалования постановления о прекращении производства по уголовному делу были удовлетворены 39 (39,8 %) жалоб. Приведенные данные показывают эффективность данного института и свидетельствуют о возможности и необходимости расширения предмета

судебного контроля в досудебном производстве. Однако вопрос о пределах и круге процессуальных действий и решений, которые могут подпадать под данную процедуру, нуждается в детальной проработке на основе анализа как научных работ по данной тематике, так и сложившейся практики Европейского суда по правам человека, а также судебных инстанций зарубежных государств.

В то же время исходя из анализа норм УПК, регламентирующих процедуру осуществления судебной проверки, следует обратить внимание на отдельные ее аспекты, в частности, касающиеся непосредственно самой жалобы и нуждающиеся в совершенствовании.

Статья 143 УПК закрепляет лишь форму подачи жалобы, но не предусматривает требований к ее содержанию. Тем не менее из текста жалобы должны быть ясны статус лица, ее подавшего, субъект рассмотрения жалобы, а также действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, подлежат проверке на предмет из законности и обоснованности. Несомненно, нечеткость изложения жалобы не может служить основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению. Однако в целях оптимизации производства по жалобам представляется необходимым закрепить в УПК требования к их содержанию, которые должны включать: наименование суда, в который она подается, данные о лице, подавшем жалобу, обжалуемое процессуальное решение и наименование органа, его вынесшего, а также доводы лица, подающего жалобу, о незаконности и необоснованности принятого процессуального решения и требования, перечень прилагаемых к жалобе материалов, подпись лица, подавшего жалобу.

Кроме того, следует отметить, что на основании ч. 5 ст. 144 УПК по результатам рассмотрения жалобы судья может вынести постановление либо об освобождении задержанного, отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и освобождении его из-под стражи, домашнего ареста либо оставлении жалобы без удовлетворения. Вместе с тем из содержания отдельных статей гл. 16 УПК усматривается возможность оставления жалобы без рассмотрения и возвращения ее заявителю, например, когда жалоба подается неуправомоченным лицом (ст. 13 УПК). В этой связи полагаем необходимым закрепить в УПК основания для возвращения жалобы заявителю, среди которых могут быть следующие: выявление факта подачи жалобы неуправомоченным лицом, отсутствие сведений о действиях или решениях, которые обжалованы, неподписание жалобы заявителем, отсутствие подтверждения полномочий защитника соответствующими документами, наличие постановления суда первой инстанции, вынесенного по результатам судебной проверки, в случае подачи жалобы несколькими субъектами в отношении одного и того же лица, наличие вступившего в законную силу постановления вышестоящего суда по

жалобе на постановление суда первой инстанции по результатам судебной проверки. Более того, как представляется, необходимо установить срок, в течение которого лицо вправе устранить указанные недостатки и направить жалобу повторно. Такой срок может составлять от трех до пяти дней.

Следует также обратить внимание и на то, что жалобы на решения органа уголовного преследования, предусмотренные в ч. 2 ст. 139 УПК, могут приноситься как в суд, так и прокурору, начальнику следственного подразделения, в данном случае суд должен проверить, не рассматривалась ли аналогичная жалоба указанными выше должностными лицами. Полагаем, что в случае удовлетворения такой жалобы, суд также должен принимать решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в связи с отсутствием оснований для проверки законности и обоснованности указанных решений органа, ведущего уголовный процесс. Однако при несогласии заявителя с решением, принятым по его жалобе, либо частичным удовлетворением жалобы прокурором указанные решения должны быть проверены судом на предмет их законности и обоснованности.

Таким образом, обозначенные проблемы свидетельствуют о необходимости пересмотра всего института судебного контроля при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел для того, чтобы он в полной мере отвечал требованиям международных актов и надлежащим образом мог гарантировать закрепленные в них основополагающие права.

УДК 343.1

А.М. Хлус

ПРОСЛУШИВАНИЕ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ КАК ПЕРВЫЙ ШАГ К СВОБОДНОЙ ЛЕГАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Противодействуя преступности, компетентные государственные органы широко используют методы оперативно-розыскной деятельности. В сочетании с процессуальными доказательствами оперативно-розыскная деятельность обеспечивает познание глубинных связей, характеризующих развитие преступления. Несмотря на научные разработки, до сих пор отсутствует четкая, единая правовая регламентация последовательности действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов, осуществляющих предварительное расследование, в связи с введением материалов оперативно-ро-

зыскной деятельности в уголовный процесс. Вместе с тем законодателем сделан стратегический шаг на пути решения этой проблемы.

В УПК Республики Беларусь закреплено такое следственное действие, как прослушивание и запись переговоров, которое имеет ряд признаков, характерных для оперативно-розыскных мероприятий. Данное следственное действие заключается в организации прослушивания и записи переговоров с использованием технических средств связи и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц в целях получения сведений, имеющих значение по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Несмотря на широкую законодательную трактовку понятия «переговоры», на практике чаще всего объектом контроля являются переговоры, ведущиеся по телефону. Отнеся данное действие к следственному, УПК одновременно заложил в нем элементы непроцессуальной деятельности. Здесь подразумевается не только использование негласных методов специальных учреждений, которые имеют технические возможности прослушивания и записи переговоров. Само содержание данного действия указывает на его специфику и существенное отличие от иных, предусмотренных УПК, следственных действий. В структуре рассматриваемого следственного действия выделяются три этапа. На первом (подготовительном) этапе изучается личность прослушиваемого лица. В ходе его изучения выясняются сведения о технических средствах связи, которыми он пользуется (номера телефонов, их характеристики), наличие средств защиты от прослушивания и др.

Второй этап связан с деятельностью, непосредственно направленной на прослушивание и запись переговоров. В законе не сказано, кто может быть задействован для его осуществления, какое учреждение его исполняет. Данная неопределенность позволяет привлекать к проведению этого следственного действия сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Такие специализированные подразделения имеются в органах МВД и КГБ. Они же уполномочены осуществлять подобные действия, но уже за пределами процессуальной деятельности.

Третий этап представляет собой следственный осмотр и прослушивание фонограмм.

Очевидно, что следователь принимает участие только в реализации действий на первом и третьем этапе. Учитывая, что на втором этапе нередко задействуются оперативные работники, можно сделать вывод, что основная часть рассматриваемого следственного действия ничем не отличается от аналогичных действий, осуществляемых в оперативно-розыскной деятельности и в последующем подлежащих

легализации в уголовном процессе. В подтверждение сказанного необходимо рассмотреть сферу оперативно-розыскной деятельности, где осуществляются аналогичные действия в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

В законе «Об оперативно-розыскной деятельности» упоминаются оперативно-розыскные мероприятия, сходные с анализируемым следственным действием. В их числе слуховой контроль, снятие информации с технических каналов связи, прослушивание телефонных переговоров. Много общего у рассматриваемого процессуального действия и оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров», которое представляет собой прослушивание и фиксацию в виде звукозаписи на магнитных и других носителях акустической информации, передаваемой по электрическим сетям телефонной связи при ведении телефонных переговоров, для решения задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Проведением данного оперативно-розыскного мероприятия обеспечиваются конспиративное получение и фиксация акустической чужой информации, передаваемой по телефонным сетям. Телефонные переговоры в настоящее время ведутся по различным видам связи: городской, междугородней и международной; радиотелефонной, радиорелейной, высокочастотной, сотовой и космической. Переговоры ведутся также с использованием селекторных, проводных, радио- и других технических средств передачи речевой информации. В связи с этим суть данного оперативно-розыскного мероприятия заключается в негласном контроле за речевым общением по каналам проводной и беспроводной телефонной связи путем подключения к стационарной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций либо к проводной линии связи или путем сканирования радиосигнала телефона объекта прослушивания. Фиксируются перехваченные телефонные переговоры при помощи специальной аппаратуры на различных материальных носителях (магнитные ленты, электронные диски и др.), которые в рамках оперативно-розыскного мероприятия «исследование предметов и документов» могут быть переданы в экспертно-криминалистическое подразделение для производства по ним соответствующих исследований, например установления личности по голосу.

Объектами оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» выступают лица, непосредственно причастные к подготовке и совершению преступлений, а также иные лица, могущие располагать информацией, необходимой для их предупреждения и пресечения. В связи с этим в ходе прослушивания телефон-

ных переговоров могут быть получены сведения: о подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлениях; составе преступных групп, распределении в них ролей, функциях каждого из участников, взаимоотношениях с другими членами группы и др.; особенностях характера проверяемых лиц, а также другие сведения, имеющие значения для предупреждения, выявления, пресечения преступлений, выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В процессе проведения оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» оперативные работники могут совершать действия, активизирующие лицо, в отношении которого проводится прослушивание. Это позволит установить иных соучастников преступления, другие факты преступной деятельности и т. п.

Субъектами оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров», как правило, являются специальные оперативно-технические подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, реже – непосредственно сами оперативные работники.

Осуществляется оно путем прослушивания телефонных переговоров с подключением к станционной аппаратуре организаций, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, как это следует из ч. 4 ст. 11 закона «Об оперативно-розыскной деятельности», только лишь с использованием оперативно-технических сил и средств органов внутренних дел, государственной безопасности и Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь.

На основе вышеизложенного и с учетом имеющейся аналогии можно сделать вывод о необходимости законодательной регламентации порядка свободной легализации материалов оперативно-розыскной деятельности при условии, что такая деятельность осуществлялась по поручению следователя, органа дознания в рамках возбужденного уголовного дела. При этом были соблюдены основания и условия проведения оперативно-розыскного мероприятия, предусмотренные законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Гарантом законности такой легализации должен выступить прокурор, на которого следует возложить обязанность по проверке материалов, представляемых оперативно-розыскным органом для введения в уголовный процесс в качестве источника доказательств.

ДОГОВОР КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ДРУГИХ ЛИЦ

В качестве источника опасности рассматривают обвиняемого, подозреваемого и их окружение по отношению к лицам, участвующим в уголовном процессе, членам их семей и близким. Однако представляется, что сама процедура предварительного расследования и судебного разбирательства, а также недобросовестность и отсутствие должного профессионализма у должностных лиц, также является источником опасности.

Гарантией обеспечения надлежащего исполнения мер безопасности будет являться установление взаимных прав и обязанностей между лицом, принявшим решение о мерах безопасности или исполняющим данное решение по обеспечению защиты, и самим защищаемым лицом. Правовое регулирование отношений между указанными субъектами необходимо для достижения цели установления мер безопасности. В ст. 75 УПК предусмотрена ответственность за невыполнение обязанностей по применению мер безопасности должностных лиц органа, ведущего уголовный процесс, и органа, обеспечивающего применение мер безопасности, правоохранительных органов, иных организаций, виновных в непринятии или ненадлежащем осуществлении мер безопасности либо в разглашении сведений о защищаемых лицах, которые несут ответственность в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. Однако, по мнению А.Ю. Епихина, стоило бы также в УПК закрепить ответственность за невыполнение обязанностей и в отношении защищаемого лица с целью его привлечения к любому виду ответственности в зависимости от тяжести и общественной опасности наступивших последствий, в том числе и отказ в дальнейшем от обеспечения его безопасности. Для этого, как видится, возможно законодательно предусмотреть наличие договора между гражданином и органом, осуществляющим меры безопасности, что будет способствовать лучшему исполнению своих обязанностей обеими сторонами договора. В нем, например, предусмотреть право защищаемого лица знать о применяющихся в отношении его (его родственников и близких) мерах безопасности и характере этих мер; просить о применении или неприменении в отношении его (его родственников и близких) конкретных мер безопасности, требовать применения мер социальной защиты; требовать от органа, обеспечивающего безопасность, применения в отношении его (его близких родственников и близких) кроме осуществляе-

мых иных мер безопасности или отмены каких-либо из осуществляемых мер; получения информации о задержании и мерах пресечения, применяемых к подозреваемому, обвиняемому, их освобождению; обжаловать в вышестоящий по подчиненности орган, обеспечивающий безопасность, прокурору либо в суд незаконные решения и действия должностных лиц, осуществляющих меры безопасности. Помимо прав договор должен содержать обязанности защищаемых лиц выполнять законные требования органа, обеспечивающего безопасность; незамедлительно информировать указанный орган о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении его; бережно обращаться с имуществом, выданным ему указанным органом в личное пользование для обеспечения безопасности; не разглашать сведения о принимаемых в отношении его мерах безопасности без разрешения органа, осуществляющего эти меры. Уполномоченные органы, в свою очередь, для осуществления защиты должны иметь полную информацию о защищаемом лице; требовать от органов, принявших решение, дополнительных сведений, связанных с реализацией мер безопасности; ходатайствовать перед органом (должностным лицом, принявшим решение о применении мер безопасности) о дополнении, изменении мер безопасности; требовать от защищаемого лица установленных для реализации мер безопасности условий (специальных предписаний); требовать обязательности исполнения решений и действий, связанных с реализацией мер безопасности всеми должностными лицами предприятий, учреждений и организаций, в адрес которых они направлены.

УДК 343.137.2

Ж.А. Шилко

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНОВ «БЫСТРОТА» И «ОПЕРАТИВНОСТЬ» РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В соответствии с ч. 1 ст. 7 УПК Республики Беларусь задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Быстрота расследования как эффективное средство достижения целей уголовного процесса предполагает проведение расследования уголовных дел в минимально возможные сроки, чтобы приблизить момент принятия судом окончательного решения по делу ко времени совершения преступления. Кроме этого, реализация требования быстроты расследования способствует также достижению целей уголовного наказания – общей и специальной превенции.

В то же время согласно ст. 4 закона Республики Беларусь «О Следственном комитете Республики Беларусь» от 13 июля 2012 г. первоочередной задачей Следственного комитета является «всестороннее, полное, объективное и оперативное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством».

Казалось бы, задача уголовного процесса по защите личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений нашла свое отражение и в названном законе. Однако этимологическое значение слов «быстрота» и «оперативность» не синонимично. Значение термина «быстрота» является собой высокую скорость и стремительность, значение же термина «оперативность» заключается в быstroдействии, эффективности, действенности и результативности.

Исходя из значения указанных терминов можно отметить, что установленный УПК порядок досудебного производства, предусматривающий возможность проведения ускоренного производства, в полной мере должен соответствовать требованиям оперативности расследования преступлений.

Однако при подготовке текста ч. 1 ст. 453 УПК, на наш взгляд, законодателем допущено серьезное упущение (даже в сравнении с предыдущей редакцией данной нормы), не позволяющее реализоваться быstroдействию уголовного процесса: «Ускоренное производство должно быть закончено не позднее десяти суток со дня поступления в орган предварительного следствия заявления или сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд». Практика показывает, что подавляющее большинство заявлений и сообщений о преступлениях поступают в территориальные органы внутренних дел, а не в подразделения Следственного комитета. Вследствие этого фактический срок проведения ускоренного производства в общей сложности превышает установленный уголовно-процессуальным законом десятидневный срок.

В юридической литературе высказывается мнение (К.Б. Калиновский) о том, что быстрота уголовного процесса вообще должна рассматриваться как его принцип. На наш взгляд, быстрота, действительно, является отправным и руководящим требованием процессуальной

деятельности по расследованию уголовных дел. Следует обратить внимание, что принцип быстроты, разумеется, не стоит в одном ряду с такими принципами, как законность, публичность, независимость суда, состязательность, равноправие сторон. Тем не менее он может рассматриваться именно как принцип, только меньшего уровня абстрактности (обобщения). Требование быстроты напрямую влияет на все построение уголовного процесса. Для обеспечения быстроты стало возможным реформирование начальных стадий уголовного процесса и дифференциация уголовно-процессуальной формы (ускоренное производство). Но здесь нельзя не согласиться и с учеными-процессуалистами, считающими, что быстрота производства и оперативность деятельности органов предварительного расследования важны не сами по себе, а лишь при условии, что они способны обеспечить успешную борьбу с преступностью при соблюдении законности в процессе расследования каждого противоправного деяния.

Сказанное позволяет сделать вывод о возможности изложения ч. 1 ст. 7 УПК в следующей редакции: «Задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем оперативного и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.». В данном случае термин «оперативность» в полной мере можно применять не только в отношении ускоренного производства, но и относительно всего уголовного процесса.

УДК 343.13

М.М. Якубель

О СОДЕРЖАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ «ОТДАЧА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОД ПРИСМОТР»

УПК Республики Беларусь в качестве одной из мер пресечения закрепляет отдачу несовершеннолетнего под присмотр. Ее сущность заключается в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого посредством присмотра за ним субъектов из числа родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, других заслуживающих доверия лиц либо администрации специального детского учреждения, в котором он находится.

По своему содержанию эта мера призвана обеспечить такое поведение несовершеннолетнего, при котором он, находясь на свободе: не скроется от органа уголовного преследования и суда; не будет препятствовать расследованию дела и рассмотрению его судом; не будет заниматься преступной деятельностью (ч. 1 ст. 123 УПК).

Указанная мера пресечения во многом сходна с личным поручительством (ст. 121 УПК), которое предусматривает аналогичные требования к поведению подозреваемого, обвиняемого.

Интересно отметить, что в содержании упомянутых мер прямо не оговаривается обязанность поручителя, равно как и лица, которому отдан под присмотр несовершеннолетний, проконтролировать своевременность явки подозреваемого, обвиняемого по вызовам органа, ведущего уголовный процесс. Вместе с тем УПК 1960 г. обязывал лицо, осуществляющее присмотр, обеспечить явку несовершеннолетнего к следователю и в суд, а также его надлежащее поведение (ст. 97). Российское уголовно-процессуальное законодательство пошло по тому же пути, закрепив положение о том, что присмотр должен гарантировать надлежащее поведение несовершеннолетнего, одним из элементов которого выступает выполнение обязанности в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд (ст. 102, 105 УПК РФ).

В этой связи представляется целесообразным рассмотрение вопроса об обоснованности возложения на лицо, осуществляющее присмотр за несовершеннолетним, обязанности по контролю за своевременностью явки подозреваемого, обвиняемого по вызовам органа, ведущего уголовный процесс. Ранее уже было отмечено, что в ст. 123 УПК данное требование прямо не оговорено. Вместе с тем в ней содержится указание на то, что отданный под присмотр субъект не должен «препятствовать расследованию дела и рассмотрению его судом». Сущность этого предписания в законе не раскрывается, однако по своему содержанию оно охватывает весьма широкий спектр деяний и, как видится, включает в себя обязанность несовершеннолетнего своевременно являться по вызову. Так, вполне очевидно, что неявка подозреваемого или обвиняемого по вызову органа, ведущего уголовный процесс, устраняет возможность проведения с ним запланированных процессуальных действий и, следовательно, создает препятствия для расследования и судебного рассмотрения дела. Таким образом, если расценивать обязанность лица «являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс», как составной элемент понятия «не препятствовать расследованию дела и рассмотрению его судом», то лица, осуществляющие присмотр, должны контролировать и своевременность явки несовершеннолетнего в орган уголовного преследования и суд.

Однако анализ ч. 1 ст. 120 УПК, регламентирующей применение меры пресечения «подписка о невыезде и надлежащем поведении», свидетельствует о том, что законодатель не соотносит упомянутые формулировки как общую и частную, а считает их обособленными требованиями к поведению подозреваемого, обвиняемого. В данной норме они приводятся через запятую, в одном ряду перечисления: «не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения органа уголовного преследования или суда, не препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде, в назначенный срок являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс».

Толкование во взаимосвязи содержания ч. 1 ст. 120 и ч. 1 ст. 123 УПК позволяет констатировать, что действующая регламентация меры пресечения «отдача несовершеннолетнего под присмотр» не предусматривает обязанностей лица, которому поручается присмотр, контролировать своевременность явки подозреваемого, обвиняемого по вызову органа, ведущего уголовный процесс. Представляется, что это не в полной мере соответствует правовой природе данной меры пресечения и не совсем согласуется с другими положениями закона. Так, в ст. 433 УПК прямо оговорено, что лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно осуществлять вызов несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, не содержащихся под стражей, через их родителей или других законных представителей, а если несовершеннолетний содержится в специальном детском учреждении – через администрацию этого учреждения. Учитывая, что в большинстве случаев именно перечисленные субъекты выступают в качестве лиц, которым поручается присмотр, вызов в орган, ведущий уголовный процесс, осуществляется именно через них. В этой связи не совсем понятно, почему законодатель, регламентируя анализируемую меру пресечения, не возлагает контроль за явкой несовершеннолетнего в орган уголовного преследования и суд на лиц, взявших на себя обязательство о присмотре.

В целях оптимизации действующей регламентации меры пресечения «отдача несовершеннолетнего под присмотр» и практики ее применения видится целесообразным сформулировать ст. 123 УПК исходя из вывода о том, что своевременная явка несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого является неотъемлемым условием эффективного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет и, следовательно, по своему содержанию входит в понятие «непрепятствование расследованию дела и рассмотрению его судом».

Не исключаем, что такой подход к пониманию и соотношению указанных понятий повлечет необходимость пересмотра содержания других мер пресечения, включающих данные формулировки.

Кроме того, представляется целесообразным дополнение ст. 433 УПК указанием о том, что в случае применения анализируемой меры пресечения, лицо, осуществляющее присмотр, должно быть поставлено в известность о вызове несовершеннолетнего в орган, ведущий уголовный процесс. Это позволит уведомить субъекта, принявшего на себя обязательства о присмотре, необходимости явки несовершеннолетнего в тех случаях, когда вызов производился не через него.

Полагаем, что законодательная реализация сформулированных предложений конкретизирует содержание меры пресечения «отдача несовершеннолетнего под присмотр» и будет способствовать оптимизации ее нормативного закрепления и практики использования.

УДК 343.98

Р.Ф. Адыгезалов

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОМУ ОТПИРАНИЮ И ВЗЛОМУ ЗАМКОВ

К сожалению, приходится констатировать факт бесконтрольного насыщения замками внутреннего рынка Республики Беларусь. Так, например, граждане нашей страны могут легко приобрести замок либо цилиндр к нему, не имея представления о его свойствах и устойчивости к криминальному воздействию. В то же время совершенствование конструкций замков на сегодняшний день не развивается отечественными производителями. Несущественное повышение секретности замков не учитывает наиболее распространенные способы профессионального отпирания и взлома замков. До настоящего времени в систему испытаний и сертификации не входят программы, моделирующие типичные способы взлома и выявление слабых мест конструкции замков. В итоге государственное и личное имущество испытывает потенциальную угрозу преступного посягательства. В то же время зарубежные производители агрессивно продвигают на рынке свои замочные товары, хотя их рекламные описания не всегда соответствуют криминалистическим требованиям к замкам и часто вводят в заблуждение потребителей. В данном случае экспертная профилактика преступлений, совершаемых посредством взлома и отпирания, предполагает применение в конструкциях замков технических противовзломных средств (деталей, элементов), изменение, дополнение составляющих элементов для усложнения криминального отпирания, а также включение криминалистических требований в процедуру сертификации и испытаний замочных изделий, поступающих на рынок Республики Беларусь. Эффективная реализация профилактических предложений предполагает одновременно осуществление следующих мероприятий:

А. Внедрение технических решений.

Предполагается, что экономический эффект от внедрения новых средств профилактики взлома заключается в следующем:

1. Повышение эффективности и соответственно снижение затрат на содержание правоохранительных органов, специализирующихся на

раскрытии и расследовании уголовных дел о квартирных кражах, кражах из транспортных средств, хранилищ и угонах транспортных средств.

2. Снижение размера ущерба, причиненного кражами и угонами, за счет использования более эффективных средств предотвращения взломов и криминального отпирания.

3. Мониторинг количества импортного замочного товара на внутреннем рынке и жесткий контроль процентного соотношения замков отечественных и зарубежных производителей, повышение потребительских свойств отечественных замков и, как следствие, рост объемов продаж отечественных товаров на внутреннем и внешнем рынках.

Затратность реализации указанного проекта невысока:

внедрение в производство замков предложенных ноу-хау предполагает незначительную доработку конкретных элементов;

низкая затратность производства усовершенствованных образцов достигается за счет сохранения основных элементов замков (размерных характеристик) и добавления минимальных изменений, не требующих существенной модификации технологической линии;

система сертификации замочных изделий уполномоченными органами финансируется заинтересованными коммерческими организациями и не требует бюджетных средств.

Б. Реализация организационных решений.

Реализация проекта возможна путем согласованных действий заинтересованных министерств и ведомств, в рамках государственной программы либо в пределах их компетенции и выделяемого объема финансирования.

В качестве заинтересованных органов – исполнителей указанного проекта могут быть:

1. Министерство внутренних дел – согласование по предложениям производителей уточненной методики испытаний замков и криминалистических требований, стандартов; уточнение программ обследования объектов (государственных, негосударственных), принимаемых под охрану; профилактическая работа на местах силами участковых, оперуполномоченных, пропаганда новых средств противодействия квартирным, автомобильным кражам и угонам транспортных средств; создание органа по сертификации замочных изделий.

2. Государственный комитет по стандартизации – разработка (проектирование, внесение) изменений в действующие стандарты.

3. Министерство архитектуры и строительства – внесение изменений в СНиП, СНБ, ТКП, регламентирующих устройство дверных конструкций и противовзломные свойства запорных элементов.

4. Министерство промышленности – внедрение в производство ноу-хау, направленных на повышение противовзломных свойств отечественных замков.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ**

На современном этапе развития общества защита личности, общества и государства от преступных проявлений является одной из важнейших задач правоохранительной системы. Выполнение этой задачи невозможно без использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, которые часто имеют решающее значение при вынесении решения по рассматриваемым судами уголовным делам. Несмотря на то что в настоящее время принято и изменено много нормативных правовых актов и документов, регламентирующих этот вопрос, в данном направлении имеется много пробелов и проблем. Отметим некоторые из них.

1. Допустимость результатов оперативно-розыскной деятельности как доказательств.

При раскрытии и расследовании уголовных дел всегда имеется необходимость в проведении оперативно-розыскных мероприятий. При их проведении имеет большое значение тактика и методика, а также правильное документальное оформление. Несоблюдение этих принципов может повлечь за собой признание судом полученных результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми. Так, в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия нельзя допускать провокации, моделировать с этой же целью ситуации, которые могут заставить лицо совершать определенные действия, произносить определенные фразы и т. д. Впоследствии при рассмотрении дела в суде это влияет на оценку полученных результатов. Термин «провокации», как известно, в законе не определен, хотя это и необходимо.

Что касается надлежащего документального оформления оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан и проводимых с санкции прокурора, то в обязательном порядке необходимо вынесение постановления об их прекращении. При отсутствии данного документа и при продолжении мероприятий имеет место нарушение их сроков, что также влияет на допустимость результатов как доказательств.

Отдельно стоит отметить использование результатов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по разным категориям дел опе-

ративного учета, когда в ходе их проведения субъект оперативно-розыскной деятельности получает информацию по другим ранее возбужденным уголовным делам либо иным фактам противоправной деятельности, которым еще не дана правовая оценка. Механизм представления результатов оперативно-розыскной деятельности в орган уголовного преследования или суд в этом случае не полностью урегулирован нормативными правовыми актами, что также отрицательно влияет на оценку таких результатов в суде. Следует также отметить, что в настоящий момент в нормативных правовых актах четко определено, что субъект оперативно-розыскной деятельности проводит оперативно-розыскные мероприятия по возбужденному уголовному делу при наличии поручения следователя или дела оперативного учета. Вместе с тем известно, что дела оперативного учета заведены в отношении не всех лиц, причастных к противоправной деятельности, что для их заведения необходимо время, что уголовные дела не расследуются постоянно, срок предварительного расследования по ним приостанавливается, что исключает возможность дачи следователем отдельного поручения по делу. Также не на все нераскрытые преступления заводятся дела оперативного учета. Все это исключает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан и санкционируемых прокурором, по инициативе субъекта оперативно-розыскной деятельности. Данные обстоятельства часто заставляют сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия, заниматься фальсификацией и могут свести на нет все полученные результаты оперативно-розыскной деятельности, когда они будут представлены в орган уголовного преследования и их оценка будет производиться в суде.

2. Соблюдение конспирации при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности в орган уголовного преследования. Своевременность их представления. Целесообразность ознакомления лиц, в отношении которых проводились оперативно-розыскные мероприятия, с их результатами после представления в орган уголовного преследования.

Данные проблемы необходимо рассматривать в комплексе. В настоящий момент ни для кого не является новостью, что правоохранительные органы могут проводить широкий спектр оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права граждан, с привлечением конфиденентов и использованием различных технических средств. Видится, что результаты таких оперативно-розыскных мероприятий следует представлять в орган уголовного преследования лишь после ознакомления с материалами уголовного дела лица, в отношении которого они проводились. Что касается исследова-

ния таких результатов в суде, то к этому вопросу следует относиться весьма серьезно и дифференцировано. Тактика, формы и методы оперативно-розыскной деятельности, а также информация о конкретных лицах, связанных с ее осуществлением, не должны стать достоянием гласности, иначе в последующем это в значительной степени затруднит работу правоохранительных органов или повлечет иные негативные последствия. Ничто не мешает суду отдельно или самостоятельно знакомиться в таких случаях с результатами оперативно-розыскной деятельности, проверять законность и обоснованность проведения оперативно-розыскных мероприятий. Положение обвиняемого лица данное обстоятельство никак не ухудшает.

Таким образом, нами обозначены наиболее проблемные вопросы, связанные с представлением результатов оперативно-розыскной деятельности в орган уголовного преследования и их дальнейшим использованием. Решение этих вопросов может положительно повлиять на эффективность принимаемых мер по раскрытию и расследованию уголовных дел, а также эффективность оперативного сопровождения их расследования.

УДК 343.98 + 342.92

Б.В. Асаёнок

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ПОГРАНИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Выявление, пресечение и предупреждение правонарушений (в широком смысле данного понятия) является важным элементом обеспечения пограничной безопасности органами пограничной службы Республики Беларусь. Однако все ли они представляют реальную и системную угрозу пограничной безопасности? Представляется, что неосторожные правонарушения в силу своего спорадического, неорганизованного характера должны привлекать значительно меньше внимания со стороны органов пограничной службы по сравнению с умышленными. Выявление, пресечение и предупреждение неосторожных правонарушений в достаточной мере обеспечивается нормальным функционированием системы охраны Государственной границы Республики Беларусь, в силу чего нет необходимости предпринимать какие-либо особые меры по борьбе с ними. Иной же подход должен иметь место по отношению к умышленным правонарушениям. Их совершение часто предполагает учет правонарушителями деятельности органов

пограничной службы и содействующих правоохранительных органов, систему мер по подготовке и сокрытию правонарушений, реализации их результатов в легальном или нелегальном обороте товарно-материальных ценностей.

Оперирование термином «правонарушения», используемым законодателем наравне с терминами «преступления», «административные правонарушения», малоэффективно в организационном и тактическом аспекте, поскольку концентрирует внимание правоприменителя на статичных аспектах его содержания (состав правонарушения, количество правонарушений на участке ответственности, уровень преступности и др.). Это, в свою очередь, дает мало информации о реальной оперативной ситуации и комплексных мерах по воздействию на нее. Совершение правонарушений в той либо иной сфере или на том либо ином участке – это постоянно изменяющаяся, динамичная система, имеющая внутреннее и внешние взаимные связи. Рассматривая же правонарушения по отдельности, нельзя с полным на то основанием говорить об их реальных причинах, масштабах их совершения и достигаемых целях.

Анализ результатов деятельности органов пограничной службы и содействующих правоохранительных органов по обеспечению пограничной безопасности указывает на чрезвычайное разнообразие выявляемых и пресекаемых преступлений и административных правонарушений. Каждое из них, взятое по отдельности, дает лишь констатацию совершения деяния, запрещенного законодательством, но не дает целостного понимания ситуации обеспечения пограничной безопасности. И речь здесь прежде всего должна идти о том, что абсолютное большинство умышленных преступлений и многие административные правонарушения являются элементами (или этапами) систематической деятельности конкретных лиц или групп лиц. Рассмотрение этих элементов отдельно, вне их связи с другими, означает утерю информации обо всех или хотя бы о большинстве актов незаконной деятельности на границе. В силу этого следует в полной мере согласиться с точкой зрения отдельных криминалистов о том, что анализ свойств системы, даже в самом общем виде, показывает, насколько многообразны типы взаимодействия, лежащие в основе механизма преступной деятельности.

Так, например, незаконное перемещение товарно-материальных ценностей через границу вне пунктов пропуска (ст. 228 УК Республики Беларусь) в некоторых случаях не может быть осуществлено без незаконного пересечения Государственной границы Республики Беларусь. Таким образом, совершение административного правонарушения является элементом механизма (и способа) преступления. И, наоборот, незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь в пункте пропуска с использованием поддельного документа говорит о том, что преступление (ст. 380 УК) является способом совершения ад-

министративного правонарушения (ст. 23.29 КоАП Республики Беларусь). В.Ф. Ермолович точно отмечает, что в механизме конкретного преступления может быть не один, а два и более способов совершения преступления, обусловленные конкретными условиями (факторами) совершения и сокрытия преступления. При этом способы могут быть направлены не на один, а на несколько объектов преступления.

Указанные правонарушения, как и многие аналогичные им, не планируются раздельно. Их осуществление чаще всего преследует единую цель, происходит поэтапно или параллельно друг другу, поэтому и рассматривать их следует не как отдельные действия, а в совокупности – как деятельность. Именно направленность на осуществление единой цели серии отдельных актов, т. е. целесообразная активность человека, определяется психологией в качестве одного из главных признаков деятельности. Соглашаются с этим и ученые-криминалисты. Так, А.М. Кустов определяет, что деятельность – это процесс, побуждаемый потребностью (мотивом) и направляемый осознанной целью. Деятельность может осуществляться различными действиями, а способ осуществления этих действий зависит от условий и средств достижения цели.

Если же говорить непосредственно о главном признаке деятельности, направленной на совершение тех либо иных видов правонарушений, то правомерно считать таковым противоправность. Этот признак является единым как для преступления (ст. 11 УК), так и для административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП).

Именно криминалистическая характеристика является информационной моделью преступления, позволяющей с большей эффективностью выявлять признаки преступления, ориентировать сотрудников правоохранительных органов на типичную следовую картину преступлений. Она имеет важное розыскное значение при поиске лиц, совершивших преступления. Учитывая изложенное, следует говорить о том, что криминалистическая характеристика должна включать признаки не только преступлений, но и административных правонарушений, если их совершение предусматривает единую целенаправленную деятельность. Таким образом, уместным может явиться такое новое направление в криминалистических исследованиях, как криминалистическая характеристика противоправной деятельности. Наиболее эффективной, как представляется, эта характеристика будет являться при анализе отдельных видов противоправной деятельности с учетом объекта, на который она посягает (пограничная, экономическая безопасность и т. п.), а также на отдельных участках и объектах. Это позволяет рассмотреть и проанализировать специфику указанных видов деятельности с учетом применения криминалистического инструментария и выработать не только организационно-тактические (криминалистические), но и новые правовые меры борьбы с ними.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО УЧЕТА И ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОПОЗНАНИЕМ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время почти все централизованные криминалистические и иные учеты, входящие в систему криминалистической (уголовной) регистрации, автоматизированы. Поскольку одним из наиболее значимых криминалистических учетов является учет лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов, лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности, то автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) «Опознание» представляется одной из наиболее информативных и необходимых для целей и задач криминалистики.

Централизованный учет лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов, лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности, предназначен для сбора, систематизации, анализа и проверки сведений об указанных категориях лиц в целях их розыска, установления местонахождения, отождествления личности и осуществляется на территориальном, региональном и центральном уровнях путем ведения картотек и автоматизированного информационного банка данных на базе АИПС «Опознание».

Поскольку АИПС «Опознание» является сложной информационно-поисковой системой, то она должна включать все необходимые атрибуты многоуровневых АИПС, для построения которых можно использовать несколько распространенных архитектурных решений.

Классическая архитектура «клиент – сервер» включает в себя два программных уровня и подразумевает использование сложноорганизованного клиентского приложения и системы управления базами данных (СУБД), взаимодействие между которыми происходит напрямую с использованием специальных драйверов доступа к базе данных в клиентской части. Преимуществом является достаточная простота разработки, а недостатками следует признать обязательное наличие драйвера СУБД в клиентском уровне, прямой доступ к базе данных и, как следствие, ухудшение безопасности системы, а также технологические сложности при использовании низкоскоростных каналов связи между уровнями.

Многозвенная архитектура включает в себя несколько уровней (обычно достаточно трех). Такая архитектура в большинстве случаев

использует «тонкий клиент», включающий в себя минимум функциональных возможностей по обработке и передаче данных, СУБД и «промежуточный слой», обеспечивающий взаимодействие между клиентским приложением и базой данных.

Данная архитектура может быть реализована с помощью web-технологий с применением интернет-браузеров. Преимуществом такого решения является возможность использования гетерогенных сред, когда клиентское приложение работает под различными операционными системами, а очевидным недостатком – сложность создания пользовательского интерфейса только с помощью языка HTML. Для улучшения функциональности необходимо дополнительно использовать язык java-script и основывающиеся на нем технологии, например AJAX. Кроме того, к недостаткам можно отнести невысокую защищенность HTML-кода и встроенного в него java-script, которые доступны интернет-браузеру.

Более удачным решением следует признать применение технологии J2EE, EJB и языка Java с использованием JavaBean, Servlets, JSP. Преимуществом в этом случае будет хорошая адаптация под различные операционные системы и достаточная защищенность, в особенности когда клиентское приложение разработано полностью на языке Java.

Следует отметить и возможность использования различных языков программирования с компиляторами под операционные системы, с созданием бинарных приложений, обеспечивающих высокую производительность и защищенность. Например, использование технологии Borland MIDAS существенно упрощает создание многозвенных систем.

Многозвенность архитектуры позволяет реализовывать многоуровневую систему, осуществляющую комплекс оперативных проверок, путем обеспечения формирования запросов к подсистемам регионального уровня с возможностью обращения к другим регионам и при необходимости к центральному уровню с дальнейшим получением ответов через используемые транспортные информационные каналы. Такое взаимодействие охватывает следующие основные направления: определение иерархии всех уровней; порядок направления данных и запросов и получения информации посредством формирования файлов, содержащих запрашиваемые данные, передачи их в центральную систему определенным регламентированным способом, обработку запроса, формирование результатов и их обратную отсылку.

При работе с информацией, находящейся в системе «Опознание», важной составляющей является возможность получения различного рода отчетов как о работе самой системы, так и о выполненных с ее использованием мероприятиях. Данное обстоятельство предполагает различные

формы отчетности, что само по себе является весьма трудоемкой задачей, поскольку количество форм отчетности может достигать десятков, а иногда и сотен вариантов. Все изложенное требует серьезной автоматизации процесса, поскольку отдельно программировать выборку из базы данных, разрабатывать бланк и обеспечивать вывод на печать невозможно без больших временных затрат и людских ресурсов.

Решением данной проблемы является использование генератора отчетов, призванного ускорить процесс создания большого количества форм отчетности с единым универсальным подходом к их формированию. Конечные пользователи также должны иметь возможность самостоятельно модифицировать и создавать формы отчетности по мере необходимости без привлечения разработчиков.

Поскольку АИПС «Опознание» помимо текстовой информации в большинстве случаев содержит и цифровые фотоизображения лиц, то целесообразно дополнить данную систему возможностью использования современных средств обработки изображений и анализа графической информации для осуществления портретной идентификации в соответствии с существующими методиками и нормативными документами, что, в свою очередь, позволит провести работы по совмещению информационно-поисковых задач с задачами судебной экспертизы.

Расширение функций АИПС «Опознание» включением в нее возможности решения судебно-экспертных задач по портретной идентификации личности предполагает помимо модификации самой системы и обучения персонала разработку соответствующих нормативных правовых документов по проведению такого рода исследований.

Само по себе наличие данного дополнения существенно улучшает качество поиска лиц, пропавших без вести, неопознанных трупов, лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности. При этом решение судебно-экспертной задачи по портретной идентификации личности является дискуссионным, но возможным.

Наличие в составе лиц, обслуживающих данную систему, подготовленных экспертов по портретной идентификации позволит значительно сократить время на получение заключения эксперта из экспертного учреждения.

Рассмотренные особенности построения современных АИПС для проведения экспертных исследований, связанных с опознанием личности, требуют построения АИПС «Опознание» по модульному принципу, предполагающему возможность совершенствования системы без обращения к разработчикам, что само по себе является новым.

**ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ
ЭЛЕКТРОННЫХ МАШИНОСЧИТЫВАЕМЫХ
ПРОЕЗДНЫХ ДОКУМЕНТОВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В Европе электронные машиносчитываемые проездные документы и визы с биометрическими характеристиками выдаются фактически повсеместно. Их введение вызвано необходимостью совершенствования процесса идентификации личности посредством автоматизированного считывания данных с микрочипа и дальнейшего повышения защиты от подделки.

Преимущества использования электронных паспортов заключаются в следующих факторах. Наличие биометрических характеристик в чипе и налаженная инфраструктура сокращают время проверки документов до 10–15 секунд на одного человека. Биометрическая идентификация личности помогает выявлять лиц, пытающихся предъявить чужие паспорта. Биометрические технологии используются для электронного документирования (логирования) всех сверок (функция учета документов).

К недостаткам биометрических технологий, используемых для защиты персональных данных паспортов, следует отнести следующее. Отсутствует универсальная биометрическая характеристика для повсеместного применения – имеется необходимость использования как минимум двух биометрических характеристик для достоверной верификации документов. Биометрическая информация довольно сложно поддается формализации, и всегда имеется вероятность совершения ошибки. Присущие каждому биометрическим технологиям ограничения оказывают влияние на эффективность их использования. Их можно обойти, используя одновременно несколько биометрических методов. Имеют место проблемы технического, правового, методического и организационного характера. В настоящее время отсутствует система единых государственных и международных стандартов в области биометрических технологий. Исходя из изложенного в ближайшем будущем задача полной автоматизации и исключения человека из процесса проверки документов решена не будет. В силу указанных причин работа над традиционными защитными элементами должна вестись непрерывно.

Если проанализировать современные средства защиты паспортов различных стран мира, то в машиносчитываемых проездных докумен-

тах Республики Беларусь целесообразно использовать следующие элементы и средства защиты.

1. На странице с персональной информацией изображение владельца и текст целесообразно наносить с помощью сублимационных принтеров, не имеющих пока широкого распространения, но обладающих хорошей разрешающей способностью.

Страницы с персональной информацией должны содержать дублирующие изображения владельцев, которые могут наноситься краской, визуализируемой в ИК-свете, или принтером, печатающим специальными красками и растрами. Представляется перспективным изображением владельца дублировать в юниграммы.

Интегрированные фотоизображения возможно дополнительно защищать тонкой фоновой сеткой с микрошрифтом или нанесением рисунка оптически переменной краской на внутреннюю сторону ламината или с использованием краски с антистоксовыми свойствами.

2. Для контролеров органов пограничной службы большое значение имеет наличие элементов защиты, которые позволяют быстро выявлять признаки подделки без применения приборов (визуально, тактильно). В качестве таких средств защиты хорошо зарекомендовали себя кипп-эффект, MVC, металлографская печать, переходящая в бескрасочное тиснение. Следует отметить, что почти все страны применяют металлографскую печать для защиты своих паспортов. Легко контролируется многотонный водяной знак, совмещенный с филигранным знаком, выполненным в виде номера страницы. На странице данных возможно использовать термохромные краски, обратимо изменяющие цвет при прикосновении руки человека.

3. Серийный номер, традиционно наносимый перфорированием, рекомендуется дублировать разными способами печати, разными шрифтами (в том числе с переменным кеглем) или красками с различными специальными свойствами.

4. Рисунок фоновой сетки может незначительно изменяться от страницы к странице, в линии сеток за счет их излома или изменения толщины целесообразно включать номера страниц.

5. Целесообразно использовать краски с люминесценцией при разных длинах волн (365, 254 и 311 нм) для печати «невидимых» изображений на одном листе документа.

6. И самое важное – это обеспечить централизованное изготовление, персонализацию и выпуск документов.

Следует отметить, что в настоящее время не принят единый стандарт для электронных машиносчитываемых паспортов нового поколения. Лишь достигнуто соглашение о том, что к 24 ноября 2015 г. все

страны мира должны перейти к выпуску машиносчитываемых проездных документов.

Даже в страны с жесткими требованиями, предъявляемыми к визам, возможен въезд по любому паспорту. С точки зрения въезда в какие-либо страны мира объективной необходимости в получении электронного паспорта на сегодняшний день не существует. Однако введение электронных документов в Республике Беларусь необходимо для дальнейшей интеграции страны в европейское пространство. По большому счету это более политическая необходимость, нежели насущная потребность. Кроме того, внедрение электронных документов в Республике Беларусь потребует целевого выделения финансовых средств, перестройки механизмов разработки, изготовления, персонализации и выдачи документов. В последние годы совершенствование биометрических технологий происходит ускоренными темпами, повышается надежность методов и снижается стоимость традиционных технологий. В результате государство с меньшими затратами сможет перейти на электронные машиносчитываемые проездные документы. Однако недостаточно выпустить хорошо защищенный электронный машиносчитываемый проездной документ, паспорт или идентификационную карту. Необходимо разработать правовые, организационные и технические механизмы его изготовления, выпуска, централизованной персонализации, использования и последующего контроля подлинности.

УДК 343.977

О.С. Бочарова, Т.Ю. Ритвинская

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СПОСОБЫ ПОДДЕЛКИ ДОКУМЕНТОВ НА ПРАВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Экспертами-криминалистами органов пограничной службы Республики Беларусь в основном исследуются документы, используемые при пересечении границы. К ним относятся общегражданские, дипломатические и служебные паспорта, визовые марки, идентификационные карты, свидетельства на возвращение.

Исследование бланка любого документа на право пересечения границы с предполагаемыми признаками полной или частичной подделки производится путем визуального осмотра и микроскопического исследования в отраженном, косопадающем, проходящем свете, в отраженных УФ- и ИК-лучах, исследования ИК-люминесценции и ретрорефлектив-

ной защиты. В процессе исследования используются лупы различной кратности (криминалистические, видеоспектральные («Регула 4077» и «Регула 4177»), магнитооптические «Регула 4098»)), микроскопы (панкратический и люминесцентный), различные приборы для проверки документов («Регула 4303», «Регула 4305», «Регула 5001» и др.), видеоспектральные компараторы.

Фактов выявления полностью поддельных документов меньше, чем фактов выявления документов с признаками частичной подделки, и изготавливаются такие документы, как правило, либо с применением кустарного полиграфического оборудования, либо с помощью оргтехнических средств (струйная печать, термопечать, метод электрофотографии). При исследовании таких документов необходимым условием является наличие образца бланка документа либо его подробного описания. Связано это с тем, что в документах разной государственной принадлежности виды и количество защитных средств могут иметь существенные различия. Кроме того, существует категория выдуманных документов. К ним относятся паспорта несуществующих государств или организаций. Такие документы часто выполняются при помощи полиграфического оборудования и снабжаются рядом защитных средств, однако действительными для пересечения границы они не являются.

Основным признаком полной подделки бланка документа, изготовленного с помощью оргтехники, будет наличие в штрихах знаков печатного текста и в линиях защитной сетки хаотично расположенных точек, образованных разноокрашенными частицами тонера, либо разноокрашенных микроклякс. Изготовление таким способом паспортного блока почти не встречается, однако документы, представляющие собой двусторонние бланки, выявляются достаточно часто. Так, например, при исследовании двустороннего бланка свидетельства на возвращение в Республику Грузию выявлено, что штрихи линий защитной сетки и знаков текста названия граф персонализации состоят из хаотично расположенных точек неправильной формы пурпурного, голубого, желтого и черного цветов, т. е. выполнены с помощью капельно-струйного принтера. Это позволяет сделать вывод о том, что бланк свидетельства изготовлен не предприятием, осуществляющим выпуск продукции данного вида.

В случае, когда бланк документа изготавливается с помощью кустарного полиграфического оборудования, основными признаками будут несоответствия элементов полиграфической защиты образцу: искажение, нечеткая проработка, упрощенное исполнение деталей графических изображений и сюжетных рисунков, несоответствие цветовой гаммы, грамматические ошибки в тексте содержания; несоответст-

вия в комплексе технологической и физико-химической защиты: отсутствие окрашенных и люминесцирующих волокон, планшет; отсутствие, искажение, нечеткая проработка деталей рисунков ультрафиолетовой и инфракрасной защиты, отсутствие графических изображений, выполненных красками со специальными свойствами (термохромными, фотохромными и оптически переменными). При проведении исследований таких документов, для того чтобы сделать вывод о том, что бланк выполнен предприятием, осуществляющим выпуск продукции данного вида, необходим образец. В противном случае эксперт делает заключение о невозможности однозначного вывода.

Например, на исследование поступила идентификационная карта Королевства Бельгии. В процессе исследования и сравнения с соответствующим образцом было выявлено следующее: бланк состоит из трех склеенных между собой листов, внутренний лист содержит имитированное изображение водяного знака, выполненное с помощью лазерного печатающего устройства; имеется несовпадение по насыщенности тонов и оттенку используемой цветовой гаммы линий защитной сетки, несовпадение рисунка линий защитной сетки; расположенное в правом верхнем углу изображение герба государства выполнено с искажением, текст внутри герба не читаем; серийный номер документа выполнен способом непрямой высокой печати (в образце серийный номер выполнен способом высокой печати). Перечисленные признаки однозначны, устойчивы и в своей совокупности позволяют сделать вывод о том, что исследуемый бланк идентификационной карты Королевства Бельгии выполнен с применением полиграфического оборудования, но не предприятием, осуществляющим выпуск продукции данного вида.

Наиболее часто на исследование поступают документы с признаками частичной подделки. Объясняется это тем, что внести изменение в подлинный документ значительно проще, чем изготавливать его целиком. Такие изменения вносятся путем подчистки, дописки, травления (смывания), замены фотокарточки (фотоизображения), замены частей документа, подделки оттиска печати или штампа, технической подделки подписи.

Поскольку почти все документы, удостоверяющие личность, содержат фотокарточку (фотоизображение), то простейший для поддельвателя способ изменить данные – произвести замену фотокарточки (фотоизображения) владельца документа на фотокарточку (фотоизображение) предъявителя. Это самый распространенный способ подделки.

Замена фотокарточки сводится к удалению первоначальной фотокарточки владельца документа путем отклеивания ее от листа-бланка и помещению на ее место другой фотокарточки.

При обнаружении признаков, свидетельствующих о замене, необходимо подробно изучить установочные данные. Они могут либо не соответствовать предъявителю (например, различие в возрасте лица на фотокарточке и в установочных данных в графе «Год рождения», несоответствие пола, национальной или расовой принадлежности и др.), либо быть скорректированы способом подчистки, травления, смывания, возможно, с дальнейшей дорисовкой, допечаткой.

Крайне важно при проведении исследования документа определить, была ли фотокарточка заменена и на ее месте находится другая фотокарточка или имела место переклейка одной и той же фотокарточки. Неправильно сформированный экспертом вывод может серьезно повлиять на дальнейший ход следствия (например, при решении вопроса о том, существует ли состав преступления в действиях лица, подозреваемого в подделке документа).

Например, при исследовании страницы с установочными данными паспорта Республики Грузии было выявлено следующее: сдвоенность штрихов рисунка по ламинату (рисунок УФ-защиты) в области визуального контроля; наличие линий подрезов ламинирующей пленки по периметру фотокарточки; выявлен второй слой ламинирующей пленки, перекрывающий первичную ламинирующую пленку по верхнему краю на 3 мм. Для дальнейшего исследования фотокарточка была отделена от листа-бланка. При сопоставлении штрихов знаков рукописных текстов и фрагментов бумаги (по взаимному расположению и по форме) на оборотной стороне фотокарточки и листе-бланке под фотокарточкой, а также на основе совокупности всех перечисленных признаков можно сделать вывод о том, что в документе произведена переклейка фотокарточки.

Сегодня большое количество государств переходят от традиционных клеиваемых фотокарточек к интегрируемым фотоизображениям (в паспорте Республики Беларусь фотоизображение интегрируется с помощью принтера). При исследовании таких документов важно проводить сравнение с образцом, так как несоответствие способа внесения фотоизображения может свидетельствовать о его замене. Осмотр производится с помощью лупы или микроскопа для обнаружения признаков повреждения бланка документа в области расположения фотоизображения.

Распространенный случай, когда подделыватель заменяет всю страницу с установочными данными, а иногда и оборотную страницу (т. е. заменяется весь лист-бланк).

Например, при исследовании страницы с установочными данными паспорта Республики Азербайджан было выявлено следующее: нали-

чие линии разреза пленочного кармана по верхнему краю у корешка документа; несовпадение по насыщенности тонов и оттенку используемой цветовой гаммы линий защитной сетки страницы с установочными данными и остальных страниц паспорта; линии защитной сетки, текст названия граф персонализации состоят из хаотично расположенных точек неправильной формы пурпурного, голубого, желтого и черного цветов, т. е. выполнены с помощью капельно-струйного принтера; в УФ-лучах бумага-основа страницы с установочными данными люминесцирует ярко-голубым цветом. Перечисленные признаки однозначны, устойчивы и в своей совокупности позволяют сделать вывод о том, что страница с установочными данными была полностью заменена.

Изменения могут вноситься в штрихи знаков печатного и рукописного текстов на странице с установочными данными, в текст заполнения и машиносчитываемую зону. На остальных страницах документа изменяются данные паспортно-визовой службы, информация о детях и т. д. Штрихи могут удаляться механически (подчистка) либо химически (травление, смывание). Поверх удаленных штрихов, как правило, наносятся новые (дописка, дорисовка, допечатка знаков).

Исследование листов-бланков проводится на предмет их замены листами из другого паспортного блока либо листами с имитированными защитными средствами. В этом случае производится исследование нити сшива документа (шаг стежка, цвет нити, люминесценция нити в УФ-лучах) на предмет расшивки документа, сравнение с остальными страницами документа в комплексе средств технологической, полиграфической и физико-химической защиты.

При подделке документа преступнику бывает крайне сложно качественно симитировать некоторые защитные элементы или их свойства. Поэтому подделыватель прибегает к монтажу частей документа. Из подлинного бланка вырезаются фрагменты защитных элементов (средств защиты) и вклеиваются в будущий поддельный документ. Вклеенными могут быть фрагменты, выполненные способом высокой и глубокой печати, фрагменты серийного номера бланка, голографические элементы защиты, рисунки, выполненные OVI-краской, фрагменты рисунков по ламинату. Основными признаками в этом случае будут наличие линий подрезов по краям фрагментов, отставание фрагмента от бланка, нарушение позиционирования фрагмента относительно остальных реквизитов бланка.

О МЕРАХ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ОТКЛОНЕНИЯ В ПСИХИКЕ

Одним из наиболее значимых источников доказательственной информации по уголовным делам являются достоверные показания подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей.

Основными причинами недостоверности показаний названных лиц являются заведомая ложность показаний, нарушение процесса формирования показаний на различных его этапах. Такими этапами являются ощущение и восприятие объектов и явлений, связанных с событием преступления, осмысление воспринятой информации, фиксация ее в памяти и воспроизведение этой информации в процессе допроса.

На каждом из этих этапов на психическую деятельность человека могут действовать факторы внешнего и внутреннего порядка, нарушающие названный выше процесс и имеющие своим результатом недостоверные показания, которые при этом будут правдивыми.

Внешними факторами могут быть внезапность и скоротечность конкретного явления, погодные условия, удаленность воспринимаемых объектов и т. д. Факторами внутреннего порядка являются психические расстройства (заболевания), отклонения психики, не достигшие психотического (болезненного) уровня, а также непатологические психические состояния, препятствующие восприятию, осмыслению, запоминанию и воспроизведению информации о событиях, имеющих значение для расследования.

Установление наличия названных факторов и степени их влияния на процесс формирования показаний является задачей следователя.

Наличие факторов внутреннего порядка следователь выявляет, анализируя имеющуюся информацию об особенностях поведения лица в ходе криминального события, иных событий в его жизни, а также по результатам собственных наблюдений при проведении процессуальных действий с его участием.

В случае установления таких факторов следователь в соответствии со ст. 228 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь обязан назначить судебно-психиатрическую, судебно-психологическую либо комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, основной задачей которой будет установление способности подэкспертного по его психическому состоянию воспринимать обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела, и давать о них показания.

При этом во многих случаях возникает необходимость срочно провести допрос (до экспертизы). Проведение экспертизы после допроса может не позволить решить названную задачу, поскольку психическое состояние лица на допросе и в ходе экспертизы может быть с учетом особенностей течения психического расстройства совершенно различным. И даже в случае проведения экспертизы до допроса при наличии временного расстройства психической деятельности эксперту сложно точно спрогнозировать его дальнейшее течение, предсказать, позволит ли оно подэкспертному давать достоверные показания на предстоящих допросах, поскольку оно зависит от многих факторов, которые заранее предвидеть невозможно.

В этой ситуации следователи нередко занимают ошибочную позицию и отказываются от проведения следственных действий (в том числе допросов) с участием таких лиц, не видя перспективы для признания их показаний достоверными. Между тем даже наличие выраженного психического расстройства далеко не всегда лишает человека способности давать достоверные показания, особенно если нарушения психической деятельности охватывают преимущественно эмоциональную и волевую сферу, а сфера мышления относительно сохранена.

Выходом из данной ситуации является следующий алгоритм действий следователя:

- анализ информации о психическом состоянии лица: на момент криминального события, иных событий в жизни лица, на момент общения следователя с лицом и решения вопроса о проведении допроса;

- консультация с лицом, сведущим в судебной психиатрии и (или) психологии, о возможности проведения допроса и оптимальной тактике его проведения, а также решение вопроса о целесообразности привлечения к участию в допросе специалиста психиатра и (или) психолога;

- обязательная фиксация хода и результатов допроса (помимо составления протокола) посредством видеозаписи. Содержание видеофонограммы допроса, являющейся приложением к протоколу следственного действия, впоследствии может стать объектом судебно-психиатрического (комплексного психолого-психиатрического) экспертного исследования, в ходе которого у эксперта-психиатра и (или) эксперта-психолога будет возможность оценить психическое состояние лица именно в период дачи им показаний и установить его способность давать достоверные показания.

Существующие ныне возможности оснащения следственных подразделений современными средствами видеозаписи и актуальные потребности правоохранительной практики вызывают необходимость закрепить обязанность (а не право) следователей фиксировать ход и результаты

следственных действий посредством видеозаписи. В настоящее время для такого проведения допроса не существует ни технических, ни организационных препятствий. Это касается не только допроса или очной ставки как его разновидности, но и иных следственных действий, имеющих элементы допроса: предъявления для опознания, проверки показаний на месте. Имеющиеся доводы отдельных представителей правоохранительных органов о трудоемкости, непомерной сложности, невыполнимости таких условий являются надуманными и выражают их стремление оставить за собой возможность беспрепятственно нарушать требования закона и получать не столько достоверные, сколько нужные (с учетом собственных соображений) показания.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что названный алгоритм действий следователя в отношении лиц рассматриваемой категории имел место лишь в единичных случаях. В этом плане следственная практика в Республике Беларусь отстает от следственной практики в развитых зарубежных государствах.

УДК 343.98

М.В. Галезник

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.И. ПОРУБОВА

Человечеством накоплен огромный запас разнообразных знаний о природе, обществе, самом человеке. Эти знания хранятся на бумажных, электронных и иных носителях информации. Например, электронные ресурсы дают возможность получить фактически любую информацию: публикации по интересующей теме, рекомендации специалистов и др. Однако только изучение теоретического материала из учебных и научных изданий или лучших рекомендаций по его применению на практике не сделает вас специалистом, авторитетом в избранной сфере. Это только одна из ступеней на пути к достижению цели. Владеть полным объемом информации о том, что было и происходит в отрасли; видеть перспективы ее развития в будущем; уметь взаимодействовать; сохранять и передавать свои знания, опыт – вот те ступени, которые необходимо преодолеть, чтобы достичь поставленной цели.

Человек, ставший авторитетом, формирует представление о конкретной профессии, научной сфере, учебном заведении, городе и даже стране. Его труд (публикации, доклады на конференциях, беседы, лекции, семинары и т. д.) может изменить жизненные цели и приоритеты людей, повлиять на выбор профессии.

Примером такого человека являлся доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь Н.И. Порубов – ученый, оратор, руководитель, педагог, наставник, офицер.

Н.И. Порубов являлся носителем огромного педагогического опыта в сфере юридических дисциплин. Практическая работа в органах внутренних дел и умелое использование примеров из практики при обучении курсантов и слушателей повлияли на выбор темы при изучении педагогического опыта профессора. Так, в 2012/2013 учебном году на кафедре криминалистики Академии МВД Республики Беларусь прошло изучение передового практического опыта по теме: «Разработка приемов обучения, основанных на примерах из практического опыта профессора кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н.И. Порубова».

Работа по изучению передового опыта позволила прийти к выводу, что в педагогических науках активно разрабатывается метод использования личного примера преподавателя в обучении и воспитании. Однако пример из опыта практической работы как прием или метод обучения пока не является результатом научных исследований в педагогике.

На основе анализа содержания научно-методической и учебно-методической работы определены конкретные примеры из опыта практической работы Н.И. Порубова, значимые для процесса изучения юридических дисциплин, изучены ситуации, в которых применяются практико-ориентированные примеры: примеры расшифровывают и раскрывают содержание теоретических положений; теоретические положения вытекают из примеров; требуется продемонстрировать теоретические положения из разных разделов в единой связи (в одной следственной ситуации); требуется указать на обязательность запоминания значимого теоретического материала (примеры правильных и ошибочных тактических решений); необходимо показать тактическую и процессуальную грамотность и безграмотность; примеры закрепляют изложенные теоретические положения.

Результаты посещения занятий, проводимых Н.И. Порубовым, позволили определить, в каких целях регулярно используются примеры из опыта практической работы: обозначение актуальности темы; активизация внимания обучающихся в начале и середине занятия; образное восприятие события, следственной ситуации; иллюстрация теоретических положений темы; самостоятельное размышление над возможными вариантами развития дальнейших событий в примере (следственной ситуации); демонстрация значимости тактически грамотного решения при проведении следственных действий; назидание и т. д.

Изучение научно-исследовательской, учебно-методической и педагогической деятельности профессора Н.И. Порубова позволило разра-

ботать научный инструментарий по использованию в образовательном процессе примеров из опыта практической работы. В частности, определена классификация примеров из опыта практической работы, разработаны критерии оценки примеров, выявлены правила и способы реализации практических примеров, определены случаи, в которых опасно приводить такие примеры.

Следует отметить, что научное направление «Примеры из опыта практической работы в обучении (в образовательном процессе)» является многогранным, познавательным и неисчерпаемым, так как каждый педагог (носитель педагогического опыта) индивидуален.

УДК 343.9

Г.В. Глинский

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДЛИННЫХ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК

Банковская платежная карточка, являясь простым, удобным и надежным платежным инструментом, альтернативой наличным деньгам, устойчиво и прочно вошла в повседневную жизнь белоруса. С развитием банковской системы в Республике Беларусь расширялись и возможности, предоставляемые сферой безналичных платежей. Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества использования банковской карточки, в руках злоумышленника указанный платежный инструмент либо его реквизиты становятся средством достижения преступной цели.

Расследование хищений, совершенных с использованием банковских платежных карточек, по различным причинам выбывших из пользования их законных держателей, должно быть четко и грамотно организовано именно на первоначальном этапе, поскольку преступления данной категории совершаются в компьютерных системах, где и находят свое отражение в виде информационных следов, которые часто в связи с небольшим сроком их хранения сложно обнаружить и зафиксировать.

С этой целью непосредственно после получения и регистрации информации о совершенном хищении денежных средств заявителя с его текущего (расчетного) счета необходимо выяснить место и время выбытия банковской платежной карточки из законного владения (хищение, утеря, оставление карточки в банкомате), а также место, время и способ совершения хищения денежных средств. Таким образом, по

делам данной категории осмотру подлежат как минимум два места происшествия – место выбытия банковской карточки (квартира, участок местности и т. д.) и место хищения денежных средств с использованием данной карточки (банкомат, инфокиоск, торговый зал предприятия торговли или сервиса и т. д.).

Способ, место и время хищения денежных средств устанавливаются путем направления соответствующего постановления, санкционированного надзирающим прокурором, в банк-эмитент, т. е. в головное банковское учреждение, выдавшее карточку владельцу и осуществляющее ее обслуживание, либо в соответствующий процессинговый центр. Полученные банковские сведения будут содержать информацию о дате, времени и способе хищения денежных средств, точной сумме, коде валюты, а главное, иных транзакциях, совершенных с использованием представляющей следственный интерес банковской карточки. Аналогичные сведения, полученные в местном региональном отделении банковского учреждения, могут не отражать всей картины произошедшего. Например, противоправная транзакция была осуществлена в другой местности либо сведения о ее совершении на момент направления запроса еще не были обработаны в процессинговом центре.

После установления банкомата либо электронного торгового терминала, посредством которых было совершено хищение денежных средств, в срочном порядке ввиду малого срока хранения информации необходимо запросить данные видеонаблюдения, полученные с камер наблюдения и фиксации, интегрированных в банкоматы, а также с камер, расположенных в помещениях (торговых залах) предприятий торговли или сервиса, за представляющий следственный интерес период времени. Указанные запросы направляются в областные или региональные отделения банковских учреждений, непосредственно обслуживающие данные банкоматы, т. е. в банки-эквайеры.

Полученная видеозапись помимо изображения преступника содержит информацию о лог-файлах компьютерной системы банкомата, т. е. непосредственно в самой видеозаписи отображаются сведения о номере банковской карточки, посредством которой совершены конкретные транзакции (получение наличных, просмотр остатка, запрос суммы и т. д.), дата, время и номер устройства. Если запись органу уголовного преследования предоставлена на ином электронном носителе информации, то ее нужно переписать на оптический диск, сделать соответствующую пометку в протоколе осмотра предметов (документов) и хранить с материалами уголовного дела в качестве вещественного доказательства.

Допросив в качестве свидетеля компетентного работника банковского учреждения, необходимо выяснить, соответствуют ли настроенные дата и время банкомата фактическим.

Изображение лица, совершившего преступление, полученное в ходе просмотра данных видеонаблюдения, должно быть распечатано на отдельном листе с целью предъявления для опознания, а также ориентирования сотрудников органов внутренних дел и общественности. В ходе допросов потерпевшего, его родственников, а также работников предприятия торговли или сервиса в обязательном порядке необходимо выяснить, знаком ли им изображенный на фотографии человек. Часто преступником является лицо из числа родственников или знакомых законного держателя карточки, имеющих прямой доступ к ней.

В случае хищения денежных средств с использованием банковской платежной карточки при осуществлении расчета за приобретаемый товар в предприятиях торговли или сервиса кроме данных видеонаблюдения обязательно изъятию подлежат карт-чеки, соответствующие проведенным противоправным безналичным платежам. В чеках содержатся сведения о дате, времени и месте совершенной транзакции, сумме покупки, номере банковской платежной карточки, номере электронного устройства (терминала), часто данные продавца или кассира, осуществившего расчет с покупателем. При условии, что транзакция проводилась без введения пин-кода, на чеках может быть učinена личная подпись злоумышленника либо произведено подражание подписи законного владельца, по которым последнего можно будет идентифицировать.

Не лишним будет получение информации о проведении транзакций через интересующий следствие банкомат в период до и после проведения противоправных транзакций. Бывали случаи, когда лица, находившиеся в очереди к банкомату, после обнаружения оставленной карточки совершали противоправные транзакции с ее использованием и затем помещали в банкомат свою банковскую платежную карточку. И наоборот, совершив транзакции с использованием своей банковской платежной карточки, данные лица совершали хищение денежных средств с использованием чужой. Такая информация должна быть получена путем направления постановления (запроса), санкционированного надзирающим прокурором, в банк-эквайер, а затем после получения сведений о принадлежности карточки к банковскому учреждению — в соответствующий банк-эмитент. Указанные лица в ходе следствия должны быть обязательно установлены и допрошены в качестве свидетелей. Полученный в ходе просмотра видеозаписи портрет преступника можно отождествить с внешностью допрашиваемого лица и сделать вывод об их схожести. В сложных случаях (например, преступник поясняет, что на видео изображен не он, а кто-то другой) целесообразным будет провести портретную экспертизу.

В обязательном порядке необходимо принять меры к обнаружению и изъятию банковской платежной карточки, с использованием которой

были осуществлены противоправные транзакции. Помимо содержащейся в ней электронной информации сама карточка является предметом преступления, а следовательно, на ней могут сохраниться и следы преступления, такие как отпечатки пальцев рук, ладоней, биологические следы и т. д.

Допрос потерпевшего, свидетелей, обыск, выемка и иные следственные действия по делам данной категории производятся без каких-либо существенных особенностей.

УДК 343.98

Е.Ю. Горошко, Н.В. Якимович

О РОЛИ ГРАФОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЧЕРКОВЕДЕНИИ

Одним из приоритетных направлений деятельности государства является эффективная борьба с преступностью, искоренение причин, ее обуславливающих, охрана прав и свобод личности. В обеспечении и укреплении законности и правопорядка действенную помощь правоохранительным органам оказывают судебно-экспертные учреждения, где, в частности, проводится судебно-почерковедческая экспертиза. Среди задач, разрешаемых при ее проведении, выделяется установление индивидуально-личностных характеристик исполнителя рукописного документа.

Определение взаимосвязи между признаками почерка и психологическими особенностями личности исполнителя документа – одна из самых запутанных, сложных и неоднозначно интерпретируемых проблем, находящаяся на стыке судебного почерковедения и дифференциальной психологии, которой относительно судебной экспертизы занимается графология.

Графология изучает физиологическую и одновременно психическую динамику, порождающую определенный жест, а также выявляет закономерности оценки тех характерных изменений этого жеста, которые возникают, когда человек пытается умышленно изменить свой почерк или подстроиться под почерк другого лица.

Графология является проективным методом исследования, обуславливает не только специфические требования к его использованию, но и его ценность. У каждого индивида складываются свои навыки письма, изменить которые до неузнаваемости очень сложно. К тому же опытный графолог всегда обнаружит старания кандидата исказить свой настоя-

ций почерк и в любом случае сможет сделать вывод об особенностях его характера. Все это, несомненно, обуславливает объективную необходимость существования и развития графологического анализа. И если наша страна и дальше будет развиваться в том же направлении, что и западные страны, в ближайшее время востребованность графологической экспертизы возрастет до того же уровня, что и за рубежом.

В настоящее время в следственно-судебной практике использование методов психолого-почерковедческого (графологического) анализа может оказаться полезным при установлении мотивов совершения преступного деяния, при разрешении вопроса о причастности конкретного человека к событию преступления, при изучении свойств личности в момент совершения инкриминируемого деяния (если выполнение рукописи связано с расследуемым событием), при экспресс-диагностике психологических свойств личности подсудимого, обвиняемого, свидетеля, при исследовании подложных и сомнительных документов как доказательств в ходе расследования преступлений.

Полагаем, что в судебно-почерковедческой экспертизе графологический метод может найти применение на одной из стадий идентификационного исследования для сужения круга предполагаемых исполнителей, если, например, идентификационная задача решена в отношении конкретного лица в отрицательной форме. Данные, полученные в ходе психолого-почерковедческого исследования, могут играть значительную роль в качестве дополнительной информации при решении задач, касающихся пределов возможностей исполнителя изменять свой почерк или подражать почерку другого лица, что необходимо в сложных случаях исследования – при дефиците полезной и однозначно интерпретируемой информации, а также при решении идентификационных и диагностических задач в вероятной форме.

Набор отдельных черт личности, которые можно установить, пользуясь графологическими таблицами признаков, является всего лишь промежуточным этапом на пути к конечной цели – цельному и непротиворечивому психологическому портрету исследуемой личности.

Безусловно, требуется время, чтобы графологический анализ нашел свое место среди других методов использования специальных знаний в борьбе с преступностью и работе по обеспечению безопасности государства в целом. Внедрение графологии в практику работы правоохранительных органов предопределяет необходимость целенаправленной подготовки специалистов-графологов, которые могли бы проводить психолого-почерковедческие исследования на качественно высоком уровне независимо от того, кто является инициатором их проведения. Методика данного вида исследований отличается сложностью, а дос-

товерность вывода графолога (как и при проведении почерковедческой экспертизы) напрямую зависит от его квалификации. Вместе с тем морально-психологические качества личности графолога должны соответствовать высокому уровню его профессиональных знаний и умений, ведь от честности, принципиальности, настойчивости специалиста во многом зависит результативность использования метода.

В настоящее время в Республике Беларусь подготовка графологов не ведется. Между тем графологию преподают в девяти германских университетах, в том числе в Гамбурге и Мюнхене, где с 1959 г. введен государственный экзамен по графологии. Курсы читаются в Сорбонне (Франция), университетах Цюриха, Берна (Швейцария), Нью-Йоркском университете. Графологи разных стран регулярно собираются на съезды, существует Международное графологическое консультационное агентство.

Таким образом, графология представляется перспективным и объективно необходимым направлением современного судебного почерковедения, которое позволяет эффективно решать диагностические задачи экспертизы.

УДК 343.72

О.А. Гребень

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ

Одним из надежных путей улучшения раскрываемости мошенничества в настоящее время является внедрение современных достижений науки и техники. Важным средством получения доказательств по делам о мошенничествах являются экспертизы. Однако анализ практики расследования мошенничества показал, что они назначаются крайне редко, и одной из причин этого является незнание следователей о всех возможностях и видах экспертиз, которые могут проводиться по делам данной категории. С учетом этого необходимо уделить внимание характерным экспертизам и показать возможности каждой. По делам о мошенничестве чаще других назначаются следующие экспертизы: технико-криминалистическая экспертиза документов, дактилоскопическая, товароведческая, трасологическая, химическая.

При расследовании мошенничества наиболее часто возникает необходимость в технико-криминалистической экспертизе документов. Мошенники иногда оставляют в руках потерпевших различные расписки, записи, которые используются для идентификации личности по

почерку. Преступники часто используют поддельные документы, удостоверения и другие документы. В этих случаях экспертиза назначается для установления способа подделки документов, восстановления их первоначального содержания. Также объекты для исследования указанной экспертизы могут быть изъяты в ходе личного обыска и обыска по месту жительства.

С помощью дактилоскопической экспертизы можно установить, находилось ли лицо в определенном месте и оставило ли свои следы либо держало ли в руках орудия совершения мошенничества: карты, деньги, вещи, поддельные ювелирные знаки.

По делам о мошенничестве часто проводится товароведческая экспертиза, которая решает вопрос о том, по каким признакам отличается подделка от предмета, изготовленного по утвержденным стандартам, какова их действительная цена на определенный период времени. Таким образом, данная экспертиза с помощью специальных знаний позволяет исследовать товарные (потребительские) свойства изделий с целью определения фактического качества продукции (изделий).

Трасологическая экспертиза, с помощью которой решается вопрос об установлении целого по его частям, назначается в случаях, когда у подозреваемого изымается материал (ткань, бумага и т. п.), аналогичный тому, который использован мошенником для изготовления «куклы» или в качестве оберточного материала. Проведя исследование по линии разрыва или разреза, эксперт может ответить на вопрос, не составлял ли ранее материал, изъятый у подозреваемого, единое целое с материалом, из которого сделана «кукла» или который использован мошенником для завертывания предмета, переданного потерпевшему. Экспертиза для установления целого по частям проводится также в случае, когда у потерпевшего остается часть предмета, переданного им мошеннику. В таком случае на исследование направляются предмет, изъятый у подозреваемого, и часть этого предмета, оставшаяся у потерпевшего.

Для определения художественной, исторической ценности предметов, вещей и изделий изобразительного искусства и решения других вопросов, связанных с временем их изготовления, подлинностью, проводится искусствоведческая экспертиза.

При необходимости установления технологии производства ювелирных изделий назначается технологическая экспертиза.

Помимо указанных экспертиз могут быть проведены также физико-химическая (для установления химического состава изделия), минералогическая (для установления подлинности драгоценного камня), техническая (для определения способа изготовления клейма и других приспособлений).

Анализ возможностей различных экспертиз показывает, что с помощью экспертов и специалистов имеется возможность установить

важные факты, которые без их участия выявить чрезвычайно трудно, а иногда невозможно.

Эффективность производства экспертизы во многом зависит от правильного выбора следователем времени ее назначения и умения правильно сформулировать вопросы эксперту. Неправильным является подход отдельных следователей к назначению экспертиз, который заключается в переписывании всех вопросов, указанных в методических рекомендациях. При постановке вопросов необходимо учитывать обстоятельства конкретной следственной ситуации.

Следователь, приняв решение о необходимости проведения экспертного исследования, должен разъяснить мошеннику причину назначения экспертизы, содержание исследования, доказательственную силу заключения в целях обеспечения процессуальных прав обвиняемого (подозреваемого), поддержания оптимальной психологической атмосферы, необходимой для проведения данного следственного действия. Назначение судебной экспертизы, ее результаты, как правило, оказывают сильное психологическое воздействие на подозреваемого (обвиняемого). В результате он нередко начинает давать правдивые показания.

В заключение отметим, что одной из актуальных проблем при расследовании мошенничеств является незнание следователями всех возможностей и видов экспертиз, что препятствует качественному производству предварительного расследования. Эффективное применение специальных познаний и назначение экспертиз при раскрытии и расследовании мошенничеств являются гарантией успешной деятельности правоохранительных органов.

УДК 343.98

В.Л. Григорович

ПРИМЕНЕНИЕ ГОЛОГРАФИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистическая голография – это раздел криминалистической техники, изучающий закономерности использования голографии для решения задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Криминалистическая голография гарантирует наиболее полную реализацию принципов объективного фиксирования следов преступления и предметов, попавших в сферу криминальной деятельности, а также наглядности и непосредственности их восприятия в процессе предварительного и судебного следствия.

Получение изображений объектов – далеко не главное и не единственное направление голографии. Ее можно использовать для измере-

ния геометрических размеров следов. Это особенно актуально, когда обмер реальных объектов затруднен или невозможен, например при экспертизе рельефа следов скольжения. В данном случае полезны способы анализа профиля поверхности объекта, вибрирующей диафрагмы, определения пространственного положения восстановленной точки.

Применение голографии наиболее перспективно при анализе следов удара и давления (отжима), сопоставляемых с рабочими поверхностями проверяемых орудий взлома. Она целесообразна в первую очередь там, где необходимо создание стерео- и псевдостереоэффекта, например при исследовании отпечатка бойка на капсуле гильзы. В качестве надежных идентификационных признаков могут фигурировать макроскопические и микроскопические особенности, в частности незначительные отклонения продольной оси бойка, асферичность его поверхности, координатные характеристики рельефа и др. Важной задачей фототехнической экспертизы является точное установление пространственного положения восстановленных по голограммам точек и расстояний между ними, например при установлении по представленным следователем фотоснимкам механизма и пространственно-временных характеристик дорожно-транспортного происшествия.

Восстановление по голограмме точной копии волнового поля, рассеянного объектом, может использоваться для анализа состояния последнего. В этом аспекте голография является уникальным инструментом, поскольку позволяет сопоставить световые волны, зарегистрированные в разные моменты времени, а также запечатленную на голограмме и рассеянную самим объектом. Интерференция этих волн, разделенных неким промежутком времени, позволяет проанализировать состояние объекта, его деформацию и др. Это делается посредством голографической интерферометрии, которая в отличие от оптической, позволяющей исследовать только полированные предметы, дает возможность анализировать многочисленные криминалистические объекты с шероховатой поверхностью.

Если на одной светочувствительной пластинке дважды зарегистрировать голограмму и между экспозициями немного изменить положение или форму объекта, например нагреть его, то после проявления такой дважды экспонированной фотопластинки на ней будут запечатлены оба изображения объекта в его разных состояниях.

При восстановлении голограмму устанавливают так, чтобы опорный луч падал на нее примерно под тем же углом, что и во время регистрации интерференционной картины. Часть волнового фронта при этом отклоняется, формируя по обе стороны фотослоя два новых световых фронта, один из которых представляет собой точную копию первичного светового потока, отраженного запечатлеваемым предметом.

Интерференция двух волн оказывается существенной, т. е. отличающейся настолько, что позволяет обнаружить изменения даже в том случае, если один и тот же предмет в промежутке между двумя экспозициями деформировался очень слабо. Так, с помощью голографии удастся выявить невидимые следы, оставленные ногами (обувью) преступника на напольных покрытиях. После того как по ковру или другой толстой ткани, устилающей пол, прошел человек, на поверхности остаются совершенно неразличимые вмятины – следы ног. Они очень медленно восстанавливаются (заплывают) по мере того, как волокна ткани или ворсинки ковра распрямляются. Если в это время на одну и ту же светочувствительную пластинку с небольшим интервалом зарегистрировать две голограммы обследуемого участка пола, то запечатленными окажутся те ничтожные различия, которые образовались в результате распрямления волокон или ворсинок. Для этих целей разработана переносная голографическая камера на рубиновом квантовом генераторе, которая уже используется в зарубежной криминалистической практике. При голографировании быстротекающих, например взрывных, процессов нужны очень короткие выдержки, поэтому здесь используются специальные установки с импульсным рубиновым лазером.

Положительные результаты применения голографии в различных областях науки и техники и проведенные исследования являются одним из факторов, предопределяющих возможность ее использования в следственной и экспертной работе. Нет сомнений в том, что с дальнейшим развитием голографии будут разработаны и внедрены в практику и другие ее методы и средства, позволяющие значительно усовершенствовать не только фиксацию и исследование следов и вещественных доказательств, но и деятельность, направленную на предотвращение преступных посягательств.

УДК 343.985.7

С.В. Гусаков

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВУ

Борьба с фальшивомонетничеством является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем уровень раскрываемости этих преступлений остается низким. Совершенствование информационного обеспечения противодействия фальшивомонетничеству является важной задачей для повышения качества процесса раскрытия и расследования данного криминального деяния.

Информационная неопределенность, характерная для первоначального этапа расследования фальшивомонетничества, выраженная как в неполноте криминалистически значимой информации, так и в обилии разрозненной, порой противоречивой информации, негативно влияет на качество принимаемых тактических решений. Чаще всего источниками доказательственной и ориентирующей информации при раскрытии и расследовании фальшивомонетничества являются заявления граждан, сообщения должностных лиц государственных органов и иных организаций, результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, криминалистических исследований и технико-криминалистических экспертиз, данные криминалистических и иных учетов, показания участников уголовного процесса, уголовные дела и материалы об отказе в возбуждении уголовных дел. Представляется, что в дальнейшем указанные сведения необходимо анализировать, систематизировать и сопоставлять с другими дополнительными данными для получения законченной информационной продукции, необходимой для раскрытия и расследования преступлений.

В криминалистике и других областях знаний указанные вопросы рассматриваются в рамках информационного обеспечения, которое можно обозначить как системную деятельность правоохранительных органов по выявлению, обработке и предоставлению криминалистически значимой информации с использованием современных достижений науки и техники, направленную на создание условий для раскрытия и расследования преступлений.

Совершенствование информационного обеспечения противодействия фальшивомонетничеству состоит прежде всего в своевременном и максимальном пополнении банков данных актуальной и достоверной информацией об обстоятельствах совершенных преступлений, а также в создании и внедрении программных продуктов, позволяющих решать задачи по обработке имеющихся сведений, их анализу и созданию новой криминалистически значимой информации, необходимой для принятия оптимальных в данной следственной ситуации тактических решений.

С 2004 г. в органах внутренних дел Республики Беларусь функционирует автоматизированная информационная система учета данных об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денежных знаков, которая предназначена для оперативного ввода информации о фактах сбыта (приобретения) поддельных денежных знаков на территории нашей республики и причастных к ним лицах, ее хранения, систематизации, обработки и анализа, формирования отчетов и получения необходимых сведений. Система позволяет оперативно вести поиск и анализ дополнительных источников информации в виде схожих уголовных дел по различным критериям.

Вместе с тем информационное обеспечение раскрытия и расследования фальшивомонетничества состоит в том, чтобы из всей совокупности информации отобрать только те сведения, которые необходимы и достаточны для решения задач по установлению лица, совершившего преступление, и получению доказательств его вины. Данная деятельность не просто сбор информации, но ее исследование и познание. Однако анализ уголовных дел и материалов оперативного учета, связанных с фальшивомонетничеством, показывает, что значительная часть информации поступает несвоевременно, а имеющаяся в ходе расследования часто не используется. Нередко практические работники плохо представляют, как организовать работу по сбору и анализу необходимых сведений, на какие взаимосвязи и закономерности обратить особое внимание. В ходе раскрытия и расследования фактов фальшивомонетничества большие информационные массивы часто не поддаются ручной обработке, поиск неявных связей между лицами и обстоятельствами совершенных преступлений является трудоемкой задачей.

В решении данных проблем могут оказать помощь системы искусственного интеллекта, способные накапливать опыт и генерировать новые знания. В числе основных направлений функционирования этих систем можно выделить следующие: анализ информации (по эпизодам, объектам, лицам, времени, месту совершения преступлений, типу доказательств) по одному уголовному делу; анализ информации по группе однородных уголовных дел (в том числе приостановленных), выявление связей между отдельными преступлениями, анализ всей совокупности информации, выявление ранее не установленных закономерностей; получение нового знания и разработка рекомендаций по принятию тактических решений.

Вместе с тем применение технологий, основанных на использовании методов искусственного интеллекта, не означает, что сотрудники становятся бездумными исполнителями решений, принимаемых компьютером. Во-первых, искусственный интеллект – это обобщенный положительный опыт деятельности людей, а во-вторых, речь идет о рекомендациях, которые не носят обязательного характера.

Таким образом, совершенствование информационного обеспечения противодействия фальшивомонетничеству состоит не только в максимальном накоплении ориентирующей и доказательственной информации, но и в ее целенаправленной обработке, систематизации и анализе с использованием современных технических средств и технологий, позволяющих эффективно использовать полученные знания при подготовке и проведении дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, принятии верных тактических решений.

**ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ,
ДОПУСКАЕМЫЕ СОТРУДНИКАМИ МИЛИЦИИ
ПРИ ОСМОТРЕ ТРУПА НА МЕСТЕ ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ
(МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ)**

Исследование трупа с применением судебно-медицинских знаний осуществляется при осмотре трупа на месте его обнаружения (месте происшествия) и в последующем при проведении судебно-медицинской экспертизы. Осмотр трупа на месте его обнаружения является составной частью осмотра места происшествия, производится следователем с участием врача – специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия – иного врача. Врач – специалист в области судебной медицины (либо врач иной специальности) осуществляет работу под руководством следователя, оказывает необходимую помощь в постановке и решении задач осмотра, назначении судебно-медицинской экспертизы трупа. Однако на практике (чаще всего в районных и межрайонных отделах областных управлений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь) специалист в области судебной медицины далеко не всегда принимает участие в осмотре трупа на месте происшествия.

После поступления в оперативно-дежурную службу органа внутренних дел сообщения граждан об обнаружении трупа на место выезжает оперативный уполномоченный либо участковый инспектор милиции, который должен самостоятельно принять решение о том, необходимо ли проведение осмотра места происшествия следственно-оперативной группой с участием специалиста в области судебной медицины или вынесение постановления о назначении экспертизы трупа самим сотрудником. В подобных случаях важной составляющей частью обоснованного решения является проведение осмотра трупа на месте его обнаружения. К сожалению, как показывает практика, осмотр в подобных случаях нередко проводится поверхностно либо не проводится вовсе.

Оперативным уполномоченным и участковым инспекторам милиции следует помнить о наиболее типичных ошибках, допускаемых при осмотре трупа:

1. Не проводится констатация биологической смерти. С этой целью необходимо установить наличие трупных явлений (трупных пятен, окоченения, высыхания, охлаждения, гниения и др.), повреждений, явно не совместимых с жизнью (травматическое разделение туловища, размятие головы и др.). Необходимо подчеркнуть, что данная задача

является первоочередной, поскольку при отсутствии указанных признаков обнаруженный человек считается живым и может нуждаться в вызове скорой медицинской помощи и оказании первой медицинской помощи, которая в соответствии со ст. 23 закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» должна быть оказана сотрудником органов внутренних дел немедленно. Следует отметить, что порядок и объем реанимационных мероприятий в подобных случаях подробно изучаются курсантами Академии МВД Республики Беларусь в ходе занятий по учебной дисциплине «Основы медицинских знаний, включая профилактику СПИД и наркомании».

Известны случаи, когда отсутствие действий по констатации биологической смерти выжившим на место происшествия сотрудником приводило к «оживанию» трупов в ходе осмотра. Развитие событий подобным образом может оказать весьма серьезное негативное психоэмоциональное воздействие на окружающих и существенно снизить уровень доверия граждан к правоохранительным органам.

2. Осмотр трупа производится с грубыми нарушениями последовательности статической и динамической стадий. Начинать следует с фиксации объектов (предметов одежды, позы трупа и др.) в протоколе осмотра места происшествия и лишь после этого допускается изменение их первоначального расположения.

3. Осмотр кожных покровов для установления наличия телесных повреждений не проводится либо проводится крайне поверхностно. С этой целью необходимо аккуратно расстегнуть и приподнять предметы одежды, после чего придать им первоначальный вид и взаимное расположение.

4. Не производится аккуратного ощупывания трупа (головы, груди, конечностей) с целью установления целостности костей скелета на ощупь.

5. Нередко производится снятие предметов одежды с покойного. С целью профилактики утраты объектов, которые потенциально могут находиться на предметах одежды (частицы копоти, крови, волосы и др.), в ходе проведения осмотра допускается лишь аккуратное расстегивание и приподнимание одежды.

6. Объекты, имеющиеся на трупе, изымаются с грубыми нарушениями.

Приведенный перечень не является исчерпывающим и содержит лишь наиболее существенные ошибки, допускаемые сотрудниками милиции при осмотре трупа. Совершение подобного рода ошибочных действий отчасти может быть объяснено тем фактом, что определенная часть сотрудников уголовного розыска, участковых инспекторов милиции не имеют высшего юридического образования. Как показывает практика, выпускники Академии МВД Республики Беларусь в большинстве не допускают столь грубых ошибок при проведении осмотра

трупа, поскольку занятия по учебным дисциплинам медицинской направленности проводят представители профессорско-преподавательского состава кафедры криминалистики, имеющие не только высшее медицинское образование, но и достаточный опыт практической (клинической, экспертной) деятельности. Результатом этого является получение обучающимися в необходимом объеме знаний, выработка умений и навыков по диагностике клинической смерти, действиям при ее наступлении, способам констатации биологической смерти, правилам проведения осмотра трупа на месте его обнаружения (месте происшествия).

Таким образом, для повышения качества работы выпускников Академии МВД Республики Беларусь в процессе преподавания учебных дисциплин «Судебная медицина», «Основы медицинских знаний, включая профилактику СПИД и наркомании» следует продолжить практику рассмотрения не только правил и особенностей осмотра трупа на месте его обнаружения (месте происшествия), но и типичных ошибок, совершаемых сотрудниками милиции при проведении данного следственного действия.

УДК 343.98

А.Е. Гучок

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СХЕМА ОБЪЕКТА КРИМИНАЛИСТИКИ В АСПЕКТЕ УЧЕНИЯ О МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Система знаний об объекте любой науки составляет основу ее теории. Считается, что теория как высшая, самая развитая форма организации научных знаний должна обеспечить целостное отображение закономерностей некоторой сферы действительности. Она представляет собой знаковую модель этой сферы. В основании теории лежит взаимосогласованная сеть абстрактных объектов, определяющая ее специфику, называемая фундаментальной теоретической схемой.

Разработка теоретической схемы криминалистики сопряжена с проблемой совместимости в ее рамках моделей преступления и деятельности по его расследованию. Синтезируя модели преступления, системного окружения и деятельности по его выявлению, раскрытию и расследованию в единую теоретическую схему объекта криминалистической науки, представляется необходимым ориентироваться на ряд положений, которые обеспечат системность всего репрезентуемого в формализованном виде спектра знаний. К числу таких положений относятся:

1. Вопрос обеспечения взаимной согласованности сети абстрактных объектов, создающих основу теории, должен решаться определением единого формата синтезируемых частных моделей (схем). Таковые должны рассматриваться в русле философских традиций представления различных видов социальной (антисоциальной) деятельности.

2. Исходя из понимания теории как целостного структурированного в схемах представления о всеобщих и необходимых закономерностях объекта теории единство синтезируемых нами знаний осуществляется в форме схемы в буквальном ее понимании.

3. Известно, что парадигмальным, т. е. эталонным (образцовым), может считаться общепринятое знание, структурирующее науку, создающее ее целостность и относительную завершенность в аспекте ее методологических границ. В связи с этим применительно к выстраиваемой нами теоретической схеме криминалистики необходимо определить подходы к обеспечению определенности таких границ. Любая модель объекта познания, не отражающая детерминанты определения методологических границ науки, не способна выдержать проверку практикой. Четкое определение субъектов и объектов познания, на которые направлена познавательная деятельность в рамках синтезируемой теоретической схемы, позволяет детерминировать методологические границы в самом общем виде. Что касается рассматриваемых границ применительно к конкретным моделям исследования, то таковые должны определяться в режиме реального времени конкретными субъектами в отношении конкретных объектов и в зависимости от характера решаемых задач.

4. Теоретическая схема криминалистики призвана определить целостность всей системы поисково-познавательной деятельности, в том числе с учетом использования всего спектра специальных знаний.

С учетом данных положений модель материальной структуры преступления должна быть рассмотрена в пределах систем познавательного инструментария (методов, средств и методик познания), объединяемых в сложные технологии практического криминалистического следоведения.

В качестве субъекта познавательной деятельности при этом выступают следователь, эксперт, оперативный сотрудник. В качестве объекта познания рассматривается модель преступления в виде системы искусственных абстракций, а также некоторой совокупности реальных объектов.

Средство познания определяется конкретными субъектами в зависимости от противостоящего им в предметно-практической деятельности конкретизированного объекта и выделенного предмета исследования.

Исходя из принятой концепции моделирования различных видов социальной (антисоциальной) деятельности полагаем, что модель практического следоведения будет выглядеть следующим образом (см. рис.).

Полученная теоретическая схема рассматривается нами как исходная концептуальная модель постановки и решения научных проблем и практических задач, состоящая из знаний о материальной структуре преступления, его системном окружении, а также знаний о системе методов, средств и методик познавательной деятельности. Она формируется с учетом принципа предметной направленности их использования в отношении выделяемых объектов познания. Данный подход реализуется в отношении единой, комплексной динамической модели преступления и отдельных этапов его развития.

Разработанная схема объединяет систему моделируемых объектов, представляемых в виде частных схем (субъекты, совершающие преступление; объекты преступного посягательства; предметы преступления; связи между элементами; методы, средства, методики, субъекты познавательной деятельности и др.).

В аспекте использования рассматриваемой модели для постановки и решения научных проблем и практических задач к числу актуальных вопросов криминалистики относятся следующие:

1. Обладаем ли мы полнотой знаний об элементах материальной структуры преступления; обо всем спектре внутрисистемных и внешних связей и их свойствах; об отражениях и их особенностях, определяющих их возможность быть обнаруженными, зафиксированными, исследованными и изъятыми; о системном окружении и его характеристиках?

2. В чем конкретно состоит неполнота знаний о каждом из выделенных объектов и какие конкретно закономерности предметной области остаются вне поля криминалистических знаний, требуют их выявления, познания и трансформации в соответствующие методы?

Конкретизированные в обозначенном аспекте вопросы обеспечивают и адекватность в части конкретики ответов на них в виде нового знания, новых разработок, которые и будут отличаться актуальностью, новизной, значимостью и практической применимостью.

Таким образом, представленная модель объекта криминалистики являет собой один из вариантов репрезентации ее фундаментальной теоретической схемы. Данная схема задает общее представление о предметной области криминалистической науки и ориентирует на наиболее эффективные подходы и технологии исследования выделенного предмета, обеспечивает трансляцию в криминалистику методов иных наук посредством частных теоретических схем.

**РАСШИРИТЕЛЬНАЯ ТРАКТОВКА
ДЕФИНИЦИИ «СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ»
И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Заключение эксперта является одним из важнейших источников доказательств в уголовном и гражданском процессе. Вывод эксперта – результат экспертного исследования, которое проводится на основании специальных знаний.

Специальные знания воплощаются в соответствующей экспертной методике. От полноты ее содержания и научной обоснованности зависит правильность и степень категоричности вывода эксперта.

Заключение эксперта проверяется и оценивается по внутреннему убеждению органом уголовного преследования, судом, которые не обладают специальными знаниями. Результаты оценки заключения эксперта отражаются в приговоре. Мотивы несогласия с заключением также излагаются в приговоре (постановлении или определении о прекращении дела) либо определении (постановлении) о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

Орган уголовного преследования, суд оценивают заключение эксперта, сопоставляя полученные результаты с имеющимися в деле материалами. Оценке подвергаются не только выводы, но и исследовательская часть заключения эксперта. Сделать это невозможно без проверки правильности и точности методики экспертного исследования.

Последнее весьма проблематично для органа уголовного преследования, не обладающего специальными знаниями. Проблемы усугубляются, когда в материалах дела имеется несколько заключений экспертов с противоречивыми выводами.

В условиях постоянного совершенствования криминалистической техники и экспертных методик появляются новые объекты исследования. Под влиянием расширения потребностей судебно-следственной практики из года в год увеличивается число проводимых экспертиз и объем вложений, необходимых для эффективного функционирования экспертных учреждений.

Так, за последнее десятилетие в Республике Беларусь особенно резко возросло количество геномных, фонографических, компьютерно-технических экспертиз, требующих использования не только специальных знаний, но и новейших научно-технических средств.

Одновременное существование множества судебно-экспертных учреждений с одинаковыми функциями, финансируемых из государственного бюджета, неизбежно ведет к распылению значительных материальных ресурсов. Последнее обстоятельство стало предметом повышенного внимания со стороны органов государственного управления.

Формирование рыночной экономики в Республике Беларусь способствовало появлению частных, негосударственных учреждений, индивидуальных предпринимателей, занимающихся судебно-экспертной деятельностью.

Необходимость рационального расходования материальных средств и формирование единых подходов к решению задач субъектами судебно-экспертной деятельности обусловили централизацию государственных судебно-экспертных учреждений. Этот процесс в 2013 г. завершился созданием Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Термин «специальные знания» широко используется в юридической литературе для обозначения знаний из различных наук и сфер человеческой деятельности, применяемых для расследования преступлений, собирания и исследования доказательств.

Традиционно в мировой практике этим термином могут называться теоретические знания и практические навыки в области конкретной науки, техники, искусства или ремесла, которые приобретены в результате специальной подготовки и опыта профессиональной деятельности. Эти знания применяются для решения вопросов, возникающих в ходе уголовного, гражданского, хозяйственного процесса и по делам об административных правонарушениях.

На законодательном уровне дефиниция «специальные знания» не определена. До недавнего времени в юридической литературе неоспоримым было мнение, что общеизвестные знания, а также юридические знания, которые должны быть у субъекта доказывания после получения юридического образования, не являются специальными. Общепризнанным было мнение, что специальные знания выходят за рамки средней школы и житейского опыта, не имеют широкого распространения, являясь достоянием ограниченного круга лиц.

Процесс информатизации современного мира, развитие цифровых технологий и обновление в геометрической прогрессии знаний заставляют пересмотреть традиционные подходы к устоявшимся в науке понятиям, в том числе к понятиям «общеизвестные знания», «обыденные знания», «общедоступные знания». В связи с тем что в законе они не определены, критерием отнесения к ним тех или иных знаний может служить лишь уровень интеллекта и эрудиции конкретного субъекта.

В законе также нет прямого указания на то, что юридические знания не могут быть специальными. На этот счет имеется разъяснение в

постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам», основанное на общеизвестной презумпции: «Суду известно право». Суть разъяснения в том, что суды не должны допускать постановки перед судебным экспертом правовых вопросов как не входящих в его компетенцию.

На фоне происходящих глобальных явлений в криминалистической литературе выражается мнение о необходимости пересмотра вышеуказанного постулата под влиянием процесса дифференциации научного знания, который сопровождает все современные науки, в том числе юриспруденцию. В результате, как указывают сторонники такого пересмотра, современный юрист не в состоянии ориентироваться во всех тонкостях постоянно развивающегося законодательства, которое характеризуется принятием все новых законов, иногда противоречащих друг другу.

Таким образом, фактически предлагается считать юриста неполноценным специалистом, ввиду того что знание закона в полном объеме становится физически нереальным.

Сторонники такого подхода в России ссылаются на прецедент – ст. 63 федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в которой расширительно трактуется понятие специальных знаний и допускается, что в качестве судебного эксперта может быть вызвано любое лицо. Приводятся также примеры участия высококвалифицированных юристов с учеными степенями и званиями в судебном следствии в качестве экспертов по уголовным и гражданским делам.

Если следовать логике сторонников такой концепции, то следующим шагом будет интеграция правовой экспертизы в систему судебно-экспертной деятельности с созданием соответствующих структурных подразделений в судебно-экспертных учреждениях. Ведь с точки зрения современной теории судебной экспертизы необходим единый подход к решению задач субъектами судебно-экспертной деятельности.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о необходимости разработки экспертной методики исследования явлений правового характера, критериев оценки правильности и точности методов экспертного исследования. Приобретает актуальность также вопрос о целесообразности проведения повторной экспертизы.

В настоящее время указанные вопросы имеют открытый характер. Представляется, что решение данных проблем потребует новых серьезных структурных изменений системы судебно-экспертных учреждений с сомнительными перспективами экономического характера.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ДОКУМЕНТАМИ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

Расследование дел, связанных с хищениями в сфере строительства, традиционно вызывает определенные трудности в практической деятельности следователей. Это связано с рядом причин как объективного, так и субъективного характера: множество различного рода нормативных правовых актов, регулирующих данную область общественных отношений; дефицит опыта расследования; отсутствие или недостаток специальных знаний в области технологии строительства, бухгалтерского учета, налогообложения и финансовой отчетности; трудность документооборота в данной сфере и др. Все это приводит к затягиванию сроков расследования, необоснованному приостановлению или прекращению производства по делу.

При расследовании уголовных дел данной категории следователь неизбежно сталкивается с необходимостью изучения и анализа целого комплекса документов, относящихся к сфере строительства, поскольку в большинстве случаев именно документы являются одним из главных источников доказательственной информации по уголовному делу. Именно по документам можно установить механизм преступления, способы совершения и сокрытия преступления, следовую картину. Как справедливо отмечает В.И. Рохлин, работа следователя с документами помогает ему решать многие задачи, возникающие в процессе расследования, дает возможность выяснения обстановки преступления, характера и особенностей производственного процесса, операций, которые совершаются в той или иной хозяйственной деятельности, получения нужных доказательств. С уголовно-процессуальной точки зрения документы могут являться как вещественными доказательствами, так и источниками доказательств. Доказательственное значение документов состоит в том, что в них содержатся фактические данные, имеющие значение для материала или уголовного дела. При должной оценке документов они дают наиболее точную и объективную картину происшедшего.

Таким образом, работа следователя с документами является неотъемлемой частью методики расследования по делам данной категории и одновременно одной из самых трудных задач в процессе расследования.

Вопросам работы следователя с документами в криминалистической литературе посвящен ряд публикаций известных авторов (С.П. Голубятников, В.И. Рохлин, В.Г. Танасевич, А.А. Хмыров, Г.А. Шумак и др.),

в которых нашли отражение наиболее общие подходы к работе следователя с документами, информацией. Вместе с тем еще недостаточно освещены вопросы работы следователя с документами по конкретным направлениям, в частности с документами в сфере строительства, что в целом негативно влияет на качество расследования по делам этой категории и требует дальнейших научных исследований по данной проблематике.

Хозяйственная деятельность строительных предприятий и организаций неизбежно фиксируется в различного рода документах: финансовых, бухгалтерских, отчетных, технических, с помощью которых можно установить способы совершения и сокрытия преступлений, собрать доказательства. При совершении хищений в сфере строительства используются как подлинные, так и подложные, фиктивные документы. Анализ документов должен быть направлен как на установление изменения внешних форм, признаков документа (материальный подлог), так и на установление изменения его внутреннего содержания (интеллектуальный подлог). Обе эти формы применяются в тесной взаимосвязи.

В строительстве используется огромное количество документов правового и неправового характера, официальных и неофициальных, которые подлежат исследованию в процессе расследования преступлений. Ввиду большого массива информации следователю довольно сложно разобраться в строительных документах и вычленил наиболее важные из них, требующие более детального анализа.

Можно привести следующие группы основных официальных документов, используемых в строительстве:

- нормативная документация (нормативные правовые акты: указы, законы, постановления; технические нормативные правовые акты в области строительства: технические регламенты, технические кодексы установившейся практики, государственные стандарты Республики Беларусь, строительные нормы и правила, технические условия);

- разрешительная документация (решения исполкомов, разрешение на проведение проектно-изыскательских работ, архитектурно-планировочные задания, технические условия на инженерно-техническое обеспечение объекта);

- проектно-сметная документация (обоснование инвестирования в строительство, архитектурный проект, строительный проект, локальные сметы, сводные сметы, сводный сметный расчет, заключение экспертизы);

- договорная документация (договор (контракт) строительного подряда, документация по проведению открытых конкурсов (торгов) по

выбору подрядчика, лицензии на выполнение соответствующих видов работ, справки о стоимости работ, акты приемки выполненных работ);

документация в области бухгалтерского учета и отчетности в строительстве (счета-фактуры, бухгалтерские регистры, главная книга, журналы-ордера, акты сдачи-приемки выполненных строительных работ, приходно-расходные кассовые ордера, производственные нормы расхода строительных материалов, материальный отчет, отчет о расходе строительных материалов);

организационно-распорядительная документация, в том числе по кадровой работе, конкретной строительной организации (приказы, распоряжения);

исполнительная документация (общий журнал работ, специальные журналы по отдельным видам работ, журнал авторского надзора, акты освидетельствования скрытых работ, комплекты рабочих чертежей) и др.

Кроме того, в строительстве используются разнообразные формы документов: типовые, произвольные, утвержденные конкретными организациями. В настоящее время в строительстве применяются следующие формы первичных учетных документов, обязательные к применению организациями независимо от форм собственности и ведомственной подчиненности: товарно-транспортная накладная (форма ТТН-1), товарная накладная, приходный кассовый ордер (форма КО-1, КО-1в), расходный кассовый ордер (форма КО-2, КО-2в), акт о приемке-передаче основных средств, акт о приемке-передаче нематериальных активов, акт сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ (форма С-2, С-2а, С-2б), акт о передаче не завершенного строительством объекта (форма С-22), акт о передаче затрат, произведенных при создании объекта инженерной и (или) транспортной инфраструктуры (форма С-17а).

Анализ следует проводить параллельно по ряду групп документов, учитывая специфику конкретных преступлений. В целях совершенствования и упорядочения работы следователя с документами, относящимися к сфере строительства, предлагаем классифицировать основные документы в строительстве по группам для обеспечения возможности их дальнейшего анализа, разработать алгоритм работы следователя с данными группами документов. Указанные меры позволят оптимизировать работу следователя с источниками информации и более успешно реализовать задачи по качественному расследованию преступлений данной категории.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОД КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Инновационным направлением совершенствования криминалистических средств и методов может служить иридодиагностика – метод в нетрадиционной медицине, в котором исследование проводится по радужной оболочке глаза. Считается, что во всем мире невозможно найти двух людей с одинаковыми лицами. Это особенно верно по отношению к глазам, так как радужка глаза каждого человека совершенно неповторима, индивидуальна.

Исследованием радужной оболочки глаза занимались специалисты в области медицины, физики, химии и других наук: И. Пекцели, Е.С. Вельховер, Ф.Н. Ромашов, Д. Даугман, Р. Вилдс, Е.А. Павельева, А.С. Крылов, О.С. Ушмаев, И.Н. Третьяков, Н.Н. Минакова, Ю.И. Монич, В.В. Старовойтов, Д.И. Самаль и др. В криминалистике в данном направлении исследований не проводилось.

Сложная и неповторимая структура радужки глаза стала основой для идентификации личности в условиях обеспечения безопасности информационных ресурсов. Преимущества системы идентификации по радужной оболочке глаза заключаются в индивидуальности радужной оболочки глаза; неизменяемости ее узора с возрастом; высокой информативности; безконтактности при регистрации.

Анализ теоретических источников свидетельствует, что методы идентификации личности по радужной оболочке построены по одному принципу – выделение частотной или иной информации о текстуре радужки глаза из изображения и сохранение этой информации в виде специального кода. В первой разработанной в мире системе Даугмана этот код получил название Iris Code – радужковый код. Построение кода производится в три этапа: 1) выделение «баранки» радужки из общего изображения; 2) предобработка полученного изображения, например выравнивание гистограммы, убиение блика, некоторые используемые в мире методы «разворачивают» круглый зрачок в прямоугольное изображение; 3) составление кода. Предобработанное изображение фильтруется способом, зависящим от конкретного метода. По результатам фильтрации составляется представление в виде кода. Для этих кодов вырабатывается критерий сравнения. Часто код записывается в виде последовательности битов и критерием сравнения служит код Хэмминга. Данный код, например, используется в идентификационной системе Даугмана.

Современные биометрические технологии, как правило, преобладают в индустрии безопасности и чаще всего используются для обеспечения сохранности государственных секретов, коммерческой тайны, безопасности различных зданий и сооружений, биометрической персонализации электронных документов, контроля доступа к рабочим местам и т. д. В раскрытии и расследовании преступлений биометрические технологии были бы более продуктивны, чем, например, цифровая видеосъемка, которая не всегда способствует достижению целей уголовного преследования.

Для считывания узора радужной оболочки глаза применяется дистанционный способ снятия биометрической характеристики. С этой целью используются обычные видеокамеры, осуществляющие автоматическое выделение зрачка и радужной оболочки глаза на расстоянии до одного метра. Новейшие устройства осуществляют идентификацию издалека и даже на ходу. К примеру, система Iris on the Move компании SRI International фиксирует радужку с трех метров. Пропускная способность таких систем очень высока. Вероятность же ложных срабатываний небольшая. Кроме того, предусмотрена защита от муляжа. Системы воспринимают только живого человека. На работоспособность зарубежных систем не влияют очки, контактные линзы и солнечные блики. Преимущество сканеров для радужной оболочки состоит в том, что они не требуют, чтобы пользователь сосредоточился на цели, потому что образец пятен на радужной оболочке находится на поверхности глаза. У людей с ослабленным зрением, но с неповрежденной радужной оболочкой все равно можно сканировать и кодировать идентифицирующие параметры. Даже если есть катаракта (повреждение хрусталика глаза), то и она никак не влияет на процесс сканирования радужной оболочки. Однако плохая фокусировка камеры, солнечный блик и другие трудности при распознавании приводят к ошибкам в 1 % случаев.

Существующие на современном этапе тенденции применения биометрической идентификации по радужной оболочке глаза для решения задач обеспечения безопасности формируют предпосылки для использования данного метода и в сфере противодействия преступности. В этой связи перспективным направлением является создание в нашей стране криминалистического учета лиц по радужной оболочке глаза, разработка методики экспертного исследования радужной оболочки глаза – иридоскопической экспертизы и формирование отдельного направления в криминалистической технике – биометрической идентификации человека, в частности криминалистической иридоскопии.

Как уже указывалось, радужная оболочка глаза неповторима. Для исследования и в конечном итоге идентификации по данному биометрическому параметру необходимо представлять, из чего состоит эта часть человеческого глаза. Радужная оболочка является передним от-

делом сосудистого тракта глаза. Она имеет вид цветной пластинки слегка эллиптической формы с горизонтальным размером 12,5 мм и вертикальным 12,0 мм, расположенной между роговицей и хрусталиком и разграничивающей переднюю и заднюю камеры глаза. Впереди радужной оболочки лежит выпукло-вогнутая, совершенно прозрачная роговая оболочка, позади радужной оболочки, соприкасаясь с ней, помещается хрусталик со своей цинновой связкой, при помощи которой он прикрепляется к цилиарному телу. Радужная оболочка не образует плоскости, перпендикулярной анатомической оси глаза, а представляет собой усеченный и очень уплотненный конус. Толщина радужной оболочки неодинакова, в среднем 300 мкм. По строению она представляет собой губчатый, пористый орган с чрезвычайно выраженной индивидуальной архитектурой. Радужка имеет своеобразный рисунок, обусловленный радиально расположенными трабекулами, переплетенными между собой соединительноткаными перекладинами, идущими в разных направлениях. Важнейшими знаками радужки являются зрачковая кайма, автономное кольцо, пигментные пятна, лакуны, адаптационные кольца, лимфатический розарий, дистрофический ободок. Данные знаки имеют свои особенности, позволяющие выделить в них общие и частные признаки и использовать в криминалистике для идентификации личности.

Использование в криминалистике знаний из области ириодиагностики позволит не только раскрывать и расследовать, но и предупреждать общественно опасные деяния на различных объектах (в аэропортах, на вокзалах, в банках, на предприятиях, в складских помещениях и др.). Эти знания также позволяют разработать и внедрить в экспертную практику методику иридоскопической экспертизы – идентификационной криминалистической экспертизы по радужной оболочке глаза, усовершенствовать имеющиеся криминалистические учеты за счет учета определенных категорий лиц по радужной оболочке глаза.

УДК 393.96

И.Н. Дудко, А.А. Мистеревич

СПОСОБЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА (ЕВРО)

Купюры евро на сегодняшний день имеют одну из самых надежных защит от подделки. Вместе с тем именно обилие защитных признаков затрудняет распознавание фальшивок в повседневной жизни.

Евро является распространенной валютой в Европе и на Ближнем Востоке. Ею можно расплатиться на большинстве популярных курортов мира. Основное обращение осуществляется в странах Европейского союза.

Фальшивомонетчиков не пугает новизна валюты и ее высокая защищенность. Денег печатают много, но не в таких объемах, как доллары. Основная масса фальшивок попадает в Республику Беларусь из Европы с туристами. Наиболее часто встречаются поддельные купюры номиналом 10, 20, 50 евро, а также поддельные монеты номиналом 2 евро. Их отличить еще сложнее, чем купюры, поскольку далеко не везде есть нужное оборудование.

Для того чтобы провести надежный анализ подлинности банкнот, нужно всегда рассматривать всю совокупность признаков: качество печати, качество бумаги и очертания рельефной печати на фольге.

Защитные признаки делятся на два типа: определяемые визуально и определяемые с помощью средств проверки при увеличении и при специальном освещении в детекторах банкнот. Такое разделение условно, так как многие элементы, видимые при обычном освещении невооруженным глазом, следует подвергать более детальной проверке. Визуально определяемые элементы защиты обычно легко подделываются, поэтому заключение о подлинности купюры можно дать только после изучения элементов специальной защиты.

Фальшивую европейскую валюту выявить так же проблематично, как и подделать. На ней сконцентрировано множество защитных элементов, которые сложно запомнить обычному туристу. Но некоторые признаки подделок можно распознать, присмотревшись внимательнее:

- на ощупь банкнота часто толще, чем подлинная;
- если банкноту потрясти, она не издает звонкого шелеста;
- купюра на ощупь гладкая, элементы не имеют рельефа;
- голограммы не переливаются радужными изображениями;
- магнитная защита чаще всего отсутствует либо имитируется с искажениями;
- защитная нить и защитные волокна нередко имитируются надпечаткой;
- при ультрафиолетовом свечении звездный круг интенсивнее обычного;
- нередко отсутствует свечение флага и волокон.

Для того чтобы не попасть в неприятную ситуацию, которая может обернуться уголовным преследованием, необходимо знать как минимум несколько признаков подлинных купюр. Прежде всего необходимо помнить, что все банкноты евро имеют общий дизайн для каждого

достоинства на обеих сторонах во всех странах. Выпускаются банкноты достоинством 500, 200, 100, 50, 20, 10 и 5 евро. Банкноты 500 и 200 евро не выпускаются в некоторых странах, но расплатиться ими можно везде. Купюры евро имеют ряд общих признаков защиты:

вверху купюр можно нащупать строчку с аббревиатурой ЕЦБ (Европейский центральный банк), написанную на пяти языках;

евро отпечатаны на специальной бумаге из чистого хлопка, которая на ощупь существенно отличается от нормальной бумаги. В жизни человек нигде не встречается с таким материалом. Кроме того, на лицевой стороне некоторые элементы изображения имеют повышенную рельефность;

серийный номер евро состоит из буквы и одиннадцати цифр. Замените букву ее порядковым номером в английском алфавите. К этому числу последовательно прибавьте все цифры номера банкноты. В результате получится двузначное число. Первую цифру прибавьте ко второй – должна получиться цифра 8;

хаотичные на первый взгляд элементы печати в белом поле банкноты объединяются при просматривании купюры на свет в число, обозначающее достоинство банкноты.

Основные цвета банкнот 5, 10 и 20 евро серый, красный и синий соответственно. Вес самой маленькой купюры в 5 евро – 0,63 г. Купюры низкого достоинства, до 20 евро, на лицевой стороне справа имеют широкую серебристую голографическую полосу. Под различными углами на этой полоске попеременно можно видеть символ «евро» и обозначение номинала данной купюры. При просматривании на свет можно видеть картинку и номинал банкноты. На свету прозрачная полоска блестит и несильно меняет цвет.

Купюра в 20 евро имеет водяной знак, который выглядит как окно готической церкви. Также виден номинал купюры – цифра 20. Если смотреть на просвет, то на банкноте хорошо видна черная полоса, которая делит евро пополам.

Основные цвета банкнот 50, 100, 200 и 500 евро оранжевый, зеленый, желто-коричневый и лиловый соответственно. Вес самой крупной купюры в 500 евро – 1,12 г. На купюрах крупного номинала вместо серебряной полосы видна голограмма, которая под различным углом помимо денежного номинала отображает фрагмент данного Евробанка. На свету цифры, отображающие номинал банкноты, меняют цвет с фиолетового на светло-желтый или коричневый. Кроме того, элементы из фольги на купюрах содержат мини- и микрошрифт, и при просматривании на свет в перфорации на фольге заметен символ евро. Каждый элемент имеет своеобразное оформление краев.

При сгибании настоящие купюры номиналом 50 евро меняют цвет надписи «50 евро» с пурпурного на коричневый. Под различным углом

можно попеременно видеть обозначение номинала (50, 100, 200 или 500 евро) и изображение соответствующего архитектурного мотива – окна или арки.

Низкое качество основной массы фальшивых денег не должно мешать стремлению повышать квалификацию и техническое обеспечение кассиров. Мошенники, выбирая средства для подделывания денег, учитывают именно слабую осведомленность граждан и недостаточность людских и материальных ресурсов, призванных препятствовать распространению фальшивок. Массовое распространение подделок, выполненных на компьютерной технике, обостряет вопрос разработки средств защиты и контроля, которые служат безопасности как простых граждан, так и национальных денежных систем.

Полагаем, что купюры следует снабдить микрочипами, аналогичными тем, которые уже есть на платежных карточках. Они будут отличаться тем, что считывание информации будет производиться радиочастотными устройствами. Человек с ослабленным зрением, имея специальный сенсор, без труда может обнаружить возможную подделку.

В заключение отметим, что никто не может исключить появления на денежном рынке фальшивых денежных знаков евро, но высокое качество банкнот и сумма названных отличительных черт позволяют рассчитывать на то, что подделкам поставлена высокая преграда. Важно, чтобы эти характеристики не только были известны, но и активно использовались.

УДК 343.985

А.В. Дулов

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА КРИМИНАЛИСТИКИ

Вся история криминалистики убедительно свидетельствует, что весь процесс развития этой науки представлял постоянное расширение использования и исследования самых разнообразных следов, оставляемых преступлением. Накапливался опыт расследования, расширялась сфера применения знаний, методов, средств. Применялись элементы медицины, химии, физики, использовались знания уголовного права, уголовного процесса. Криминалистика стала именоваться прикладной наукой, т. е. наукой «второго» сорта. Для того чтобы поднять «престиж» науки на определенном этапе развития, многие ученые-криминалисты стали доказывать, что это правовая наука.

В действительности же криминалистика – самостоятельная наука, социальный статус которой в современных условиях постоянно возрастает. Во всем мировом сообществе бурно развивается наука, технологии, технические средства. Все это не могло не привести к использованию всех этих возможностей и для преступных целей. Такая реальная опасность привела к тому, что и на уровне ООН стали разрабатывать предложения, меры борьбы с коррупцией, финансовым мошенничеством, от которых стало страдать все мировое сообщество. Возникла настоятельная необходимость развивать науку о борьбе с преступностью, изменилось отношение к криминалистике.

Следовало создать общую методологию этой науки, научную базу ее новой социальной роли. Здесь и определилась потребность в использовании теории отражения, которая является основой для всех наук, основой познания практической деятельности и тем самым дает возможность формировать теоретическую базу борьбы со всеми видами преступной деятельности. Но такая работа только начинается и нельзя ждать ее завершения. Важно немедленно начинать использовать в борьбе с преступностью возможности, которые дает теория отражения.

Прежде всего применение теории отражения необходима для изучения преступной деятельности. Методологической основой криминалистики должна быть теория отражения. Ее применение обосновывает изучение преступной деятельности; организацию всех элементов и этапов борьбы с преступностью; решение всех целей и задач криминалистики на основе применения всех видов, элементов, этапов развития теории отражения.

Если криминалистику рассматривали (да и в настоящее время иногда продолжают рассматривать) только как науку, изучающую методы и средства борьбы с преступностью, то сейчас ее предмет включает и изучение самой преступности. Стало ясно, что в пределах одной науки надо изучать социальное явление (преступность) и пути, методы, средства борьбы с ним.

Вот здесь и выявилась потребность в теории отражения, что дает возможность глубоко изучать структуру преступной деятельности, ее психологические, физиологические основы, процессы отражения преступной деятельности во внешней материальной среде, сознании самого преступника, сознании лиц, воспринимающих преступление, сознании субъектов, осуществляющих борьбу с преступностью (предупреждающих, выявляющих преступление, осуществляющих воздействие для ликвидации дефектов такой деятельности).

Вся система криминалистики должна быть сформирована на последовательном применении элементов отражения.

Использование элементов отражения при изучении криминалистической материальной структуры преступления выражается в том, что каждый элемент структуры (субъект, объекты преступной деятельности, ее результаты, документы, способы совершения преступных действий и т. д.) требует использования различной системы элементов теории отражения.

Использование элементов отражения в криминалистической тактике проявляется и при возникновении необходимости моделирования тактических действий, создании стратегии использования элементов системы отражения, формировании прогностических моделей (индивидуальные и комплексные (для всех участников воздействия), построении прогностических моделей поведения лиц, совершивших преступления. Теория отражения дает возможность разрабатывать методы выявления и разоблачения ложных показаний, формировать системы следственных действий (тактических операций), требуемых для расследования преступлений.

При использовании элементов теории отражения в методиках расследования применяются все виды отражения в материальной среде (биологическое, зоологическое, социальное отражение). Кроме того, система изучения включает и анализ права как социального отражения. Только такой анализ дает возможность определить социальную цель, которая отражается в нормах, механизмах, принципах закона.

В систему элементов отражения включается и исследование преступных мотивов, действий, которые отражаются в структуре каждого вида преступления.

Применение теории отражения в криминалистике только начинается и оно обязательно окажет положительное воздействие и на развитие этой науки, и на процессы борьбы с преступностью, и на процессы развития общества и деятельности государства.

УДК 343.983

О.М. Дятлов

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давно замечено, что во времена радикальных преобразований резко возрастает интерес к сути происходящего, его философскому осмыслению и пониманию. В полной мере это касается того, что происходит в сфере правовой реальности. Без всякого сомнения, объективная необ-

ходимость реформирования судебно-экспертной системы нашей страны давно назревала. Нами неоднократно подымался этот вопрос, но, к сожалению, на определенный период времени не сложился должным образом комплекс всех необходимых для этого условий. Учитывая то обстоятельство, что аналогичного рода преобразования либо уже имели место, либо будут иметь в ближайшее время, возникает масса познавательных проблем и задач, с разрешением которых юриспруденции не справиться. На наш взгляд, необходим философский анализ. Но для этого отечественная философия права и общая теория судебной экспертизы должны окончательно пробудиться от того летаргического полусабытия, в котором они пребывали ряд десятилетий, и преодолеть немало унаследованных стереотипов. Было бы несправедливо и необъективно сказать о том, что в последние годы в обозначенном направлении не предпринимались шаги. Так, впервые в новейшей истории развернутый анализ многочисленных проблем, возникающих в деятельности государственных судебно-экспертных учреждений (на примере крупного регионального центра судебной экспертизы Минюста России), сделала С.А. Смирнова. Однако фактически до Я.В. Комисаровой деятельностный (философский) подход к изучению составляющих деятельности судебного эксперта не применялся, да и само понятие «судебно-экспертная деятельность» не привлекало внимания ученых. В «Энциклопедии судебной экспертизы», авторами которой выступили видные специалисты в области криминалистики и судебной экспертизы Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.В. Дулов, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская и многие другие, положения философии с точки зрения использования общепсихологической теории деятельности нашли прямое отражение только в разъяснении термина «производство экспертизы», под которым понимали: 1) систему процессуальных действий, совершаемых в целях получения заключения эксперта как источника доказательств; 2) деятельность эксперта (коллектива экспертов), состоящую в исследовании, в ходе которого разрешаются задачи, изложенные в постановлении (определении) о назначении экспертизы, и завершающуюся формулированием вывода заключения.

Я.В. Комисарова несколько иначе исследовала вопрос судебно-экспертной деятельности. Уясняя суть деятельности эксперта по производству судебной экспертизы, она раскрыла понятие «деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве» с учетом единства ее процессуальной и профессиональной составляющих, а также направленности на удовлетворение комплекса потребностей субъекта, назначаемого экспертом, как целостной личности. Фактически впервые была сделана на столь высоком уровне попытка философского осмысления судебно-экспертной деятельности. Однако результаты исследований в силу об-

ширности пространства для изысканий и дискуссионности возникающих при этом вопросов не позволили выстроить концепцию, приемлемую для формирования модели правового регулирования судебно-экспертной деятельности, которая могла бы служить базой для дальнейших адекватных реформирований в обозначенной области деятельности. На наш взгляд, для этого необходимо решить два наиболее важных теоретических вопроса: как возможен социально-философский анализ судебно-экспертной деятельности? как ценностная система судебного эксперта и социальной среды формируется и влияет на судебно-экспертную деятельность?

Для решения отмеченных вопросов необходимо:

1. Сделать детальный анализ субстанциальных и сущностных оснований судебно-экспертной деятельности.

2. Исследовать судебно-экспертную деятельность в контексте изменений, происходящих в современном постиндустриальном обществе. При этом проследить связь между развитием технико-технологической и правовой сфер индустриально развитых обществ, судебно-экспертной деятельностью и управлением этой подсистемой.

3. Исследовать социально-философские, исторические, социальные, социологические, правовые, аксиологические, культурологические, психологические аспекты судебно-экспертной деятельности на основе современных представлений в философии.

4. Сформулировать положения социально-ценностной концепции судебно-экспертной деятельности, специфику которой мы видим во включении в познание судебно-экспертной деятельности самого субъекта этой деятельности с его системой ценностей, формирующейся в профессиональном учебном заведении; в анализе деятельности в системе ценностей окружающего социума.

5. На основе компетентностного подхода определить рамки компетенций судебного эксперта и разработать модели его подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

6. В рамках социально-ценностной концепции дать анализ социально-профессиональной мобильности, поскольку она является важным механизмом общественного воспроизводства исследуемой группы.

7. Проанализировать характер рисков, которые присущи современной судебно-экспертной деятельности.

8. Рассмотреть проблемы управления судебно-экспертной деятельностью с использованием новейших теорий управления и предложить решения управленческих задач в обозначенной сфере.

9. Определить направления и содержательную составляющую правового регулирования судебно-экспертной деятельности.

О ПОНЯТИИ «ЭКСПЕРТ»

Экспертиза является одним из эффективных средств установления обстоятельств дела. Нет такого уголовного дела, по которому не проводилась экспертиза. Согласно гл. 7 УПК Республики Беларусь эксперт относится к иным участникам уголовного процесса.

Понятие «эксперт» дано в ст. 61 УПК Республики Беларусь: «Экспертом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, которому поручено производство экспертизы».

В соответствии с ч. 2 ст. 227 УПК Республики Беларусь экспертиза проводится специалистами экспертных учреждений, иных государственных или негосударственных организаций либо другими сведущими лицами, назначенными следователем, лицом, производящим дознание. Статья акцентирует внимание на обладании экспертом специальными познаниями, т. е. он должен быть компетентным. Трактовка статьи также позволяет судить о том, что существует две категории экспертов: состоящие в должности и обладающие специальными познаниями, назначаемые следователем, лицом, производящим дознание.

Понимая, что наличия специальных знаний недостаточно для признания лица экспертом, законодатель в ч. 4 ст. 61 УПК Республики Беларусь оговорил, что эксперт обязан представить органу, ведущему уголовный процесс, документы, подтверждающие его специальную квалификацию, сообщить по требованию органа, ведущего уголовный процесс, а также сторон в судебном заседании сведения о своем профессиональном опыте и отношениях с лицами, участвующими в производстве по материалам и уголовному делу.

Изложенное не дает четкого представления, что понимается под документом, подтверждающим специальную квалификацию эксперта, — диплом о высшем образовании (в медицине, искусстве, криминалистике и т. д.) или допуск на право самостоятельного проведения экспертиз.

Необходимо учитывать, что не каждое лицо является экспертом, даже если обладает специальными знаниями. Для того чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо обратиться к теории судебной экспертизы, а также провести анализ статей УПК Республики Беларусь в части, касающейся эксперта и назначения экспертизы.

Прежде всего необходимо рассмотреть, какие требования предъявляются к специалистам, являющимся по должности экспертами экс-

пертных учреждений, иных государственных или негосударственных организаций.

Кроме наличия специальной квалификации эксперт должен быть компетентным, т. е. владеть теорией и методикой судебной экспертизы, иметь опыт, базовое и специальное образование для решения вопроса, относящегося к предмету экспертизы.

К этой группе относятся лица, которые имеют соответствующее образование (медицинское, техническое, экономическое и т. д.) и состоят в должности судебно-медицинского эксперта, судебно-экономического эксперта и т. д.

Вместе с тем наличие у данного сотрудника образования без специальной подготовки не позволяет ему проводить экспертизы. Данные сотрудники могут проводить экспертизы только после прохождения дополнительного обучения в рамках переподготовки с получением диплома о переподготовке по данной специальности. Решением экспертно-квалификационной комиссии им выдается свидетельство о праве самостоятельного производства экспертиз.

К следующей группе экспертов относятся лица, имеющие высшее образование, которое не является базовым (педагогическое, инженерное, военное и т. д.), и состоящие в должности эксперта-криминалиста. Эти сотрудники могут проводить экспертизы самостоятельно только после прохождения дополнительного обучения в рамках переподготовки с получением диплома о переподготовке по данным видам экспертиз. Решением экспертно-квалификационной комиссии им выдается свидетельство о праве самостоятельного производства экспертиз.

К обособленной группе экспертов относятся выпускники Академии МВД Республики Беларусь, получающие специальность «Юрист, эксперт-криминалист». Дело в том, что в состав криминалистических экспертиз на сегодняшний день входит около 25 видов экспертиз, и этот состав не является окончательным, он развивается, трансформируется. Являются ли выпускники при наличии такого диплома экспертами-криминалистами? Нет. А почему? Потому что они изучают в Академии МВД только семь видов экспертиз и их можно назвать экспертами-криминалистами условно. Учебное заведение, чтобы не вводить следователя, лицо, производящее дознание, и суд в заблуждение, обязано выдавать к диплому о высшем образовании свидетельство на право самостоятельного производства семи видов экспертиз, тем более что эксперты – биологи, фоноскописты, взрывотехники т. д. также являются экспертами-криминалистами.

К специфической группе экспертов можно отнести лиц, не являющихся по должности экспертами, но работающих в государственных или негосударственных организациях, имеющих соответствующее за-

нимаемой должности образование, а также достаточный стаж работы в занимаемой должности. Данные лица могут быть экспертами только в соответствии с ч. 2 ст. 227 УПК Республики Беларусь либо другими сведущими лицами, назначенными следователем, лицом, производящим дознание. Вместе с тем теорией и методикой судебной экспертизы такие лица чаще всего не владеют.

Таким образом, следователю, лицу, производящему дознание и суду формулировка ст. 61 УПК Республики Беларусь не дает полного понимания, кто является экспертом и кого можно считать таковым. В указанной статье необходимо четко определить, кто является и кто может быть экспертом, на каком основании назначается эксперт и какие требования предъявляются к нему.

УДК 343.98

В.Ф. Ермолович

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время исторически востребованным является совершенствование системы криминалистики в связи с имеющимися резервными возможностями криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений. Данную систему целесообразно рассматривать в следующем виде:

1. Введение к криминалистике. Общая теория криминалистики.
2. Криминалистическая характеристика преступлений.
3. Криминалистическая техника.
4. Криминалистическая тактика.
5. Криминалистическая методика расследования преступлений.

Криминалистическая характеристика преступлений в системе криминалистики сегодня может состоять из двух частей:

1) общие положения криминалистической характеристики преступлений (понятие, задачи, уровни и виды, подходы и способы построения, место в криминалистике и системе юридических наук, структура, теория компонентного состава криминалистической характеристики отдельных видов преступлений);

2) криминалистическая характеристика отдельных видов (групп, компонентов) преступлений.

Различают уровни и виды криминалистической характеристики преступлений:

Первый уровень. Абстрактная криминалистическая характеристика преступления как научная категория.

Второй уровень. Общая криминалистическая характеристика преступления. Общая родовая криминалистическая характеристика преступления. Общая видовая криминалистическая характеристика преступления. Общая групповая криминалистическая характеристика преступления.

Третий уровень. Частная криминалистическая характеристика отдельного компонента преступления (личности преступника, способа совершения преступления, сокрытия преступления, места происшествия и др.). Частная родовая криминалистическая характеристика отдельного компонента преступления. Частная групповая криминалистическая характеристика отдельного компонента преступления. Частная видовая криминалистическая характеристика отдельного компонента преступления.

Четвертый уровень. Криминалистическая характеристика конкретного преступления

Пятый уровень. Криминалистическая характеристика конкретного компонента преступления.

Принципиально важное место в криминалистической характеристике преступлений занимает их структура. Она не подменяет данную характеристику. По существу, криминалистические структуры отдельных видов (групп) преступлений являются основой криминалистических характеристик этих общественно опасных деяний. Данные структуры создают объективную возможность для повышения эффективности проведения криминалистического анализа признаков отдельных видов преступлений в органической связи с такими методами, как синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, экстраполирование и другими.

В качестве структурных элементов (компонентов) криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений могут рассматриваться сведения (данные): о видах характеризуемого преступления; связи характеризуемого преступления с другими (включая и те, которые совершаются для сокрытия характеризуемого); связи характеризуемого преступления с административными правонарушениями, а также нарушениями финансовой, технологической, трудовой и иной дисциплины; объекте и предмете преступления (включая жертву преступления); криминалистической структуре преступления; механизме преступления; способах совершения преступления; сокрытии преступления и способах сокрытия преступления; способах уклонения от уголовной ответственности и наказания субъекта (субъектов) преступления за содеянное; действиях (бездействии) лиц, объективно спо-

собствующих наступлению преступного результата, и (или) сокрытию преступления, и (либо) уклонению субъекта (субъектов) преступления от уголовной ответственности и наказания; условиях, объективно способствующих совершению, сокрытию преступления, уклонению субъекта (субъектов) преступления от уголовной ответственности и наказания за содеянное, проявляющихся в реальной действительности независимо от воли и желания человека; условиях места и времени совершения, сокрытия преступления и уклонения виновного (виновных) от уголовной ответственности и наказания за содеянное; орудиях и средствах, используемых при совершении, сокрытии преступления и уклонении виновного (виновных) от уголовной ответственности и наказания за содеянное; обстановке преступления; личности субъекта (субъектов) преступления; личности субъекта (субъектов) сокрытия преступления, не являющегося субъектом преступления либо его отдельных эпизодов; личности лица, создающего своими действиями (бездействием) условия, объективно способствующие наступлению преступного результата, и (или) сокрытию преступления, и (либо) уклонению субъекта (субъектов) преступления от уголовной ответственности и наказания за содеянное; личности потерпевшего (потерпевших) от преступления; мотивах и целях преступника (преступников), субъекта (субъектов) сокрытия преступления, лица (лиц) создающего своими действиями (бездействием) условия, объективно способствующие наступлению преступного результата, и (или) сокрытию преступления, и (либо) уклонению субъекта (субъектов) преступления от уголовной ответственности и наказания за содеянное; последствиях совершения, сокрытия преступления и уклонения субъекта (субъектов) преступления от уголовной ответственности и наказания за содеянное; причинах совершения и сокрытия преступления; следах преступления.

Криминалистическая характеристика представляет собой систему криминалистически значимой информации об отдельных элементах преступления и связях между ними, разрабатываемую и используемую для повышения эффективности анализа оперативно-розыскных, следственных ситуаций, версионной работы, организации и планирования раскрытия и расследования преступлений, определения системы задач по уголовному делу, тактики проведения следственных действий, оперативно-розыскных, ревизионных и иных мероприятий, а также решения других связанных с этим задач.

Структура криминалистической характеристики преступлений сложна, не в полной мере одинакова для отдельных видов и групп преступлений. В зависимости от вида преступления, формы вины, с кото-

рой оно совершается, отдельных особенностей одни и те же структурные элементы в характеристиках разных преступлений могут быть различными по значению, происхождению и другим показателям.

На протяжении длительного времени среди ученых-криминалистов остается дискуссионным решение вопроса о соотношении криминалистической характеристики преступлений с предметом доказывания, версиями и рядом других криминалистических категорий частных методик расследования отдельных видов (групп) преступлений.

Основные расхождения во взглядах криминалистов по рассматриваемой проблеме заключаются в следующем: к элементам криминалистической характеристики преступлений относят предмет доказывания по уголовному делу; содержание криминалистической характеристики преступления делает ненужным приведение в качестве самостоятельного структурного элемента конкретной частной методики расследования перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по данной категории уголовных дел; следственную ситуацию предлагают рассматривать как составную часть криминалистической характеристики преступлений; криминалистическая характеристика – это одномоментная следственная ситуация и ее содержание сводится к типичным версиям. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений – разноплановые понятия. Основное их различие состоит в целевой направленности. Предмет доказывания определяет конечную цель расследования преступления, а криминалистическая характеристика помогает найти конкретные пути и способы ее достижения. Предмет доказывания не является элементом криминалистической характеристики преступлений. По уголовному делу основа определения предмета доказывания – уголовно-процессуальный закон и в первую очередь ст. 89 УПК Республики Беларусь, а также нормы уголовного закона, определяющие конкретные составы преступления и уголовно-правовая характеристика преступления. Между предметом доказывания и криминалистической характеристикой преступлений объективно существует определенная связь. Она имеет аналогичные признаки соотношения теории доказательств и учения о преступлении. Однако это никак нельзя рассматривать как отношение части и целого и тем более отношение тождества. Предмет доказывания – определенная законом совокупность реальных значимых юридических фактов, требующих специального доказывания правовыми средствами. Перечень обстоятельств, подлежащих выяснению и доказыванию, в целом формирует цель, которая определена законодателем для расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Достижение этой цели обусловлено решением комплекса задач, которые вытекают в основном из перечня обстоятельств, подлежащих выяснению и установлению при расследовании.

Криминалистическая характеристика преступлений является принадлежностью криминалистического аспекта учения о преступлении и представляет собой систему (комплекс) криминалистически значимых сведений о нем. Данная характеристика преступлений позволяет, во-первых, иметь знания о проявлении преступления в действительности и, во-вторых, на основе этих знаний прогнозировать совокупность действий, необходимых для выявления, пресечения, раскрытия, расследования и предупреждения конкретного преступления. Они всегда способствуют обеспечению надлежащего решения уголовно-процессуальных и иных задач в процессе расследования преступлений.

Следственные ситуации и криминалистическая характеристика преступлений представляют собой самостоятельные криминалистические категории. Данные категории подвижные, динамичные. Они отличаются друг от друга по многим показателям. Ни одна из них не является частью другой. Они относятся к разным, хотя и взаимосвязанным явлениям и в первую очередь к преступлению и его расследованию.

Криминалистическая характеристика позволяет иметь знания о проявлении преступления в действительности. На основе этих знаний можно прогнозировать совокупность действий, необходимых для раскрытия и расследования конкретного преступления. По существу, аналогичную роль, играют в этом следственные ситуации и следственные версии, особенно типичные. Они также включают в свое содержание сведения о преступлении. С учетом этих сведений определяются задачи расследования преступления.

Криминалистическая характеристика представляет собой систему (комплекс) криминалистически значимой информации, своеобразную информационную модель, передающую в обобщенном виде типичные признаки, свойства и черты преступления.

Следственная ситуация, по сути, приобретает реальность с момента возбуждения уголовного дела. Криминалистическая характеристика существует независимо от этого события. Следственная ситуация передает состояние процесса расследования и представляет собой на каждый момент расследования преступления определенный срез этого процесса. Криминалистическая характеристика описывает типичное для единичного преступления исходя из общего.

Любое конкретное преступление может иметь свою криминалистическую характеристику, но она не подменяет следственную ситуацию, и следственная ситуация не входит в ее содержание как один из составляющих элементов. Вместе они выражают сумму информации о расследуемом преступлении, которая имеет криминалистическое значение.

Криминалистическая характеристика того или иного вида преступлений, будучи известной следователю, уже на начальном этапе расследования указывает, как обычно складывалась обстановка при совершении преступлений данного вида, какой способ его совершения чаще избирают преступники, где и какие остаются следы преступления и т. д. Тем самым она служит следователю своеобразным «инструментарием» для определения основных путей и средств доказывания, способствует определению пределов доказывания по уголовному делу.

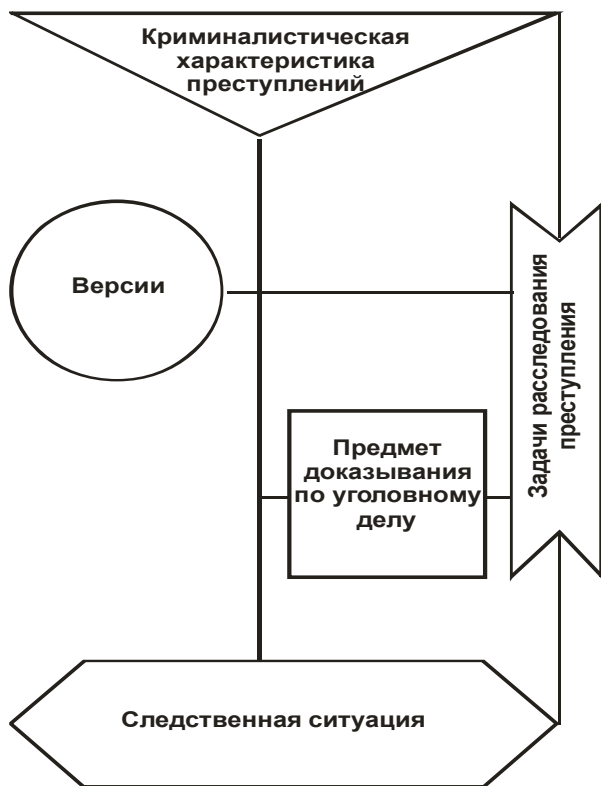
Охватываемая криминалистической характеристикой преступления информация о преступлении в конкретной следственной ситуации отыскивается частями, поэтапно, на протяжении всего расследования, пока в ней имеется потребность. Каждая ее часть, познания и рассмотренная применительно к конкретному моменту расследования, является информационным компонентом следственной ситуации. В этом состоит непосредственная связь криминалистической характеристики с информационным компонентом следственной ситуации. С остальными компонентами следственной ситуации криминалистическая характеристика также связана, но не прямо, а опосредованно. Они своеобразным образом «замыкаются» и работают на информационный компонент следственной ситуации.

Предмет доказывания связан со следственной ситуацией через ее «информационный компонент». При оценке любой следственной ситуации констатируется, какие обстоятельства предмета доказывания уже установлены на данное время. При этом выясняется, исчерпаны или нет пределы их исследования. Ставятся вопросы о том, какие обстоятельства предмета доказывания могут быть установлены на очередном этапе расследования, каковы пути и средства их доказывания. Эти задачи решаются в каждой следственной ситуации.

Версии, в том числе и типичные, оказываются необходимыми, как правило, с момента обнаружения признаков преступления. Они находятся при раскрытии и расследований преступлений в причинно-следственной связи между задачами расследования преступления и знаниями криминалистической характеристики, а также признаками преступления, которые отражены в следственной ситуации. Версиям, по существу, отведено промежуточное место. С одной стороны, у них криминалистическая характеристика преступлений, а с другой – следственная ситуация.

Между версиями постоянно наблюдается конкуренция, приводящая к отбрасыванию из их числа маловероятных и несостоятельных. Их детерминация обусловлена, с одной стороны, изменяющейся ситуацией, а с другой – криминалистической характеристикой данного вида преступлений.

Версии не передают отдельных свойств, признаков и черт преступления в определенной системе. Эти качества версий в криминалистической характеристике преступлений отсутствуют и позволяют проводить различного характера отличия с другими категориями, используемыми в криминалистике, теории уголовного процесса. Модель соотношения криминалистической характеристики преступлений с версиями, предметом доказывания по уголовному делу, следственной ситуацией и задачами расследования преступления представлена на рисунке.

Криминалистическая характеристика преступления, предмет доказывания, следственная ситуация – тесно связанные между собой разноплановые понятия. Они выполняют свои специфические функции.

Системообразующими (узловыми) элементами могут быть применительно к криминалистической характеристике хищений, совершаемых материально-ответственными, должностными лицами, стадии и

этапы продвижения сырья, полуфабриката, готового конечного изделия (продукции) в рамках производственного цикла.

В качестве подсистем криминалистических характеристик отдельных видов (групп) преступлений могут рассматриваться данные: о «преступнике», «преступнике – предмете преступного посягательства», «преступнике – способе совершения преступления – жертве преступления» и др.

В содержание криминалистической характеристики преступлений целесообразно включать: исходные данные о преступном событии, данные о типичных следственных ситуациях, информацию о направлениях, путях, средствах установления преступника и какие-либо иные элементы, относящиеся к расследованию преступления, описание состояния и значения борьбы с данными видами преступлений, распространенность преступного деяния, описание типичных свойств и черт субъектов расследования.

При построении криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений целесообразно избирательно использовать один из трех основных подходов (способов): элементный, фазовый (стадийный), смешанный.

УДК 343.9

Г.А. Зорин

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФЛЕКСИИ В АТАКУЮЩЕЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Диалектика – это та форма, в которой нам становится доступным фундаментальный аспект понятных связей: связи не сводятся к простой однонаправленной последовательности событий, а находятся в постоянном взаимодействии, оказывают обратное воздействие на исходные мотивы, выступают в виде расширяющихся или сужающихся циклических движений.

К. Ясперс

Метод рефлексии эффективен на всех стадиях расследования. Технология применения метода рефлексии состоит в том, что следователь как бы встает на позицию участника следственного действия и с этих позиций рассматривает самого себя, весь процесс общения, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития следственного действия. Это мышление о мышлении по поводу расследуемого дела.

Лао-Цзы говорил: «Когда я освобождаюсь от того, что я есть, я становлюсь тем, кем я могу быть». Развивая в себе процессы творчества, следователь не только может раскрыть сложные инсценированные преступные формы, но и изменить к лучшему механизмы собственного мышления, сбалансировать собственные эмоциональные процессы.

Следователь бесконечен в своих ощущениях, но главным принципом ощущений является «как». Не следует уходить от объекта исследования, пока не постигнешь глубины процессов, связанных и происходящих в объекте и вне его («как»). Надо видеть расследование не только в себе, в своих переживаниях, но и себя в расследовании. Надо уметь отказаться от собственного эгоизма, чтобы увидеть истинный смысл процессов в вещах. При анализе доказательств следователь должен видеть всю композицию ранее обнаруженных следов и примерять каждое новое доказательство к существующей системе.

В рефлексии отражается весь следователь, его опыт, мысли, действия, способности. Все, что можно наблюдать в поступках следователя, все это прошло через рефлексивный анализ.

Основные идеи данного криминалистического метода разработаны А.Р. Ратиновым.

Традиционно и вполне оправданно рефлексия рассматривается как «мышление о...» или «мышление о мышлении по поводу...», что еще более точно. Таким образом, мышление становится предметом исследования самого себя, причем в ограниченных временных рамках, на фоне неожиданных конфликтных ситуаций, так характерных для следственной деятельности. В связи с этим можно выделить два направления рефлексии:

ситуативная рефлексия, где отражается ситуация мышления;

надситуативная рефлексия, где рефлексивный процесс «отрывает» от конкретной ситуации и переходит в разряд внекоммуникативных интеллектуальных продукций. Это может касаться разработки следователем конкретного тактического приема безотносительно к ситуации, партнеру и т. д.

С.Л. Рубинштейн считает рефлексией особым способом существования человека: «Она как бы приостанавливает, прерывает непрерывный процесс жизни, выводит человека мысленно за ее пределы... С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни».

В современном аспекте, применительно к методологии системно-деятельностного подхода, рефлексия получила развитие в исследованиях Г.П. Щедровицкого и нашла широкое применение в оргдеятельностных играх в учебном процессе. Г.П. Щедровицкий рассматривает рефлексию как процесс, как деятельность, как механизм саморазвития

при реализации идей кооперации деятельности. Он предложил модели рефлексивного выхода за рамки деятельности в случае невозможности ее осуществления.

Ф. Гегель утверждал, что «рефлексия есть движение мысли, выходящее за пределы изолированной определенности и приводящее ее в отношение и связь с другими определенностями...».

Рефлексия может исследоваться и применяться в трех направлениях: методологическом, практическом и теоретическом. Эти направления, безусловно, пересекаются и взаимообогащаются. В методологическом отношении рефлексия рассматривается как функция мыследеятельности и как механизм, занимающий определенные место и роль в мыследеятельности.

В практическом отношении рефлексия рассматривается как инструмент для решения реальных проблем расследования и иных смежных с ним процессов.

В теоретическом отношении рефлексия рассматривается как возможность повышения качества интеллектуальных процессов при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. При этом изучается рефлексия как явление, как процесс, как новообразование для следственных теорий, как своеобразный трамплин для отрыва от застывших форм.

Рефлексия может рассматриваться как форма деятельности, которая обладает следующими характеристиками:

рефлексия моделирует саму себя и имеет при этом высшую степень адекватности, потому что рефлексирующий индивид сам себя знает лучше, чем кто-либо;

рефлексия как форма интеллектуальной деятельности следователя представляет собой относительную целостность и стабильность до тех пор, пока она не будет подвержена массовой и интенсивной атаке на личность рефлексирующего индивида. Преобразование или какая-либо трансформация рефлексии следователя может произойти, если рефлексию как форму деятельности «взрывают» интенсивные эмоциональные процессы (эмоциональный «взрыв», рефлексивный аффект, рефлексивный кризис);

рефлексия инициативна, она опережает волевые формы интеллектуальной деятельности, она как бы бежит впереди рациональной оценки решений, оповещая, что ждет носителя – хозяина рефлексивного начала;

рефлексия провоцирует поиск средств решения проблемы, так как она постоянно находится в социально-интеллектуальной среде, требующей адекватного ответа;

рефлексия как форма интеллектуальной деятельности сопровождается самоосвобождением от старых стандартов, в рефлексивных фор-

мах постоянно производится перебор альтернатив, выбор лучших, доработка их, внедрение в процессы решения;

рефлексия постоянно раздвигает границы мышления, она расширяет поисковое поле, ищет корни решений и демонстрирует перспективы их реализации;

рефлексия по своей сути гиперактивна и гиперответственна. Она, как капитан корабля, берет на себя ответственность за рациональность решений и формы их рационализации.

Субъект, получивший навыки рефлексирования, вызывает процесс эволюции в саморазвитии, он морфологически перестраивает элементы системы собственного мышления.

Эволюция рефлексивных механизмов пользователя рефлексии порождает модификацию поведения, потому что рефлексия перестраивает систему самоуправления. Кроме того, рефлексия перекодирует процесс переживаний по поводу рефлекслируемой информации. Например, при внедрении методики рефлексии в спецклассах гимназии многие из учащихся формировали у себя необычные навыки при чтении книг: они видели не текст, а зрительно воспринимаемые образы; отмечали, что переставали быть читателями и полностью идентифицировали себя с главными героями, погружались в их время, деятельность, переживания.

Таким образом, можно смело утверждать, что рефлексия разрывает привычные, репродуктивные представления об окружающем мире и информации, предоставляя возможность усвоения системы эвристических приемов и методов, рассчитанных на творческое преобразование интеллектуального инструментария.

УДК 343.9

Г.А. Зорин, Н.А. Зорина

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Каждый добрый, заботливый, порядочный человек, не скупающийся на простое человеческое тепло, принимает участие в психическом оздоровлении жизни общества.

А. Маслоу

Рефлексия как метод рассчитана на эффект интеллектуальной инициативы, интеллектуального управления мыследеятельностью партнера. Рефлексия как процесс вторгается в аргументацию позиции партнера.

ра, меняет приоритет, направления и средства коммуникативного взаимодействия.

Рефлексия является процессом самопознания и осознания того, как рефлекслирующий индивид – следователь – воспринимается участником следственного действия.

Технология применения метода рефлексии состоит в том, что следователь как бы встает на позицию участника следственного действия и с этих позиций рассматривает самого себя, весь процесс общения, анализирует прошлое и прогнозирует перспективу развития следственного действия.

Следует заметить, что участник следственного действия весьма продуктивно рефлекслирует следователя, поэтому последний должен обладать более высоким рангом рефлексии, позволяющим глубже и шире осознавать эмоциональные и интеллектуальные процессы партнера.

Следователь (по А.Р. Ратинову) должен обладать развитым воображением, которое позволяет постигнуть и охватить весь процесс внутренней жизни партнеров по общению. Динамика этого внутреннего процесса содержит в себе ход, становление и итог размышления, его доводы, аргументы, мотивы и переживаемые чувства. Чтобы успешно, разумно и правомерно воздействовать на людей, нужно знать и учитывать сложные психологические закономерности, определяющие позиции участников процесса и в первую очередь того, кто явно или незримо противостоит следователю.

Рефлексивная способность следователя понимать внутренний мир людей зависит от ряда факторов: степени развития воображения, профессионального и жизненного опыта, умения диагностировать допрашиваемого по выражению лица, различным реакциям на используемую в процессе допроса криминалистическую информацию. Преимущества следователя в рефлексивных рассуждениях позволяют не только понимать и предвидеть деятельность участника следствия, но и иными законными средствами влиять на процессы и результаты принимаемых решений.

Следственная рефлексия не является рефлексией собственно следователя. Следователь вынужден включать в рефлексивный анализ отражение позиций своего тактического партнера, поэтому природу рефлексии можно считать аналитико-синтетической. С одной стороны, следователь анализирует свою позицию, мысленно «пробегает» с ней от начала до конца следственного действия, примечая ориентиры, промежуточные цели, а с другой – синтезирует свои аналитические действия с вероятными результатами аналогичных процессов, которые формируются тактическим партнером.

Позиция партнера должна постоянно вплетаться в ход рассуждений следователя и вынуждает его мыслить за двоих: за себя и партнера.

В структуре коммуникативного процесса психологии выделяют следующие элементы (они в полной мере относятся и к процессам общения следователя с тактическими партнерами):

- коммуникатор – субъект, передающий информацию;

- коммуникант – субъект, принимающий информацию и интерпретирующий ее;

- коммуникативное поле – ситуация в целом, в которой может быть передана информация;

- собственно информация о коммуникативном поле;

- каналы коммуникации – средства передачи информации.

Эти элементы коммуникативного процесса следователь имеет возможность увидеть, услышать и подвергнуть их рефлексивному анализу.

Построенное на рефлексии расследование отличается максимальной индивидуализацией средств взаимодействия следователя и участников уголовного процесса с учетом индивидуальной динамической структуры каждого участника следственного действия.

Обратная связь в системе отрефлексированного расследования обладает следующими характеристиками:

- обязательность возникновения обратной связи в профессиональных коммуникациях следователя;

- способность быть каналом приема – передачи – обмена информацией, идеями, интересами, настроениями, чувствами, установками, имеющими программируемую следователем направленность;

- способность выполнять функции оперативного контроля за деятельностью участников следственного действия, самоконтроля за успешностью программированного действия.

По линии обратной связи следователь может производить учет возможных типичных ошибок, их анализ. Это позволяет заранее выявить типичную ошибку, а также своевременно обнаружить ситуацию, содержащую сигналы о возможности допущения ошибки следователем. В связи с этим уместно отметить, что следственная рефлексия может отражать систему представлений о месте следственной ошибки в структуре следственного действия и типовых путях ее исключения или преодоления.

Если бы рефлексия следователя была предельно глубокой и обширной, то все его действия в процессе следственных ситуаций выполнялись бы безупречно.

Структура рефлексивного рассуждения может состоять из восьми элементов, каждый из которых должен представляться и оцениваться следователем. Особенно хорошо это видно на примере рефлексирования следователем допрашиваемого.

1. Следователь, как он есть на самом деле.
2. Следователь, как он видит себя сам.
3. Следователь, каким он видится допрашиваемому.
4. Следователь, каким он видит себя глазами допрашиваемого.
5. Допрашиваемый, как он есть на самом деле.
6. Допрашиваемый, каким он видит себя сам.
7. Допрашиваемый, каким он видится следователю.
8. Допрашиваемый, каким он видит себя глазами следователя.

Рефлексия характеризуется рядом признаков: глубиной, обширностью, сложностью, мощностью, истинностью. Среди названных признаков центральное место занимает глубина, степень проникновения в личность партнера, в рассматриваемом случае – допрашиваемого. Глубина рефлексии характеризуется рангом.

Рефлексия первого ранга – это, во-первых, отражение следователем самого себя внеположенно, самоанализ собственных интеллектуальных процессов и эмоциональных состояний, во-вторых, это отображение себя партнером по общению по каналам обратной связи. Следователь «погружается» в своего партнера, встает на его позиции, примеряет на себя его маску, пытается испытать его эмоциональное состояние, а затем с учетом всего этого смотрит на себя (следователя) и ситуацию, которая также становится предметом оценки.

Следователь имеет возможность изучить Я-концепцию участника следственного действия. В специальной литературе Я-концепция представляется как совокупность представлений человека о себе самом, на основе которых человек строит свои отношения с другими людьми. Я-концепция определяет позицию человека в системе отношений следственной ситуации. Я-концепция становится призмой, через которую происходит весь сложный процесс объективного отражения объективного мира.

УДК 343.98

Ю.Ф. Каменецкий

СХЕМАТИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ХИЩЕНИЙ

Научно-технический прогресс, являясь локомотивом рыночных отношений, обусловил стремительное развитие как субъектов хозяйствования, так и отношений между ними. В связи с этим совершенствова-

ние экономической системы не могло не отразиться на состоянии и характере преступности, особенно на коррупционных хищениях, значительно усложнив их криминалистическую структуру.

В условиях большого массива взаимосвязанных элементов криминалистической структуры преступления перед органами предварительного следствия возник ряд проблемных вопросов, связанных с планированием расследования коррупционных хищений. Научные разработки ученых-криминалистов и личный опыт автора в расследовании этих преступлений показывают, что одним из эффективных способов решения таких проблем может стать расширение практики применения схематизации как одного из способов построения ретроспективной модели преступления. Ряд предложений по моделированию преступлений при помощи схем был высказан А.В. Дуловым, А.Н. Басалаевым, А.Е. Гучком, М.Б. Вандером, В.Ф. Еромолевичем, Г.А. Шумаком и др. В то же время для каждого уголовно наказуемого правонарушения существуют свои особенности материальной структуры преступления, процессов его отражения и деятельности по расследованию. Такие особенности определяют выбор основания для построения модели для конкретного вида преступления.

В этой связи заслуживает внимания классификация моделей, предложенная Г.А. Шумаком, которая выделяет модели: объектные, субъектные, построенные на основании средств совершения преступления и исходящие из последствий хищения.

На наш взгляд, для планирования коррупционных хищений наибольший интерес представляют модели, построенные на основании средств совершения преступлений. В частности, такими средствами могут быть документы предприятия, поскольку при совершении коррупционных хищений используются хозяйственные отношения, в ходе которых каждая операция находит свое отражение в первичных и сводных учетных документах. Кроме того, документы составляются и для сокрытия следов преступления.

Используя для построения модели предложенные А.С. Шаталовым правила семантической сети, составим ориентированный график, вершины которого соответствуют понятиям, а дуги – отношениям между ними.

Предложенная схема (рис. 1) описывает модель на основании документальных сведений (информации), оставленных следах хищения, показывает причинно-следственные связи между этими следами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Таким образом, модель четко определяет цель, конкретизирует задачи, средства и методы ее достижения, в результате через объектовую модель конкретизируется следственная ситуация с выходом на субъект преступления.

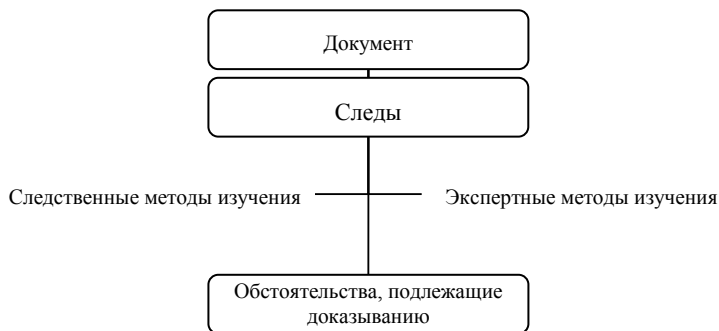

Рис. 1

Рассмотрим пример такой схемы применительно к таблице учета рабочего времени при расследовании уголовных дел о хищениях должностными лицами по заведомо фиктивным трудовым соглашениям денежных средств под видом выплаты заработной платы за работу (услуги), которая фактически не выполнялась или была выполнена не в полном объеме (рис. 2).

Рис. 2

Представленная модель на основании документа по учету труда позволяет следователю удостовериться в фактах приписок лжеработникам выполненной работы, раскрывает круг лиц, причастных к преступ-

лению, указывает на осведомленность табелировщиков и других лиц, заполнявших фиктивные документы, о несуществующих фактах.

На наш взгляд, весьма актуально применение схематизации не столько для отдельных документов, сколько для классификации системы документального отражения коррупционных хищений. Построенная таким образом модель расследования может выступать основой для выдвижения версий этих преступлений и планирования досудебного производства.

УДК 343.98

И.В. Капустина, Н.А. Коноплич

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Единый подход к выделению наиболее типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в литературе отсутствует. Например, С.К. Купрейчик выделяет следующие наиболее типичные следственные ситуации: основанием к возбуждению уголовного дела послужило задержание лица, у которого при личном обыске обнаружили предметы преступления, т. е. наркотики; к моменту возбуждения уголовного дела следователь располагает материалами предварительной проверки, содержащей информацию об определенном лице, совершившем противоправное деяние, предусмотренное ст. 328 УК Республики Беларусь; следователь располагает информацией о незаконных действиях определенных лиц, но сами предметы преступления не обнаружены или информация о них ограничена; преступник совершил незаконные действия с наркотическими средствами, но не обеспечил сокрытия следов преступления и сам не скрылся; преступник совершил незаконные действия с наркотическими средствами и скрылся, но не обеспечил сокрытия следов преступления; преступник совершал незаконные действия с наркотическими средствами, скрылся сам и принял меры по сокрытию следов преступления, однако задержан при транспортировке или хранении наркотиков.

На наш взгляд, данный перечень следственных ситуаций не является систематизированным, в нем отсутствует основание для такового разделения, что делает его не перечнем, а лишь перечислением воз-

можных вариантов. Попытку классифицировать типичные следственные ситуации по рассматриваемой категории уголовных дел в зависимости от источника информации о преступлении делает Г.В. Федоров, который выделяет следующие наиболее типичные следственные ситуации: имеются оперативные материалы, содержащие сведения о незаконном обороте наркотических средств и лиц, его совершивших, однако преступники не задержаны; работниками органа дознания в результате проведения тактической комбинации, направленной на реализацию оперативных данных, задержано лицо в момент совершения незаконного оборота наркотических средств; в органы внутренних дел из медицинского учреждения поступило сообщение о том, что ими выявлено лицо, занимающееся немедицинским потреблением наркотических средств, получаемых незаконным путем; факт совершения незаконного оборота наркотических средств конкретным лицом стал известен в процессе расследования другого преступления.

Однако в данной классификации, на наш взгляд, не хватает акцентирования внимания на факте проведения или отсутствия проведения целенаправленной работы по выявлению информации о лицах, осуществляющих незаконный оборот наркотических средств. В связи с чем предлагаем следующую классификацию типичных следственных ситуаций:

1) сведения о незаконном обороте наркотических средств и лицах, его совершивших, поступили от сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов;

2) сведения о незаконном обороте наркотических средств и лицах, допускающих немедицинское употребление наркотических средств, получающих их незаконным путем, поступили от сотрудников медицинских учреждений;

3) сведения о незаконном обороте наркотических средств и лицах, его совершивших, стали известны в процессе расследования иного преступления.

При этом первая из приведенных следственных ситуаций должна быть подразделена на следующие:

- оперативные сотрудники задержали лицо в момент совершения незаконного оборота наркотических средств без какой-либо предварительной проверки;

- оперативные сотрудники задержали лицо с поличным в момент совершения незаконного оборота наркотических средств после предварительной проверки;

- оперативные сотрудники в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий получили информацию о совершении лицом незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, однако лицо не задержано.

На наш взгляд, наиболее благоприятными являются две последние из перечисленных следственных ситуаций. При данных ситуациях обычно уже установлены определенные эпизоды преступления, известны места хранения предметов и документов, подтверждающих факт незаконного оборота наркотических средств и причастности к ним конкретных лиц, обнаружены места изготовления, переработки, приобретения, хранения, перевозки, пересылки, сбыта и т. д. При этом последняя ситуация еще более благоприятна, так как позволяет совместно следователем и оперативными сотрудниками запланировать в рамках задержания с поличным все необходимые действия и осуществить их с наиболее полной и точной фиксацией.

Для того чтобы, невзирая на степень благоприятности той или иной ситуации, в каждой из них установить все обстоятельства случившегося, необходимо знать алгоритмы типичных действий, осуществление которых необходимо немедленно после возбуждения уголовного дела.

Так, в ситуации, когда оперативные сотрудники в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий получили информацию о совершении лицом незаконного оборота наркотических средств, однако лицо не задержано, следователю необходимо взаимодействовать с оперативными сотрудниками и осуществить тактическую операцию «задержание с поличным», конкретное содержание которой будет зависеть от роли задерживаемого и того действия, в момент которого будет осуществлено задержание. Например, если планируется задержание «продавца» в момент сбыта наркотических средств, лицу, которое сотрудничает со следствием, необходимо: проинструктировать «покупателя», осмотреть денежные средства, которые будут переданы «продавцу» (в том числе, зафиксировать внешние признаки и количество купюр, а также факт их обработки каким-либо специальным веществом и приложить к протоколу образец такого вещества); осмотреть технические средства, которые будут использованы в операции (их внешний вид, марка, номер и марка кассеты или флэш-носителя, факт отсутствия на них иных записей); зафиксировать факт передачи денежных и технических средств «покупателю» (в протоколе личного обыска либо в протоколах осмотра данных предметов); осуществить непосредственное задержание с поличным; произвести личный обыск задержанного для фиксации факта наличия ранее осмотренных денежных средств и иных следов; произвести личный обыск «покупателя» для фиксации факта наличия наркотиков, отсутствия ранее полученных денежных средств и изъятия соответствующих технических средств; получение у «продавца» образцов для сравнительного исследования (получение образцов крови и мочи, смывы с рук); назначение экспертиз (судебно-медицинской; материалов, веществ и изделий из них); допрос задержанного и лиц, присутствующих при задержании.

В зависимости от конкретных обстоятельств могут производиться и иные действия: осмотр места задержания, если таковое осуществлялось на открытой местности, обыск в помещении и т. д.

Таким образом, на основе знания типичных следственных ситуаций по данной категории дел и информации, имеющейся по конкретному делу, следует выдвигать версии и планировать расследование, с тем чтобы установить виновного и доказать все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

УДК 343.98

И.В. Капустина, О.В. Ровдо

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ К ДАННОМУ СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЙСТВИЮ

При подготовке к допросу подозреваемого (обвиняемого) достаточное внимание должно быть уделено определению места допроса, а также подготовке данного места. Место допроса следователь выбирает исходя из конкретных обстоятельств расследования. Проведенное нами анкетирование 26 сотрудников подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и осуществленный на его основе анализ практики организации допроса показывает, что следователи повсеместно и почти постоянно проводят допросы подозреваемых (обвиняемых) в своем кабинете, а если последние содержатся под стражей – в следственном изоляторе.

Разумеется, выбор данных мест для допроса наиболее целесообразен. Наряду с этим имеет место проведение допроса и в иных местах, которые определяются следователем в зависимости от личности допрашиваемого и обстоятельств расследуемого дела. Например, если подозреваемый (обвиняемый) задержан и доставлен в следственное подразделение, по общему правилу допрос производится в изоляторе временного содержания, что вполне обоснованно, так как его строгая обстановка оказывает на допрашиваемого дисциплинирующее воздействие. Однако, если такая обстановка оказывает на подозреваемого (обвиняемого) подавляющее воздействие, которое может привести его к самооговору и другим подобным негативным последствиям, следует допросить его в кабинете следователя. Могут быть и более специфические обстоятельства, требующие отказаться от допроса в изоляторе временного содержания. Так, в ходе интервьюирования следователь одного из подразделений Следственного комитета Республики Беларусь привел в качестве примера избрание как места допроса кабинета в

следственном изоляторе вместо кабинета в изоляторе временного содержания при допросе обвиняемой, которая не отказывалась от дачи показаний, но и не была настроена на них в связи с отсутствием в изоляторе временного содержания душа.

В зависимости от сложившихся обстоятельств допрос может быть произведен и в иных местах. Так, в ходе интервьюирования следователь одного из подразделений Следственного комитета Республики Беларусь привел в качестве примера ситуацию, когда несовершеннолетняя подозреваемая была допрошена им в помещении библиотеки – в знакомой и благоприятной для нее обстановке, располагающей к установлению психологического контакта.

По нашему мнению, допрос подозреваемого нельзя производить по месту его жительства. Так, в одном случае при подобном месте допроса обвиняемый угрожал следователю уничтожить материалы дела (и имел такую возможность), в другом – сказав, что идет на кухню попить воды, обвиняемый просто удалился из квартиры (информация получена в ходе интервьюирования следователя одного из подразделений Следственного комитета Республики Беларусь).

Весьма важной в рамках данного элемента криминалистической характеристикой является подготовка места допроса. При подготовке такого места необходимо, с точки зрения возможности применения тактических приемов, подумать о правильном размещении вещественных доказательств, т. е. разместить их таким образом, чтобы предъявление их подозреваемому (обвиняемому) оказалось неожиданным, чтобы последний не знал заранее, какими доказательствами располагает следователь, и не мог бы в связи с этим продумать ложные показания.

Если местом допроса является кабинет следователя, то в нем должна быть создана строгая обстановка, способствующая установлению психологического контакта, получению правдивых показаний: минимум мебели, никаких посторонних броских предметов, спокойные тона окраски стен, хорошая звукоизоляция. Но в то же время допустимо и желательно наличие в кабинете предметов, которые могли бы способствовать установлению психологического контакта. Например, если известно, что подозреваемый (обвиняемый) увлекается какой-либо музыкальной группой, футболом и т. п., можно разместить в кабинете соответствующий плакат, мяч и др. Подозреваемый (обвиняемый), увидев сходство своих интересов с интересами следователя, будет настроен на продуктивное общение и дачу правдивых показаний.

Кроме того, необходимо исключить посторонние раздражители: шум за дверью или в соседней комнате, близость окна и т. п. Отрицательно влияет на допрос нахождение в кабинете постороннего человека. В то время как в кабинетах следователей располагаются, обычно, не менее двух сотрудников, причем каждый из них может производить следствен-

ные действия с участием разных лиц по уголовным делам, находящимся в их производстве, одновременно. Представляется, что для качественного проведения допроса подозреваемого (обвиняемого) каждому следователю необходим отдельный кабинет, в котором будет создана соответствующая обстановка и в котором при допросе не будет других сотрудников и посторонних лиц, мешающих проведению следственного действия.

От того, как оборудован кабинет, какие созданы в нем условия для работы следователя и приема лиц, проходящих по делу, во многом зависит результат допроса.

Немаловажной является и подготовка места допроса с точки зрения обеспечения безопасности следователя либо предотвращения любых негативных действий со стороны подозреваемого (обвиняемого). Так, один из подозреваемых при допросе вылил на следователя заранее приготовленный флакон краски. Другой выпрыгнул в открытое окно кабинета на третьем этаже и пытался скрыться. Третий, схватив со стола следователя остро заточенный карандаш, нанес последнему удар в шею, причинив тяжкие телесные повреждения. (Информация получена в ходе проведенного интервьюирования следователей Следственного комитета Республики Беларусь.) Чтобы предотвратить подобное, необходима соответствующая подготовка кабинета: закрытое окно, отсутствие в кабинете предметов, которыми можно причинить повреждения, расположение стула для допрашиваемого на месте, не находящемся в непосредственной близости от следователя, окна и т. п.

Таким образом, правильное определение места допроса подозреваемого (обвиняемого) и тщательная подготовка данного места будут способствовать получению от допрашиваемого полных и правдивых показаний.

УДК 343.9

В.К. Кирвель

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИГРАФА В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Применение полиграфа в раскрытии преступлений органами внутренних дел было регламентировано ведомственным постановлением от 31 октября 2001 г. № 206, которым была утверждена Инструкция о порядке проведения органами внутренних дел Республики Беларусь опроса граждан с использованием полиграфа.

27 марта 2002 г. ведомственным приказом № 76 было утверждено Положение об отделе психолого-технического обеспечения раскрытия преступлений управления информационных технологий МВД Республики Беларусь, на сотрудников которого возлагалась обязанность в проведении опросов граждан с использованием полиграфа.

С указанного времени и по сентябрь 2013 г. сотрудниками ОВД было проведено более 16 920 опросов с использованием полиграфа. Было опрошено более 32 160 лиц. По результатам опросов была выявлена причастность к совершению преступлений более 5840 лиц. В ходе дальнейших оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий была подтверждена причастность к совершенным преступлениям более 3290 лиц, а также получено признание о совершении преступления от 2230 лиц. По результатам использования полиграфа в ходе проведения опросов граждан было раскрыто более 3830 преступлений. В результате проведения опросов с использованием полиграфа была установлена не причастность к совершенным преступлениям более 25 410 лиц и неопределенность результатов опроса в отношении 860 лиц.

С целью изучения имеющихся проблем при проведении опросов граждан с использованием полиграфа нами в июне – сентябре 2011 г. было проведено анкетирование сотрудников ОВД территориального, регионального и республиканского уровня: 104 сотрудника криминальной милиции, 110 сотрудников предварительного расследования и 13 сотрудников-полиграфологов.

На вопрос «являлись ли вы инициатором использования полиграфа при опросе граждан?» положительно ответили 34 % сотрудников криминальной милиции и 29 % сотрудников предварительного расследования.

На вопрос «является ли на ваш взгляд достаточным нормативно-правовое обеспечение использования полиграфа при опросе граждан, а именно: постановление МВД Республики Беларусь от 4 июля 2008 г. № 162 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения ОВД Республики Беларусь опроса граждан с использованием полиграфа», Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденное указом Президента Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 671?», анкетированные ответили: «да» – 31 % сотрудников криминальной милиции, 25 % сотрудников предварительного расследования и 31 % сотрудников-полиграфологов; «нет» – 30 % сотрудников криминальной милиции, 30 % сотрудников предварительного расследования и 62 % сотрудников-полиграфологов; «затрудняюсь ответить» – 39 % сотрудников криминальной милиции, 42 % сотрудников предварительного расследования и 7 % сотрудников-полиграфологов.

На вопрос «считаете ли вы необходимыми разработку и внедрение в правоохранительную практику следующих нормативных правовых документов: проекта постановления Совет Министров «О применении полиграфа в правоохранительной деятельности», которым бы утверждался Проект концептуальной модели инструкции о применении полиграфа правоохранительными органами?» анкетированные ответили: «да» – 63 % сотрудников криминальной милиции и предварительного расследования, 69 % сотрудников-полиграфологов; «нет» – 16 % сотрудников криминальной милиции, предварительного расследования, 23 % сотрудников-полиграфологов; «затрудняюсь ответить» – 21 % сотрудников криминальной милиции предварительного расследования, 8 % сотрудников-полиграфологов.

На вопрос «как вы оцениваете современное состояние (правовое, организационное, методическое, техническое и кадровое обеспечение) оперативных подразделений ОВД по проведению опросов с использованием полиграфа?» анкетированные ответили: «отличное» – 1 % сотрудников предварительного расследования; «хорошее» – 16 % сотрудников криминальной милиции, 9 % сотрудников предварительного расследования и 31 % сотрудников-полиграфологов; «удовлетворительное» – 42 % сотрудников криминальной милиции, 72 % сотрудников предварительного расследования и 69 % сотрудников-полиграфологов; «неудовлетворительное» – 39 % сотрудников криминальной милиции и 18 % сотрудников предварительного расследования.

На вопрос «что, по вашему мнению, наиболее эффективно может способствовать повышению качества проведения опроса с использованием полиграфа?» анкетированные ответили: «повышение квалификации оперативных работников, лиц, производящих дознание, и следователей» – 31 % сотрудников криминальной милиции, 32 % сотрудников предварительного расследования и 62 % сотрудников-полиграфологов; «повышение квалификации специалистов-полиграфологов» – 52 % сотрудников криминальной милиции, 51 % сотрудников предварительного расследования и 54 % сотрудников-полиграфологов; «наличие методических рекомендаций» – 18 % сотрудников криминальной милиции, 46 % сотрудников предварительного расследования и 23 % сотрудников-полиграфологов; «совершенствование нормативно-правового обеспечения» – 21 % сотрудников криминальной милиции, 37 % сотрудников предварительного расследования и 31 % сотрудников-полиграфологов; «затрудняюсь ответить» – 10 % сотрудников криминальной милиции и 8 % сотрудников предварительного расследования; «другие варианты ответа (указать какие)» – положительно ответили 9 %

сотрудников криминальной милиции, 2 % сотрудников предварительного расследования и 39 % сотрудников-полиграфологов.

На вопрос «можете ли вы привести убедительные примеры успешного использования полиграфа при опросе граждан из вашей практики?» анкетированные ответили: «да» – 19 % сотрудников криминальной милиции, 13 % сотрудников предварительного расследования и 92 % сотрудников-полиграфологов; «нет» – 54 % сотрудников криминальной милиции и 51 % сотрудников предварительного расследования; «затрудняюсь ответить» – 24 % сотрудников криминальной милиции, 32 % сотрудников предварительного расследования и 8 % сотрудников-полиграфологов; «если да, то приведите примеры» – положительно ответили 3 % сотрудников криминальной милиции, предварительного расследования, 15 % сотрудников-полиграфологов.

Полные результаты проведенного анкетирования были апробированы на межведомственном семинаре-совещании специалистов-полиграфологов Республики Беларусь в Гродно 22 сентября 2011 г.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в деятельности ОВД по проведению опросов граждан с использованием полиграфа есть проблемные вопросы, которые требуют дополнительного исследования, разработки и подготовки теоретико-правовых положений и практических рекомендаций.

Нам представляется возможным предложить следующие перспективы развития деятельности ОВД по проведению опросов граждан с использованием полиграфа:

1) повышение квалификации сотрудников криминальной милиции предварительного следствия, сотрудников-полиграфологов;

2) совершенствование нормативно-правового, организационного, методического, технического и кадрового обеспечения:

совершенствование нормативно-правового обеспечения – разработка проекта постановления Совета Министров «О применении полиграфа в правоохранительной деятельности», которым бы утверждался Проект концептуальной модели инструкции о применении полиграфа правоохранительными органами;

совершенствование методического обеспечения – разработка единого понятийного аппарата и естественнонаучных основ инструментального психофизиологического метода оценки достоверности сообщаемой человеком информации, разработка научно обоснованной методики (оценки достоверности сообщаемой человеком информации) и ее сертификация специально уполномоченным органом;

совершенствование технического обеспечения – сертификация программного обеспечения, технического оборудования (ПЭВМ, дополнительных блоков, модулей) специально уполномоченным органом;

совершенствование кадрового обеспечения – сертификация (лицензирование) профессиональной деятельности специально уполномоченным органом (экспертно-квалификационная комиссия).

Указанные предложения по совершенствованию деятельности ОВД в ходе использования полиграфа при опросе граждан были апробированы на республиканском семинаре-совещании «Использование полиграфа в деятельности ОВД и иных правоохранительных органов Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития» в Несвиже 27–28 сентября 2012 г.

УДК 343.98

Ж.И. Ковган

СУДЕБНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ

Развитие экономики, достижение высоких результатов в признании национальной продукции, работ и услуг на рынках зарубежных стран – одна из основных задач любого государства. По мере ее достижения появляются новые виды преступлений, которые задерживают эти процессы. Среди преступлений в сфере экономики наибольший удельный вес занимает криминальное банкротство.

В законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» дано следующее определение банкротства – это неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя.

В Инструкции о порядке определения наличия (отсутствия) признаков ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства), сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) или препятствования возмещению убытков кредитору, а также подготовки экспертных заключений по этим вопросам, утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 4 декабря 2012 г. № 107, как и в Уголовном кодексе Республики Беларусь, выделено три вида криминального банкротства:

1. Ложное банкротство. Для него характерно преследование должностным лицом организации корыстных целей (например, уклонение от возврата долгов). В этом случае в бухгалтерские документы вносятся искаженные данные.

2. Преднамеренное банкротство и препятствование возмещению убытков кредитору. Возникает в двух случаях:

- создание неплатежеспособности;
- увеличение неплатежеспособности.

Для создания описанных ситуаций может применяться такой способ, как заключение невыгодных сделок, которые способствуют уменьшению стоимости или размера имущества хозяйствующего субъекта.

3. Соккрытие банкротства. Суть сводится к тому, что в действительности организация не имеет достаточного количества средств, чтобы погасить свою задолженность перед кредиторами в полном объеме. Эта тенденция приобретает или носит устойчивый характер. С целью сокрытия реального положения дел искажается информация, заносимая в бухгалтерские документы.

Как показывает практика, криминальное банкротство сложно установить. Прежде всего это связано с тем, что для выявления данного вида преступления необходимы познания в области экономических наук. В связи с этим нередко при обнаружении тех или иных нарушений их не связывают с понятием криминального банкротства, а относят к другому уголовно наказуемому деянию (например, хищению). Одна из причин этого кроется в том, что для определения признаков банкротства необходимо проводить целостный анализ всех причин изменений в финансовой деятельности хозяйствующего объекта.

Кроме того, при расследовании данного вида преступления необходимо не только иметь информацию о наличии признаков того или иного вида криминального банкротства, но и иметь заключение компетентного лица – эксперта в области судебных экономических экспертиз.

Для установления субъективных причин банкротства необходимо провести анализ финансового состояния организации с расчетом всех необходимых коэффициентов на основании данных бухгалтерского учета и отчетности.

В связи с этим при назначении судебной экономической экспертизы орган, расследующий преступление по данному факту, должен принять все меры, чтобы своевременно произвести изъятие бухгалтерских документов из организации-банкрота, так как они являются основным и порой единственным источником доказательственной базы. С целью выяснения, какие именно документы необходимы для проведения экспертизы, нужно руководствоваться предписаниями вышеназванной инструкции или получить по данному вопросу консультацию у экспер-

та, которому будет назначено проведение экспертизы. Как правило, на рассмотрение эксперта представляются следующие документы организации-банкрота за исследуемый период:

учредительные документы;

бухгалтерская отчетность, в том числе регистры бухгалтерского учета;

документы, содержащие сведения о составе имущества с аналитической расшифровкой каждого вида имущества, а также перечень приобретенного или отчужденного имущества;

договоры, на основании которых производились отчуждение или приобретение имущества, увеличение или уменьшение кредиторской и дебиторской задолженности, иные документы по сделкам, повлекшим изменение финансового состояния и платежеспособности;

отчеты по оценке имущества;

перечень дебиторов и кредиторов с отдельным указанием сумм основной задолженности, процентов, неустойки (штрафа, пени) за ненадлежащее исполнение обязательств и сроков исполнения обязательств по каждому дебитору и кредитору;

сведения о размере задолженности по обязательным платежам, задолженности по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, а также по выплате выходных пособий, оплате труда работников, выплате вознаграждений по авторским договорам и заключенным с физическими лицами гражданско-правовым договорам, предметом которых является выполнение работ, оказание услуг и создание объектов интеллектуальной собственности;

выписки по текущим (расчетным) и иным счетам хозяйствующего субъекта в банке;

иные документы, нормативные правовые акты, регулирующие деятельность хозяйствующего субъекта.

Только при условии предоставления всех необходимых документов для проведения экспертизы может быть дано заключение эксперта о наличии или отсутствии признаков криминального банкротства.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что криминальное банкротство – это неотъемлемый атрибут рыночной экономики. Данное преступление является сложно доказуемым, признаки которого практически невозможно распознать без проведения судебной экономической экспертизы. Своевременное выявление и пресечение криминального банкротства влияет на экономическую стабильность и безопасность государства, обеспечивает гарантии сохранности имущества и денежных средств собственников организаций и учреждений, финансовых институтов.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА
В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Криминалистическая тактика как раздел криминалистической науки тесно связана с другими областями этой отрасли знания, а также с теми науками, с которыми связана криминалистика в целом. Не останавливаясь на теоретических рассуждениях по каждой из них, считаем целесообразным остановиться на определении ее взаимодействия с тактикой оперативно-розыскных мероприятий.

Бесспорно, что на первоначальном этапе теория оперативно-розыскной деятельности возникла и развивалась как часть криминалистики, как элемент ее составных частей, разделов.

Вместе с тем в последнее десятилетие происходила интенсивная разработка всех разделов теории оперативно-розыскной деятельности. И в настоящее время ее предметом является группа специфических объективных закономерностей борьбы с преступностью, которая раскрывается как система поисковых, оперативно-розыскных и иных мероприятий, осуществляемых преимущественно специальными средствами и методами в целях предотвращения и раскрытия преступлений, а также розыска без вести пропавших лиц и скрывшихся преступников.

Данное развитие позволяет констатировать факт не подчиненности, а тесного взаимодействия как самостоятельных разделов науки для повышения эффективности в работе правоохранительных органов.

В криминалистической тактике широко используются возможности оперативно-розыскной деятельности. И данная связь не ограничивается организацией и проведением различных технических мероприятий, в том числе ограничивающих конституционные права граждан. Назрела необходимость тесного взаимодействия и в принятии управленческих решений по разработке технических приемов подготовки и проведения отдельных следственных действий, когда имеется определенная оперативная информация.

Актуальность данной проблемы обусловлена существенными изменениями, произошедшими в структуре органов внутренних дел, и прежде всего созданием самостоятельного подразделения Следственного комитета Республики Беларусь, поэтому необходимо проработать механизм применения тактических приемов следователем при взаимодействии с сотрудниками органов внутренних дел и в первую очередь криминальной милиции.

Наличие общих целей в борьбе с преступностью должно стать краеугольным камнем объединения усилий данных ведомств, а проводимые оперативными сотрудниками оперативно-розыскные и иные мероприятия, осуществляемые как до возбуждения уголовного дела, так и в ходе предварительного расследования, должны осуществляться при тесном взаимодействии данных служб.

Вместе с тем в действительности эти отношения из разряда смежных стали переходить в ранг подчиненности, а временами и вовсе ограничиваются перепиской путем направления отдельных поручений и формальных ответов по ним.

Исходя из изложенного, считаем целесообразным рассматривать современное применение криминалистической тактики в ходе расследования уголовных дел в тесном взаимодействии с тактическими приемами оперативно-розыскной деятельности. На наш взгляд, повышение ее эффективности возможно по следующим направлениям.

1. В сложившейся ситуации становится актуальной роль Академии МВД Республики Беларусь, на которую возложена задача подготовки квалифицированных кадров как для органов внутренних дел, так и для подразделений Следственного комитета. Поэтому от того, насколько вопрос взаимодействия будет проработан в ходе учебного процесса, зависит его практическое применение в повседневной служебной деятельности.

С одной стороны, курсант, который проходит обучение для работы в подразделениях криминальной милиции, в ходе учебного процесса должен в совершенстве овладеть тактическими приемами получения оперативно-розыскной информации и понимать ее значение при последующем использовании в ходе расследования уголовного дела, а с другой – будущий следователь должен осознавать, что совершенствование оперативно-розыскной деятельности напрямую приводит к увеличению объема и разнообразию оперативно-розыскной информации, которая может быть использована в доказывании.

2. Назрела необходимость подготовки совместных нормативных документов, регламентирующих взаимодействие работников Следственного комитета с сотрудниками органов внутренних дел и прежде всего криминальной милиции, так как действующие нормы уголовно-процессуального кодекса создают правовое поле, но не обозначают методики применения на практике тактических приемов для повышения их эффективности. Действующий приказ МВД Республики Беларусь № 120дсп 2011 г. не отвечает предъявляемым требованиям прежде всего ввиду произошедших существенных изменений в структуре органов внутренних дел.

3. В настоящее время вопросы взаимодействия рассматриваются на координационных совещаниях при прокурорах различного уровня. Однако сегодня становится актуальным проведение подобных рабочих встреч на системной основе с целью гибкого реагирования на склады-

вающуюся оперативную обстановку, при этом предметом рассмотрения может быть как целый блок вопросов, так и выработка плана совместных действий при расследовании конкретного уголовного дела.

4. Построение криминалистической версии должно стать первым звеном в планировании совместной работы следователя и оперативного сотрудника. Изучение целого ряда уголовных дел, возбужденных по фактам совершения тяжких и особо тяжких преступлений по линии уголовного розыска, показывает, что организация работы по выдвинутым версиям существенно разнится от выполненного объема в рамках уголовно-розыскного дела, что говорит о различном приоритете выдвинутых версий, а в конечном итоге влияет на установление виновных лиц.

5. Тактика проведения допроса, а также ряда других следственных действий без предварительного проведения оперативно-розыскных мероприятий не эффективна, что влечет потерю наступательности при расследовании уголовных дел и дает возможность подозреваемым лицам в конечном итоге избежать привлечения к ответственности.

6. В практической деятельности работа следователя при использовании тактического приема должна строиться исходя из полученной оперативной информации, при осторожном отношении к ее источнику. Практика легализации информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий, с одной стороны, служит для доказательства виновности фигуранта, а с другой – граничит с расшифровкой ее происхождения и является своеобразной «школой» для криминалиста при планировании и совершении преступлений в дальнейшем.

Таким образом, взаимодействие тактических приемов криминалистики с оперативно-розыскными и иными мероприятиями оперативно-розыскной деятельности через выполнение служебных обязанностей сотрудниками Следственного комитета и криминальной милиции органов внутренних дел должно стать действенной нормой повышения эффективности в борьбе с преступностью.

УДК 343.95

Я.И. Ком

БАЗИСНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Чрезвычайно важным компонентом профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога является выполнение определенных этических принципов и норм. К сожалению, этические проблемы работы экспертов-психологов, равно как и психологов других специализаций, в

отечественной литературе практически не рассматривались. В целом наиболее общим ориентиром для судебных и медицинских психологов в настоящее время может служить Кодекс профессиональной этики психиатра, основные положения которого совпадают с этическими нормами для профессионального психолога. Но очевидно, что деятельность психолога при производстве судебной экспертизы имеет свою специфику.

Судебная экспертиза является одним из необходимых средств выяснения истины по уголовному делу. Судебно-психологическая и комплексные экспертизы производятся в интересах прежде всего общества в целом, поскольку деятельность эксперта-психолога вплотную примыкает к работе правоохранительных органов. В то же время невозможно игнорировать то обстоятельство, что производство судебной экспертизы защищает и интересы подэкспертных лиц – будь то обвиняемый, потерпевший или свидетель. Нельзя, разумеется, понимать интересы подэкспертных упрощенно, как их личную выгоду, уклонение от ответственности – главным является справедливое объективное решение вопросов, составляющих предмет судебно-психологической экспертизы.

Этические проблемы возникают тогда, когда люди вступают между собой в определенные взаимоотношения, осуществляют совместную деятельность. Понимание целей экспертизы в совокупности с тем обстоятельством, что судебный психолог-эксперт для их достижения должен эффективно взаимодействовать с органом, назначившим экспертизу, с подэкспертными лицами и, наконец, с коллегами, определяет необходимость осознания им определенных этических принципов и их усвоения в своей профессиональной деятельности в качестве нравственной позиции.

Базисные принципы этики судебного эксперта-психолога совпадают с наиболее общими принципами этики практической психологии и биомедицины (гуманизм, ответственность, непричинение вреда, благодеяние, справедливость). Однако использование заключения судебно-психологической экспертизы судебно-следственными органами определяет некоторую специфику практического применения этических норм экспертом-психологом в отличие от использования этих же норм психологами, осуществляющими консультирование, диагностику в условиях психиатрической клиники, психотерапию и психокоррекцию, другие виды оказания психологической помощи. Эти отличия детерминируются тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, судебный эксперт-психолог взаимодействует не с пациентами, которые нуждаются в психологической помощи и подвергаются психодиагностическому исследованию добровольно, исходя из своих потребностей и личной заинтересованности, а осуществляет исследование испытуемых, либо преступивших закон, либо ставших жертвами противоправных действий, что определяет своеобразие социального взаимодействия, общения между ними.

Во-вторых, эксперт-психолог в силу своего процессуального положения обладает большой властью над испытуемыми – от его выводов часто зависит дальнейшая судьба подэкспертного лица (например, для обвиняемых – квалификация статей Уголовного кодекса (с разными мерами и сроками наказания), назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств и т. д.). Зависимость подэкспертных лиц от психодиагностических выводов психолога, используемых в судопроизводстве, накладывает на эксперта огромную ответственность за свои решения.

В-третьих, и это главное, деятельность психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, регулируется законодательно. Он несет уголовную ответственность за определенные действия, нарушающие уголовно-процессуальную регламентацию его деятельности, обладает совокупностью обязанностей и прав.

Взаимоотношение законности и этики, законодательной регуляции деятельности эксперта-психолога и этических норм в рамках производства экспертизы можно обозначить принципом «воронки»: психолог должен действовать строго в рамках закона, соблюдать его, но варианты поведения, часто альтернативные, в разных ситуациях при проведении экспертизы (которые в силу своего разнообразия просто не могут быть оговорены в законе) подразумевают этический, моральный выбор, диктуемый общей нравственной позицией эксперта-психолога.

Приведем один из типичных примеров, иллюстрирующих взаимоотношения этики и законности в деятельности судебного эксперта-психолога. Следователем назначена судебно-психологическая экспертиза обвиняемого в убийстве, в постановлении вынесены вопросы к эксперту: «Каковы индивидуально-психологические особенности обвиняемого? Оказали ли они существенное влияние на его поведение при совершении инкриминируемых ему действий?». Эксперт-психолог, ознакомившись с материалами уголовного дела и уяснив фабулу дела, предположил, что необходимо дополнительно к вопросам следователя исследовать возможность того, что обвиняемый в момент совершения убийства находился в состоянии аффекта. Эксперт имеет определенное Уголовно-процессуальным кодексом право отвечать на вопросы, не заданные органом, назначившим экспертизу, если они имеют значение для дела и входят в его компетенцию. Однако эксперту для ответа на вопрос, не сформулированный в постановлении следователя, необходимо провести дополнительные исследования – провести более объемный и глубокий анализ материалов уголовного дела, применить большее количество экспериментально-психологических методик и потратить больше времени на клинико-психологическую беседу. Нравственная коллизия заключается в выборе между достижением истины и справедливости по делу, взятием на себя ответственно-

сти за последствия реализации своего права, непричинением вреда подэкспертному (квалификация убийства в состоянии аффекта существенно уменьшает сроки лишения свободы, следовательно, игнорирование данного обстоятельства приведет к более суровому, чем должно, наказанию), с одной стороны, и такими возможными факторами, как нехватка времени у эксперта, сознание того, что дополнительного вознаграждения за увеличение объема работы и времени он не получит, возможная личная антипатия психолога к подэкспертному, возникшая в результате вызывающего поведения последнего во время проведения экспертизы, требование следователя провести экспертизу побыстрее из-за лимита сроков следствия и т. п. – с другой.

Эксперт-психолог, сталкиваясь со сложными этическими коллизиями в своей работе, должен реализовывать наиболее общие нравственные ценности: служение истине и справедливости, беспристрастность, объективность, ответственность. Эти ценности и определяют основные этические принципы деятельности судебного эксперта-психолога.

УДК 343.985.7

А.И. Куликовская

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Процесс расследования преступлений транснационального характера вызывает значительные трудности у сотрудников правоохранительных органов. При разработке и внедрении методики расследования вида или группы преступлений важно определиться с предметом исследования. В научных и практических целях необходимо четко представлять существенные признаки того явления объективной действительности, которое охватывается дефиницией «преступление транснационального характера».

К сожалению, в национальном законодательстве и в литературных источниках отсутствует определение рассматриваемого понятия. В то же время специалисты в области криминологии, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности единодушно в качестве отличительного признака преступлений транснационального характера выделяют их «выход», «распространение» за пределы национальных границ одной страны. Однако сформулированный таким образом признак является малоинформативным с точки зрения предмета науки криминалистики. Полагаем, наиболее полно сущность рассматриваемых уголовно нака-

зуемых деяний в криминалистических целях раскрывается через описание криминальной деятельности, представляющей совокупность последовательных и взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступного результата, затрагивающих территории двух и более государств. В результате ее развития в пространстве через государственные границы происходит обращение потоков информации, энергии, денег, физических объектов, людей и иных средств, как итог – устанавливаются транснациональные связи. Именно последние выступают в качестве существенного признака, который позволяет выделить из общего массива общественно опасные деяния транснационального характера. Как показывает практика, рассматриваемые преступления совершают организованные преступные группы и организации, а также отдельные лица (например, немало случаев, когда в соответствии со ст. 174 УК Республики Беларусь лицо уклоняется от уплаты алиментов по решению суда в результате переезда за границу).

Как основа для формирования соответствующей методики расследования совокупность преступлений транснационального характера представляет собой разнообразную по своему видовому составу группу общественно опасных деяний, выделенных в результате криминалистической классификации, на основе криминалистически значимого признака, обусловленного спецификой места совершения рассматриваемых общественно опасных деяний. В нашем случае оно охватывает территории двух и более государств. Данная криминалистическая классификация преступлений служит потребностям практики и создает предпосылки дальнейшего развития криминалистической методики. Однако на современном этапе это направление мало разработано, поэтому ряд методологических положений, касающихся содержания, структуры и задач таких методик расследования групп преступлений, а также их места в системе заключительного раздела науки криминалистики, остается дискуссионным.

Бесспорным является положение, что через структуру и содержание методики расследования отражается ее предмет, который охватывает обусловленные следовой картиной закономерности поисково-познавательных процессов, поэтому большинство ученых-криминалистов в структуре методик в качестве обязательных выделяют две подсистемы (основы, части, два блока), каждая из которых характеризует криминальную деятельность, связанную с совершением определенных преступлений, и деятельность, связанную с их расследованием.

На основе изучения научно-теоретических, правовых источников, а также практического опыта полагаем, что методика расследования преступлений транснационального характера по своему содержанию и построению должна быть информационно-деятельностной системой.

В связи с этим информационные основы указанной методики должны характеризовать криминалистически значимые элементы преступлений транснационального характера. Ее деятельностные основы должны содержать сведения об особенностях расследования рассматриваемой группы уголовно наказуемых деяний с учетом следственных ситуаций, а также – практически значимые рекомендации, направленные на оптимизацию указанного процесса.

Преступления транснационального характера (достаточно большой и разнообразный круг исследуемых деяний) имеют мало общих, объединяющих их признаков. Закономерно, чем меньше степень общего, что объединяет выделенные явления, тем более схематична и менее подробна о них информация. Поэтому методика расследования рассматриваемых общественно опасных деяний, разработанная в результате такого обобщения, предполагает определенный уровень абстрагирования и обобщенности. Методики, которые отражают наиболее общие закономерности подготовки, совершения и сокрытия преступлений, средств и приемов их расследования, именуются «базовыми» или «общими». Подобные методики целесообразно использовать в качестве фундамента для разработки методических рекомендаций и методик расследования видов и групп преступлений меньшего уровня абстрагирования от частных.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что под преступлениями транснационального характера следует понимать общественно опасные деяния, круг которых не ограничивается по признаку вида и (или) субъекта преступления, а подготовка, совершение, сокрытие и (или) преступный результат которых имеют связь с территориями двух и более государств.

Криминалистическая классификация преступлений транснационального характера производится не по уголовно-правовому, а по криминалистически значимому основанию, в качестве которого выступает такой элемент общественно опасных деяний, как место их совершения. Именно место совершения рассматриваемых преступлений обуславливает их существенный признак – наличие в связанной с ними деятельности транснациональной связи.

Методика расследования преступлений транснационального характера может быть представлена в виде комплекса информационных и деятельностных основ. Информационные основы данной методики составляет система криминалистически значимых сведений об особенностях места, механизма, способов совершения общественно опасных деяний рассматриваемой группы, их следовой картины и других значимых элементах таких преступлений. Деятельностные основы данной методики составляют криминалистически значимые сведения о следст-

венных ситуациях, этапах и подлежащих решению задачах на каждом из них в процессе расследования рассматриваемых уголовно наказуемых деяний с рекомендациями и предложениями по оптимизации связанной с этим деятельности.

УДК 343.98

В.М. Логвин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ

Биологические следы являются одним из важных доказательств совершенного преступления. Правильно и грамотно используемые способы их выявления, фиксации, изъятия, хранения, направления для дальнейшего исследования очень важны. Исследование в криминалистической лаборатории обеспечивает достоверные выводы экспертизы, помогает ответить на многие вопросы органов уголовного преследования, повышает доводы обвинения.

В цепочке алгоритма работы со следами биологического происхождения важное место занимают действия должностных лиц различных правоохранительных органов по обеспечению сохранности таких следов. Следует отметить, что специальных работ, посвященных сохранности следов биологического происхождения, среди доступной литературы практически не имеется. Во многом это связано с тем, что в теории криминалистики при рассмотрении вопросов собирания доказательств основной упор делается на их обнаружение, фиксацию и изъятие. В то же время необходимость обеспечения сохранности следов, объектов после их изъятия во многих случаях не подчеркивается, а иногда вовсе игнорируется.

Необходимость обеспечения сохранности биологических следов чаще всего возникает по уголовным делам о насильственных преступлениях. Как правило, при производстве осмотра места происшествия, других следственных действий изымается большое количество объектов, предметов со следами биологического происхождения (например, одежда пострадавшего, обильно пропитанная кровью). Такого рода предметы в обязательном порядке подлежат фиксации и изъятию, поскольку могут являться объектами исследования различных судебных экспертиз. Изъятые объекты со следами биологического происхождения могут определенное время храниться в кабинетах должностных лиц органов уголовного преследования, специальных помещениях для хранения вещественных доказательств, которые оборудованы в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь, Министер-

ства внутренних дел Республики Беларусь и других государственных органов, которые наделены функцией уголовного преследования (п. 11 Инструкции о взаимодействии государственных органов при изъятии, учете, хранении и передаче вещественных доказательств, денежных средств, ценностей, ценных бумаг, наград, документов и иного имущества по уголовным делам, утвержденной постановлением Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, МВД, МЧС, КГБ, Государственного таможенного комитета, Государственного пограничного комитета, Министерства обороны, Национального банка, Министерства здравоохранения, Министерства финансов Республики Беларусь от 7 марта 2013 г. № 9/47/62/12/16/3/2/4/3/5311/15/13).

В имеющихся рекомендациях по работе со следами биологического происхождения указывается на то, что все влажные предметы со следами перед упаковкой должны высушиваться. Если это невозможно осуществить на месте осмотра, то их временно упаковывают, а затем сушат на месте их хранения. И после вновь упаковывают (Шамонова Т.Н. Осмотр места обнаружения признаков убийства : учеб. пособие. М., 2010. С. 136). Рекомендуются следы крови, спермы, мочи, слюны на одежде сушить при комнатной температуре вдали от обогревательных устройств, избегая попадания солнечных лучей (Работа со следами биологического происхождения на месте происшествия. М., 1992. С. 127; Шамонова Т.Н. Следы человека на месте преступления, их роль в доказывании (биологический аспект). М., 2009. С. 119–127).

Анализ содержания названных и иных работ по рассматриваемой проблеме вызывает ряд вопросов, разрешение которых имеет важное практическое значение. К их числу можно отнести следующие: возможно ли осуществление сушки влажных объектов в «полевых условиях», с соблюдением всех необходимых требований к данному процессу; каким образом возможно определение состояния влажности объекта (достиг он желаемой кондиции в ходе сушки или сушку необходимо продолжить); следует ли следователю, лицу, производящему дознание, самостоятельно осуществлять сушку влажных объектов в своих служебных кабинетах; как правильно это оформить процессуально?

Перечисленные вопросы, возникающие при рассмотрении данной проблемы, не являются риторическими. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства ответа на них не дает. Рекомендации специалистов по этому поводу сводятся, как правило, к информированию должностных лиц, осуществляющих расследование, о необходимости сушки влажных объектов и к указанию на негативные последствия вследствие их игнорирования. Так, в одном из справочных пособий, которым пользуются следователи Следственного комитета Республики Беларусь, сотрудники органов внутренних дел и других

правоохранительных органов по этому поводу говорится, что «все изъятые объекты перед упаковкой должны быть обязательно высушены при комнатной температуре. Нельзя для этих целей использовать нагревательные приборы (батареи, лампы, утюги), а также следует избегать просушивания на солнце. Если в условиях следственного действия объекты нельзя просушить, то их упаковка должна быть временной – только для транспортировки, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая отметка. В дальнейшем объекты должны быть просушены. Требование о просушивании изымаемых объектов при комнатной температуре является основным при упаковке биологических объектов. Нарушение данного требования ведет к потере изъятых объектов. Просушивание объектов биологического происхождения при высоких температурах приводит к температурному разрушению веществ биологического происхождения. Упаковка во влажном виде приводит к возникновению процессов гниения, а следовательно, к потере или уничтожению объектов биологического происхождения» (Экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел, их возможности по исследованию вещественных доказательств / под общ. ред. В.О. Лагуновского. Минск, 2008. С. 138). Переизданный вариант этого пособия содержит информацию о том, что «все изъятые объекты перед упаковкой должны быть обязательно высушены при комнатной температуре» (Возможности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь по исследованию объектов и вещественных доказательств. Минск, 2012. С. 56). В то же время в названном и иных пособиях отсутствуют какие-либо рекомендации относительно того, как осуществить просушивание объектов в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются, как при этом избежать привнесения на подвергаемые сушке объекты биологических следов лиц, участвующих в следственном действии или оказавшихся в кабинете следователя (лица, производящего дознание) по каким-либо причинам.

Возникает вопрос и относительно процессуального оформления процесса сушки влажных объектов в рабочем кабинете следователя. По нашему мнению, ход и результаты этого процесса должны быть зафиксированы в ходе осмотра предметов. Для участия в этом следственном действии может быть привлечен соответствующий специалист. В ходе осуществления данного действия необходимо: вскрыть упаковку, в которой хранится изъятый влажный объект; отразить действия следователя (лица, производящего дознание) относительно осматриваемого объекта; указать перечень технических средств, используемых в ходе осмотра, температурный режим помещения в котором производится осмотр, последовательность проведения данного следственного действия, время

его начала и окончания; зафиксировать сведения об упаковке высушенного объекта и др. Следует иметь в виду, что время сушки может быть весьма продолжительным. В этой связи есть необходимость в ограничении доступа сотрудников и иных лиц в помещение, где проводится осмотр. Представляется, что проведение подобного следственного действия должно вызываться исключительными обстоятельствами. Например, нет возможности сразу после осмотра места происшествия или проведения другого следственного действия направить объект в экспертное учреждение для проведения соответствующих исследований или нет необходимости в их назначении. Во всех остальных случаях следует исходить из того, что действия следователя (лица, производящего дознание) в отношении подобного рода объектов могут привести к порче и утере доказательств, принесению в них изменений, что может негативно отразиться на результатах расследования конкретных преступлений.

Другим важным аргументом, который позволяет вести речь об исключительности проведения осмотра влажных предметов, является то обстоятельство, что в данной ситуации невозможно обеспечить надлежащие условия сушки (отсутствие технических средств и оборудования, доступ посторонних лиц и т. д.). Очевидным является то обстоятельство, что в подобных ситуациях изъятые влажные объекты должны передаваться на хранение в подразделения Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, где имеются соответствующие условия для осуществления такого процесса. По крайней мере, на данный момент производители криминалистической техники предлагают правоохранительным органам достаточно большой выбор оборудования, которое способно разрешить подобного рода проблему и значительно повысить эффективность расследования преступлений. Например, в нашем случае может использоваться сушильный шкаф для уликов DrySafe™, который имеет многофункциональное предназначение. Данное техническое средство может использоваться для сушки мокрой одежды, тканей и прочих материалов, испачканных кровью и другими биологическими выделениями, без нарушения внешнего вида уликов и их целостности. Процесс сушки предотвращает «загрязнение» уликов благодаря отсутствию контакта с окружающей средой.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения обозначенной проблемы, можно сделать следующие выводы: имеющиеся рекомендации о работе со следами биологического происхождения отражают в основном вопросы обнаружения, фиксации и изъятия подобных следов, а вопросы их сохранности затрагиваются весьма поверхностно либо вообще не отмечаются; влажные предметы с биологическими следами необходимо передавать на хранение и сушку в подразделения Государ-

ственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Их осмотр на рабочем месте следователя, лица, производящего дознание, следует проводить только в исключительных случаях с участием соответствующего специалиста; вопросы хранения влажных предметов с биологическими следами должны найти свое закрепление в Инструкции о взаимодействии государственных органов при изъятии, учете, хранении и передаче вещественных доказательств, денежных средств, ценностей, ценных бумаг, наград, документов и иного имущества по уголовным делам, а возможно и в УПК Республики Беларусь.

УДК 343.982.43

Е.Л. Лужинская

О ПРОВЕДЕНИИ КОМПЛЕКСНЫХ, КОМИССИОННЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ГОСУДАРСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь начал свою деятельность 1 июля 2013 г. Он был учрежден указом Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202 с целью создания условий обеспечения независимости экспертной деятельности и повышения ее эффективности. Его структура была создана на базе Государственной службы медицинских судебных экспертиз, экспертных подразделений органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, Вооруженных сил и экспертных подразделений Министерства юстиции Республики Беларусь. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь подчиняется непосредственно Президенту страны и осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательными актами в сфере судебно-экспертной деятельности.

Председатель Государственного комитета судебных экспертиз А.И. Швед в своем интервью в средствах массовой информации выделил в сфере судебно-экспертной деятельности целый комплекс нерешенных проблем, основной из которых является превышение сроков производства «сложных» экспертиз. По данным статистики, по каждому пятому уголовному делу сроки следствия продлеваются только из-за длительности проведения назначенных экспертиз. В данном контексте под «сложными» экспертизами предлагается понимать комплексные многообъектные, комиссионные экспертизы.

В частности, в отдел дактилоскопии и портретной идентификации с 1 июля 2013 г. по настоящее время поступило 114 экспертиз, из них 95 % комплексных (дактилоскопических судебно-биологических) в том числе 70 % многообъектных и 25 % с одним-двумя объектами исследования. Одним из путей решения проблемы сокращения сроков производства экспертиз является исполнение дактилоскопических экспертиз, входящих в комплексные, назначенных по материалам проверок, по имущественным преступлениям, а также с одним-двумя объектами исследования, в территориальных отделах, управлениях Государственного комитета судебных экспертиз. При этом для последующего проведения судебно-биологических исследований эксперт в ходе производства дактилоскопической экспертизы обязан использовать методы выявления следов рук, обеспечивающих сохранность биологического материала (в частности, обработка объектов дактилоскопическими порошками, растворами нингидрина). После проведения дактилоскопической экспертизы, входящей в состав комплексной (судебно-биологической) экспертизы, объекты исследования направляются в управление судебно-биологических экспертиз центрального аппарата ГКСЭ.

Также возможно сократить сроки производства многообъектных экспертиз в рамках одного рода, вида экспертизы путем выполнения их несколькими экспертами единой специальности. Руководитель подразделения может поручить исполнение такой экспертизы и одному эксперту, однако это неизбежно будет вести к увеличению сроков ее производства; эксперт физически не может быстро исследовать несколько сотен объектов, даже если перед ним поставлен один вопрос (например, имеются ли на 300 листах уголовного дела № 13120000... следы рук, пригодные для идентификации; не выполнены ли подозреваемым лицом подписи в ведомостях за несколько месяцев; не оставлены ли данным штампом какие-либо отпечатки в накладных, изготовленных в течение года). В связи с этим в настоящее время в центральном аппарате ГКСЭ проведение многообъектных экспертиз в рамках уголовных дел по резонансным, особо тяжким преступлениям осуществляется комиссионно. Всем экспертам исследовать одни и те же объекты нет смысла, поэтому каждый эксперт исследует круг объектов, определенный ему руководителем экспертного подразделения. При проведении комиссионной экспертизы эксперты совместно анализируют полученные результаты и, придя к единому мнению (выводу), составляют и подписывают единое заключение или акт о невозможности дать заключение.

Изложенные выше позиции в настоящее время значительно помогают снизить сроки производства экспертиз.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Системные процессы в криминалистике приобретают все более значимый характер для обеспечения решений практических задач. Именно комплексный характер подхода к оптимизации выбора сил и средств их выполнения предопределяет эффективность действий, методологически обеспечивающих результат. Как в основе методологии криминалистики, так и технико-криминалистического обеспечения (ТКО), соотносящегося с ней как частное с общим, находятся основополагающие закономерности, предопределяющие систему в целом и сам порядок форм и видов криминалистической деятельности, их характер при решении частных криминалистических задач. Одна из данных закономерностей устанавливает и определяет базовые характеристики организации, осуществления всех форм и видов криминалистической деятельности, строящейся на том, что независимо от вида отдельно взятого преступления и всей преступной деятельности в целом (с точки зрения криминалистической интерпретации философской категории свойства материи, – отражения и теории информации) мы в любом случае имеем дело с системными объектами и процессами как формами их проявления.

Уровень отражения преступлений в их материальной и идеальной структурах и формах соответствующих им следовых картин до информационного уровня отражения их содержания и его структур, на наш взгляд, более полно отражает на сегодня и в перспективе дальнейшие исследования сущности данных явлений в сравнении с ранее предложенными формами их оценки, часто несущими в себе отражение утилитарного мышления в отношении как данных категорий, так и элементов, их составляющих.

Вышеуказанное, с нашей точки зрения, представляет исследователям основу для более содержательного и полного представления о дальнейших направлениях исследований локальных криминалистических процессов и прежде всего формирования направлений своих исследований исходя из методологических основ, предопределяющих базовые направления развития как современной криминалистики в целом, так и системы ТКО.

Позволяя рассматривать данные и ряд взаимосвязанных с ними явлений не изолированно (что оправдано рамками научного изучения их аспектов), а как элементы взаимосвязанных факторных процессов, проявляющих себя в развитии государственных функций, во взаимодействии

со структурными процессами, отражающими в целом динамику развития социальных систем, при построении эффективной системы ТКО в практической деятельности следует исходить из положения об обязательном равном уровне и взаимосвязи всех элементов системы, обеспечивающих данную деятельность, лишь в этом случае гарантирующую прогностическую оценку и корректируемый в процессе выполнения эффективный результат. А это требует методологической оптимизации соответствия системы построения подходов к решениям до получения результатов во избежание констатации их неэффективности.

С теоретической точки зрения для более правильного и целостного восприятия имеющих место явлений и процессов в криминалистической деятельности (и в частности в рамках ТКО) следует сформулировать новое определение понятия криминалистических объектов: это отражение современного понимания содержания их сущности, а именно «системных криминалистических объектов»; это отражение констатации факта (в широком значении этого понятия), в принципе никогда не существовавшего и не существующего.

Так как «локальность», с нашей точки зрения, – это всего лишь элемент «частного, в общем», с позиции современных исследований имеющих глубокую межсистемную, межвидовую, межформенную и межсредовую взаимосвязь, проявление и отображение которых во всех случаях (отражение форм степени сложности движения материи) именно только так и следует описывать и воспринимать. С этой точки зрения современное определение криминалистических (криминалистически значимых) объектов может быть сформулировано следующим образом: криминалистические объекты – это физически и идеально отображенные во времени и пространстве элементы информационной структуры преступления, обладающие системными и межсистемными связями взаимодействия и отображения и единой информационно обусловленной сущностью, обладающие как объективными, так и ситуационно характеризующими параметрами, предопределенными ситуационной обусловленностью их отражения в силу свойств окружающей среды.

Это характеризует данные объекты как криминалистически информационно содержательные и подчиняющиеся законам и формам движения материи, несущие в себе отражение закономерностей и свойств их проявления на основе ситуационной и тенденциозной обусловленностей влияния на характер их собственного отражения и восприятия, имеющего и свои уровни взаимообусловленности отражательных взаимосвязей действия средовых отображений с характером их идеального восприятия и отражения в сознании субъектов криминалистической деятельности и их криминалистическим анализом на уровне решения предварительных, специальных и экспертных исследовательских задач.

Это предопределяет внутреннюю целостность как вариационности отображения, так и взаимосвязи непосредственного восприятия и возможной роли криминалистически значимых объектов в процессе обеспечения доказывания в зависимости от характера и свойств их самих, состояний и свойств их отражающих сред, а также и субъективных факторов целостности и степени сочетания уровня подготовки и ТКО субъектов криминалистической деятельности, что в свою очередь предопределяет и закономерную последовательность, и характер требуемых для этих целей технико-криминалистических средств и технологий, и степень сочетания и владения ими на основе необходимости постоянного совершенствования навыков, умений специалистами криминалистических подразделений, реализующими криминалистические знания в ситуационно обусловленной системе отображения криминалистических координат следовых картин преступлений.

Это в криминалистическом аспекте указывает на то, что вся криминалистическая деятельность, обеспечивающаяся в том числе и технико-криминалистическими мерами, эффективность системы расследования преступлений, как в частности, так и целом, представляет собой нечто иное, как системный пространственно-временной процесс, эффективность которого, как и системы ТКО, зависит от степени их соответствия уровню решения практических задач, обеспечиваемых характером корреспонденции требований практики с уровнем теоретических исследований и характером обучения, формирующим данный процесс в графическом виде, представляя собой линию, характеризующуюся точками состояний, отражающих степень уровня его соответствия и не соответствия характеру решаемых системой востребованных практической задач, что в методологическом и методическом плане определяет потенциал взаимоанализа и коррекции процесса, отражая баланс между пониманием сущности решений и возможностями их реализации, обеспечивая выбор уровня ТКО исходя из моделирования конкретики условий, предопределяющих возможный результат.

Таким образом, все вышесказанное позволяет не только с более широких позиций подходить к оценке содержания современной и перспективной криминалистической деятельности и ТКО, но и строить их модели исходя из оптимизации соотношения эффективности и экономии сил и средств. Более того, это позволяет шире представлять весь характер организации данного вида деятельности, как в практическом плане, так и в плане организации ее теоретического и учебно-методического обеспечения в целом.

ПРОЯВЛЕНИЕ В ПОЧЕРКЕ ДЕПРЕССИВНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЯ РУКОПИСИ

Диагностика состояний личности по почерку является актуальным и перспективным направлением исследований в судебном почерковедении. Изучение почерка в соотнесении с характеристиками личности и индивидуальности имеет большое значение для практики и развития научных основ судебно-почерковедческой диагностики.

Психологические свойства и психические состояния рассматриваются нами в связи с задачей их установления и дифференциации по почерку.

Теоретические положения, обосновывающие взаимосвязь признаков почерка и характеристик личности, опираются на учение о психофизиологической природе почерка и исследования психомоторного развития человека. В психомоторике находят свое отражение большинство психологических характеристик, причем их проявление носит устойчивый характер в связи с формированием динамических стереотипов деятельности. Изучение эмоционально обусловленных свойств и состояний человека в наших исследованиях базируется на классификации эмоций, предложенной П.В. Симоновым, который выделяет четыре базовые эмоции: гнев, страх, печаль и радость. С психофизиологической точки зрения эмоция печали лежит в основе депрессии, которая имеет биологически приспособительное значение, вызывая торможение поведения и охраняя организм от чрезмерного расходования ресурсов.

В аспекте задач судебной экспертизы письмо в патологическом депрессивном состоянии впервые рассмотрел В.В. Томилин. Анализируя рукописи, исполненные больными в маниакально-депрессивном психозе, он приводит следующие изменения в почерке: начало письма обычно более энергичное, чем конец, отмечается уменьшение размера букв к концу письма и извилистость штрихов, расстояние между строками постепенно уменьшается, часто употребляются вставки, исправления.

Проявление депрессии в признаках почерка отмечают в эмпирических наблюдениях и современные графологи. С депрессивным состоянием личности они связывают низкий темп письма, малый размер, неравномерность размера, неравномерность протяженности подстрочных элементов, большие интервалы между буквами и словами, ослабление нажима, уменьшение размера букв в слове, опускающееся направление линии письма, извилистость линии письма в слове, дрожащие штрихи, уменьшение размера вторых и третьих элементов отдельных букв, низ-

кое размещение дополнительного элемента в буквах «й», «т». Ссылаясь на зарубежные исследования, криминалисты С.Ю. Алесковский и Я.В. Комиссарова отмечают, что депрессивные (тормозные) состояния при письме сопровождаются снижением объема и скорости движений, проявляются в упрощении и замедленности движений, малом размере букв, чрезмерной округлости букв, опускающейся линии строки письма, слабости нажима.

В состоянии депрессии в поведении человека как устойчивые особенности наблюдаются замедленность движений, быстрая утомляемость, резко снижены физическая и умственная активность, ослаблена волевая регуляция. Процессы торможения психомоторики и интеллектуальной деятельности влияют на функционально-динамический комплекс навыков письма в целом, уменьшая его продуктивность. При возникновении депрессивного (тормозного) состояния у человека формируется соответствующий типологический комплекс экспрессивных реакций и моторных установок, вследствие чего перераспределяется тонус мышц сгибателей и разгибателей, происходят изменения в силе, скорости, направлении движений, что, в конечном итоге, проявляется в комплексе признаков почерка.

С целью установления зависимости почерка от эмоционального депрессивного состояния нами проведено экспериментальное исследование.

Для выделения признаков почерка рукописи испытуемых были обработаны на основе системы оценки на качественно-описательном уровне общих, особенных и интегративных признаков почерка, специально разработанной для психодиагностики личности. Исследование рукописей и оценка признаков почерка производились по 110 признакам почерка.

С целью диагностики уровня депрессивности испытуемые из выборки нормы были обследованы с помощью следующих методик: многофакторный личностный опросник FPI Ф. Фаренберга, диагностирующий депрессивность личности как синдром; модификация шкалы депрессии В. Зунга для диагностики депрессии как устойчивого эмоционального состояния; методика «Тревога и Депрессия» К.К. Яхина, Д.М. Менделевича, диагностирующая невротическое депрессивное состояние. В результате были установлены группы лиц, обладающих высоким, средним и низким уровнем депрессивности как эмоционально обусловленного состояния.

В результате корреляционного анализа и сравнения данных почерка по группам выявлены устойчивые статистически значимые различия в почерке лиц с высокими и низкими значениями депрессивности.

Обобщая результаты, представляем изложение установленных статистически значимых связей «почерк – депрессивность личности».

В рукописях лиц, обладающих высоким уровнем депрессивности, по сравнению с недепрессивными обнаружены различия в следующих признаках почерка: темп письма, нажим, разгон, размер строчных букв, равномерность размера букв в пределах слова, размер красной строки, направление и форма линии письма в строке и слове, преобладающее направление движений при выполнении дугообразных движений, преобладающая форма движений при выполнении овальных и полуовальных элементов строчных букв, форма и протяженность движений при выполнении подстрочных элементов букв, направление и форма движений при выполнении заключительных штрихов букв в слове, форма движений при соединении элементов букв, размещение движений при выполнении первых и последних букв в слове.

Таким образом, депрессивное состояние исполнителя рукописи, вызывающее замедление движений, уменьшение двигательной активности, ослабление мышечного тонуса и направленность движений вниз, проявляется, как правило, в следующих признаках: снижении темпа и нажима письма, уменьшении цикличности и количества петлевых соединений, преобладании прямолинейных и приближенных к прямолинейным движений при выполнении овальных и полуовальных элементов букв, падающем направлении заключительных штрихов в знаках и опускающейся линии письма, размещении начальных букв слова выше линии письма, а последующих букв – ниже линии письма, извилистой или дугообразно вогнутой форме линии письма, увеличении размера красной строки, незначительном снижении параметров координации движений.

УДК 343.98

О.В. Маркова

**ДОКУМЕНТЫ – ОБЪЕКТЫ-НОСИТЕЛИ
СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ФАКТОВ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ)
МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ,
ПРИБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ**

Легализация материальных ценностей, приобретенных преступным путем, как криминальное явление присуще большинству стран мира, в том числе и Республике Беларусь. Выявление и расследования фактов отмывания грязных денег является необходимым условием экономической и политической стабильности государства, противодействия организованной и международной преступности.

Совершение притворных либо реальных финансовых операций или иных сделок с денежными средствами, ценными бумагами, имуществом, приобретенных преступным путем, с целью их утаивания или искажения природы, происхождения, принадлежности, местонахождения отражается в соответствующих документах. При доказывании всей преступной цепочки механизма отмыwania материальных ценностей интерес представляют как документы, подтверждающие совершение предикатного преступного деяния, так и документы, посредством которых криминальные средства приобрели законный характер происхождения. Для легализации преступных доходов используются документы, полностью или частично имитирующие подлинный документ, и подложные надлежаще оформленные документы с соответствующими официальными реквизитами, но содержащие ложные сведения. В большинстве своем такие фиктивные документы содержат данные о проведении финансовых операций и сделках фирмы, величине уставного капитала, доходах и расходах, личностных данных преступников или третьих лиц, фирмах-однодневках, других предприятиях-прикрытиях. Кроме того, в отличие от других категорий преступлений в сфере экономики при легализации теневых доходов часто применяются подлинные документы (например, при осуществлении международных трансфертов, зачислении денежных сумм на счета клиентов в банке и т. д.), с помощью которых можно надежно завуалировать криминальную природу материальных ценностей, скрыв истинный преступный источник их приобретения.

Для установления наименования юридического лица, отмывающего преступные доходы или причастного к их легализации, адреса его местонахождения, цели деятельности фирмы, состава и юридического статуса учредителей, размера уставного капитала следует изучить и проанализировать учредительные документы, к которым чаще всего относятся: устав предприятия, заявление и решение о его регистрации, документы распределения функциональных обязанностей, лицензии на занятие определенными видами деятельности, списки лиц, работающих на предприятии, и другие регистрационные и удостоверяющие документы, на основании которых действует организация. Информация, содержащаяся в учредительных документах, имеет важное значение не только для идентификации самих грязных денег, но и личности преступников.

Хозяйственная и экономическая деятельность предприятия, отмывающего грязные средства, отражается в бухгалтерских и расчетных документах. Информация, содержащаяся в таких документах, помогает выявить признаки создания (приобретения) размещения, движения и использования, в том числе с целью утаивания, искажения природы, происхождения, местонахождения, действительной принадлежности криминальных доходов. К этой группе документов можно отнести: договоры (купли-продажи, дарения, лизинга и др., определяющие

взаимоотношения участников сделок), контракты (по экспорту, импорту, товарообмену), документы о доходах и расходах за определенный период, гарантийные письма, доверенности, товарно-транспортные накладные, платежные ведомости и поручения, чеки, приходные и расходные свидетельства, бумаги о совместной деятельности или сотрудничестве между фирмами и предприятиями, журналы и книги, систематизирующие и накапливающие информацию по счетам бухгалтерского учета и отчетности, грузовые таможенные декларации и иные документы, в том числе вспомогательные и черновые записи. Все данные, содержащиеся в рассматриваемых документах, играют значительную роль в выявлении и изобличении преступников, идентификации данных о плательщиках и получателях средств, которые могут быть звеньями криминальной цепочки отмыwania грязных денег.

Информация об осуществлении финансовых операций с отмываемыми денежными средствами также содержится в банковских документах. Чаще всего к таким документам относятся: договоры, заключаемые между клиентами и банком, заявления о расчетно-кассовом обслуживании, открытии расчетных (текущих, депозитных, валютных, корреспондентских) счетов, документы о движении денежных средств по счетам, банковские выписки по счетам, платежные поручения о перечислении (зачислении) средств по счетам, чеки, приходно-кассовые, расходные ордера и другие документы. Информация, содержащаяся в банковских документах, помогает получить сведения о хозяйственной и экономической деятельности предприятий и организаций, открывающих и имеющих счета в их банке, в некоторых случаях в банках других стран, о местонахождении, движении отмываемых потоков грязных денег. Анализ документов данной группы позволяет установить счета, открываемые организацией (рублевые, валютные), финансово-денежные и другие операции клиентов банка, наименования банков и номера счетов, куда перечислялись безналичные средства, и иные сведения.

Вышеназванные группы документов могут быть изъяты при осмотре, обыске и выемке. При их изъятии могут применяться тактические приемы, связанные с маскировкой истинных целей их получения, например, под видом проверки финансово-хозяйственной деятельности какого-то предприятия (фирмы), т. е. не в связи с производством по уголовному делу.

Таким образом, любая финансовая операция (сделка), связанная с легализацией преступных доходов, независимо от места ее проведения, будь то рынок ценных бумаг, банковская сфера, сфера страхования, требует отражения в соответствующих документах. Анализ информационного содержания документов – объектов-носителей следов предполагает глубокое исследование их признаков, назначения, внесенных изменений, состояния. Отдельные документы могут являться орудием

совершения преступления, другие – сохранять на себе его следы, служить средствами к обнаружению признаков преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению подозреваемых. В перечисленных выше основных документах – объектах-носителях следовой информации при расследовании фактов легализации (отмывания) материальных ценностей, приобретенных преступным путем, содержится значительный объем точных, объективных сведений о признаках преступления, что представляет особый интерес для контрольно-ревизионных и правоохранительных органов.

УДК 343.98

О.В. Маркова, М.А. Гуд

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТИЗ ЖИВЫХ ЛИЦ И ТРУПОВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов продолжает оставаться одной из главных задач правоохранительных органов Республики Беларусь. В процессы изготовления и распространения, а также употребления вышеназванных средств постоянно вовлекается значительное количество людей. Изучение личности преступника, который нередко является наркопотребителем, играет существенную роль при выявлении и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Только посредством проведения соответствующих экспертиз имеется возможность установления фактов потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, определения давности потребления наркотиков, наличия определенных заболеваний и т. д.

В ходе развернутого собирания доказательств по рассматриваемым уголовным делам органы уголовного преследования чаще всего назначают следующие экспертизы живых лиц и трупов: судебно-медицинскую, судебно-наркологическую, судебно-психиатрическую.

Судебно-медицинская экспертиза по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, проводится с целью определения фактов потребления лицом вышеназванных средств, а также давности наркотической зависимости.

При проведении данной экспертизы на основе собранных материалов уголовного дела можно установить:

наличие признаков и способы потребления наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;

конкретные виды потребляемых наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;

наличие признаков наркотического опьянения;

нахождение лица в состоянии, исключающем его вменяемость, в момент совершения преступления;

давность возникновения у лица наркотической зависимости;

наличие у исследуемого лица признаков наркотического отравления;

необходимость назначения лечения лицу, в отношении которого проводится судебно-медицинская экспертиза.

При проведении судебно-медицинской экспертизы трупа эксперт устанавливает причину смерти лица, давность ее наступления, наличие в организме умершего признаков употребления наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Помимо этого, судебно-медицинский эксперт имеет возможность определить причинную связь между наступлением смерти и употреблением вышеперечисленных средств.

Целью проведения судебно-наркологической экспертизы является определение наличия или отсутствия у исследуемого лица наркологического заболевания. В случае проведения указанной экспертизы имеется возможность выяснить:

наличие у исследуемого лица наркологического заболевания;

необходимость лечения данного заболевания, наличие или отсутствие противопоказаний к лечению;

наличие или отсутствие состояния наркотического опьянения или абстиненции в момент совершения преступления;

отдавало ли исследуемое лицо отчет своим действиям в момент совершения преступления.

При проведении судебно-психиатрической экспертизы наркопотребителя эксперт может встретиться в основном с тремя вариантами случаев:

наличие психических изменений у лица, которое совершило общественно опасное деяние в связи со злоупотреблением наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами;

наличие или отсутствие психического состояния в момент совершения преступления у исследуемого лица после приема определенной дозы наркотического средства или психотропного вещества, вызвавшего у него изменение психики;

наличие или отсутствие психического состояния в момент совершения общественно опасного деяния при абстинентном синдроме у лица, употребляющего наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги.

При проведении судебно-психиатрической экспертизы можно установить:

наличие психического заболевания у лица, необходимость лечения данного заболевания, наличие или отсутствие противопоказаний к лечению;

факт понимания лицом значения своих действий и возможность руководства ими;

наличие состояния аффекта у лица в момент совершения общественно опасного деяния.

Органы уголовного преследования в ходе назначения вышеуказанных экспертиз формулируют перед экспертом такие вопросы, ответы на которые входят в его компетенцию. Так, например, при назначении судебно-медицинской, судебно-наркологической, судебно-психиатрической экспертиз нельзя формулировать вопросы, касающиеся мотивов совершенного преступления, целесообразных мер наказания лиц, признанных вменяемыми, и т. д. Все вопросы должны быть четкими, ясными, конкретными и корректно сформулированными. Только в случае выполнения указанных требований орган, назначивший экспертизу, имеет возможность получить соответствующие ответы на поставленные перед экспертом вопросы.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что использование специальных знаний сведущих лиц при проведении судебно-медицинской, судебно-психиатрической и судебно-наркологической экспертиз позволяет изучить личность наркопотребителя, получить ранее не известные сведения об образе жизни и другие данные о подозреваемом или обвиняемом лице, необходимые для полного и всестороннего раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

УДК 343.98

Ю.А. Матвейчев

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛИ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Предъявление для опознания в ряде случаев играет ключевую роль в системе доказательств по уголовному делу. В современной юридической литературе отдельные положения, касающиеся его проведения, противоречат друг другу и уголовно-процессуальному закону. К тако-

вым, в частности, относится вопрос о цели предъявления опознания, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение. Правильное определение цели опознания в совокупности с иными обстоятельствами обуславливает обоснованность выбора того или иного следственного действия в конкретной следственной ситуации.

Уголовно-процессуальный закон в качестве цели опознания называет установление тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом (ч. 1 ст. 223 УПК Республики Беларусь). В теории уголовного процесса и криминалистики высказывались различные суждения по данному вопросу. В частности, по мнению одних авторов, целью предъявления для опознания является установление тождества, сходства или различия (Крикунов А.Е., Маевский А.Ф. Тактика и психологические основы предъявления лица для опознания на предварительном следствии : учеб. пособие. Киев, 1977. С. 6), по мнению других – только установление тождества (Гапанович Н.Н. Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы). Минск, 1975. С. 124).

Разрешая данные противоречия, следует, во-первых, руководствоваться буквой закона, во-вторых, учитывать, что в предъявлении для опознания участвует несколько субъектов.

Так, поскольку уголовно-процессуальный закон в качестве цели предъявления для опознания называет установление тождества или различия, то установление групповой принадлежности должно осуществляться иными средствами.

Рассмотрим пример. Из магазина похищены товары, не имеющие индивидуальных особенностей. В деле появился подозреваемый, по месту жительства у которого в ходе обыска были изъяты предметы, предположительно похищенные из магазина. Возникает вопрос: могут ли они быть предъявлены на опознание работникам магазина? Поскольку похищенные товары не имели индивидуальных признаков, по которым работники магазина могли бы их опознать, то отождествление изъятых у подозреваемого предметов как похищенных в ходе предъявления для опознания заведомо невозможно. Приняв в такой ситуации решение о производстве данного следственного действия, орган, ведущий уголовный процесс, нарушит требование ч. 1 ст. 223 УПК Республики Беларусь. В общем-то, пусть и не прямо, но на этот факт указывают авторы учебных и справочных пособий, в которых отмечается, что предъявление для опознания не проводится в случаях, когда у опознаваемого объекта отсутствуют свойства, позволяющие его опознать (Справочная книга криминалиста / Е.Н. Викторова [и др.]. М., 2000. С. 151; Мухин Г.Н. Криминалистика : учеб. пособие. Минск, 2004. С. 154).

Каким же путем в описанной ситуации может быть установлено, что изъятые у подозреваемого предметы являются такими же, как и похищенные из магазина? Представляется, что данная задача может быть решена несколькими способами: 1) путем предъявления изъятых у подозреваемого предметов в качестве вещественных доказательств в ходе допроса продавцов магазина; 2) проведением осмотра предметов, изъятых у подозреваемого, и образцов похищенного товара, его упаковки, изъятых в ходе осмотра места происшествия; 3) проведением товароведческой экспертизы с целью решения вопроса, не является ли изъятый у подозреваемого товар таким же по наименованию (модели, сорту и т. д.), что и похищенный из магазина.

Установление же сходства, исходя из требований ч. 1 ст. 223 УПК Республики Беларусь, не может быть целью опознания. Авторы, придерживаясь иной точки зрения, допускают смешение цели и результата данного следственного действия. Установление сходства может стать одним из возможных результатов опознания, причем результатом скорее нежелательным. Его доказательственное значение, мягко говоря, невелико, ведь органу уголовного преследования останется решить вопрос, является ли предъявлявшийся на опознание объект искомым или нет. Причем, если отсутствуют иные участники уголовного процесса, которые могли бы опознать объект, решать ее приходится уже иными способами, что нередко бывает затруднительно.

Рассматривая проблему цели опознания, не следует забывать и о том, что в данном следственном действии принимает участие несколько субъектов, и для каждого из них цель опознания может быть сформулирована по-разному.

Если говорить о цели, которая ставится перед опознающим (ставит ее лицо, проводящее следственное действие), то замечание Н.Н. Гапановича о том, что опознающему всегда формулируется задача на опознание и возможный отрицательный или промежуточный вывод содержания этой задачи не меняет (Гапанович Н.Н. Опознание в судопроизводстве (процессуальные и психологические проблемы). Минск, 1975. С. 124), является абсолютно верным. В ч. 7 ст. 224 УПК Республики Беларусь содержится норма следующего содержания: «опознающему предлагается указать на лицо или предмет, о которых он дал показания».

Если же рассматривать цель, которую ставит перед собой орган, ведущий уголовный процесс, то она, как представляется, несколько иная. Объект, который предъявляется на опознание, для лица, проводящего следственное действие, лишь предположительно имеет отношение к уголовному делу. Поэтому цель, которую оно преследует, можно сформули-

ровать следующим образом: является ли объект, предъявляемый на опознание, искомым (относящимся к делу) или нет (к делу не относится).

Учет изложенных выше суждений о цели предъявления для опознания позволит практическим работникам правильно определить подлежащее проведению следственное действие (или их комплекс) в ходе расследования.

УДК 340.6:93(470)

Г.В. Мерезко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И СЛЕДСТВИЯ

В работе следственных органов одной из актуальных задач является установление истины по делу. При раскрытии преступлений используются приемы и методы, разрабатываемые криминалистикой, которая дает знания по тактике раскрытия преступлений, приемах, методах и сферах применения криминалистической техники. Все это, в конечном счете, направлено на наполнение доказательной базы, а также соблюдение принципа презумпции невиновности. Но есть особый вид противоправных действий – это преступления против здоровья и жизни граждан. При расследовании подобного рода дел недостаточно знаний криминалистики и других правовых дисциплин. Это обусловлено спецификой объектов, фигурирующих в деле, которые одновременно могут быть объектами и субъектами. Их исследование требует применения медицинских знаний. Среди множества медицинских дисциплин (хирургия, травматология, гинекология, педиатрия, психиатрия и др.) выделяется специальная дисциплина – судебная медицина, которая в процессе исторического развития вобрала в себя достижения теоретических, клинических и профилактических медицинских дисциплин. Развиваясь на базе медицинских и немедицинских дисциплин, судебная медицина выработала свойственные только ей знания и методы исследования: судебно-медицинское учение о повреждениях, судебно-медицинское учение о смерти и трупных явлениях, судебно-медицинское учение о личности, методы отождествления свойств травмирующего предмета и реконструкции механизма возникновения повреждения. Все это дает основание считать судебную медицину не столько самостоятельной, сколько специальной медицинской дисциплиной.

В.Л. Попов дает следующее определение судебной медицины: судебная медицина – специальная медицинская дисциплина, представляющая собой систему научных знаний о закономерностях возникновения, выявления, исследования и оценки медицинских фактов, служащих источником доказательств при проведении предусмотренных законом расследований.

В этом определении подчеркивается следующее:

специальный характер судебной медицины как одной из медицинских дисциплин;

содержание судебной медицины как системы научных знаний;

предмет судебной медицины как совокупность научных проблем о закономерностях возникновения определенных медицинских фактов, методах их выявления, исследования и оценки;

процессуальная сущность судебно-медицинских знаний как источника доказательств;

целевая направленность судебно-медицинских знаний, адресованная потребностям предусмотренного законом расследования.

Практикой судебно-медицинской науки (дисциплины) является судебно-медицинская экспертиза, видами которой в настоящее время являются: судебно-гистологическая, судебно-химическая, судебно-биологическая, медико-криминалистическая. Отдельным представителем медицинских судебных экспертиз является судебно-психиатрическая экспертиза. Все исследования, проводимые специалистами (судебно-медицинскими экспертами), направлены на решение проблем о закономерностях возникновения определенных медицинских фактов, методах их выявления, исследования и оценки. Следует отметить, что в каждом случае даже скоропостижной смерти производится как минимум три вида исследований: судебно-медицинское исследование трупа, судебно-гистологическое исследование тканей и органов из него и судебно-химическое исследование крови и мочи на содержание этанола, при необходимости и на содержание наркотических веществ. В случае насильственной смерти может проводиться до десятка и более различных видов судебно-медицинских экспертиз в зависимости от количества объектов, подлежащих экспертному исследованию. Каждое преступление, направленное против здоровья и жизни человека, сопровождается образованием следов на предметах-носителях. Разновидностью таких следов являются следы биологического характера, иначе говоря, медицинские факты. Задача следователя, начиная с осмотра места происшествия, – не допустить утраты этих фактов и их видоизменения в процессе доставки к месту исследования. Но не менее важно вместе с объектом исследования направить эксперту полноценное постановле-

ние с изложением кратких обстоятельств дела и конкретными вопросами, требующими экспертного разрешения, что, к сожалению, на практике не соответствует этим требованиям. Например, труп гражданки К. с признаками насильственной смерти поступил в судебно-медицинский морг с постановлением о проведении экспертизы. В разделе постановления «Обстоятельства дела» записано «труп гражданки К. обнаружен в квартире №... дома №... по улице...» и не более. Такие обстоятельства дела для эксперта не несут информации, а ведь в процессе экспертизы исследователь должен не только обнаружить медицинские факты, свидетельствующие о наличии следов травматических воздействий, но и установить время и механизм их образования, характер травмирующей поверхности или групповые свойства предмета, от воздействия которого они образовались. При этом каждый обнаруженный медицинский факт должен быть оценен применительно к конкретным обстоятельствам дела. Но как эксперт выполнит эту задачу, если обстоятельств как таковых в постановлении нет? А в конкретном случае эксперт обнаруживает следы изнасилования и множественные телесные повреждения, сопровождавшиеся обильным кровотечением. Отсюда выхолащивание экспертных возможностей и назначение дополнительных, повторных экспертиз, а соответственно и удлинение сроков раскрытия преступлений.

Таким образом, наполнение постановлений о производстве судебно-медицинских экспертиз объективной информацией, вытекающей из результатов осмотра места происшествия либо места обнаружения трупа, позволит экспертам выполнить задачу по полному, научно обоснованному и объективному решению всех вопросов, относящихся к конкретному делу, что, в свою очередь, объективизирует доказательную базу и сократит сроки следствия.

УДК 343.9

А.Э. Набатова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОДЖОГОВ И ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений – это деятельность сотрудников и подразделений ОВД, характеризующаяся комплексным решением взаимосвязанных правовых,

организационных, материально-технических и учебно-методических задач по раскрытию и расследованию преступлений. В системе криминалистического обеспечения выделяют криминалистические знания, криминалистическое образование, криминалистическую технику.

Как представляется, в криминалистике нет заранее определенных дисциплинарных и научных рамок, которые бы ограничивали формирование криминалистического обеспечения в различных сферах правоохранительной деятельности. В связи с этим формирование криминалистического обеспечения расследования поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности может рассматриваться в качестве актуальной задачи криминалистики.

Научный поиск в определенном выше направлении необходимо начинать с важного для любого исследования компонента – методологии. Так как окружающей средой для формирования криминалистического обеспечения расследования поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности является криминалистика и ее составляющие элементы – общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, криминалистическая методика, определение методологии исследования напрямую связано с методологическими основами данной науки.

К сущности методологии можно подойти с различных позиций. Безусловно, она имеет философскую природу. Нет необходимости подробно рассматривать методологию как философскую категорию, поскольку речь пойдет о частной научной методологии.

На наш взгляд, частная научная методология – это система, состоящая из двух уровней: теоретических знаний, которые позволяют сформулировать или уточнить объект научной деятельности, определить ее предмет и задачи; совокупности методов, которые необходимо использовать для решения поставленных задач.

При формировании методологии, целесообразно обозначить парадигмы исследования. Ими являются: общая теория криминалистики, теория информации, теория систем, теория рационального выбора. Они обуславливают содержание методологии научного поиска.

Универсальным методом исследования является материалистическая диалектика, ее положения о взаимообусловленности и взаимосвязи объектов материального мира. Она рассматривает познание как отражение и воспроизведение человеком действительности, является основой для создания сложных теоретических концепций, с ее помощью выдвигаются и обосновываются гипотезы. Определить проблемы, связанные с криминалистическим обеспечением расследования поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности, найти пути их разрешения, сформировать научное знание и прикладные ас-

пекты его реализации позволят общенаучные методы исследования: анализ, синтез, восхождение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, логический, исторический.

Изучить организацию деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям в сфере нарушений правил пожарной безопасности, предупреждения чрезвычайных ситуаций выбрать криминалистические средства и методы для предупреждения и противодействия позволит метод моделирования.

На теоретическом уровне изучения выявленных проблем нельзя не обратиться к возможности и необходимости использования системного, информационного, деятельностного подходов, научных теорий рационального выбора и принятия решений. Названные категории помогут в дальнейшем сформировать и исследовать объект и предмет научного поиска в качестве многофункциональных построений, учитывать закономерные связи составляющих их элементов.

В системе представлений о расследовании поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности деятельности центральное место занимают знания, накопленные практическими работниками в процессе выполнения возложенных на них задач. Анализ мнений и оценок специалистов, изучение материалов уголовных дел позволят определить направления научного поиска, сформировать научную проблему. В этих целях необходимо использовать специальные методы исследования – социологический и статистический.

Таким образом, реализация указанных методологических положений позволит сформировать теоретические положения криминалистического обеспечения расследования поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности путем разработки его понятия, содержания, определения целей и задач, формирования прикладных аспектов деятельности правоохранительных органов по применению криминалистических знаний в исследуемой области.

УДК 614.841

Я.Л. Никandroва

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистика, возникнув как чисто эмпирическая область знаний, прошла сложный путь превращения в одну из развитых правовых наук. Одним из основных двигателей ее прогресса являлась и остается

криминалистическая техника. Используя передовые технологии и вырабатывая собственные методики, криминалистическая техника создала прочную эмпирическую основу для теоретических разработок и исследований.

Криминалистическая техника зародилась во времена появления первых отделений уголовной полиции, когда она представляла собой лишь совокупность попыток систематизации имевшейся у полицейских информации о преступниках.

Современная криминалистическая техника понимается как совокупность приборов, инструментов, оборудования и материалов, применяемых для собирания, исследования и использования доказательств, а также как теоретические положения и рекомендации по применению данных средств для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, накопления и переработки криминалистической информации.

Сегодня криминалистика находится на качественно новом уровне своего развития и должна отражать современное состояние науки и техники. В связи с этим особое значение в криминалистике приобретают современные технологии, предоставляющие широкие возможности в использовании информационных ресурсов и имеющие в последние десятилетия высокий темп развития.

Поступательное развитие науки постоянно пополняет арсенал технико-криминалистических средств новейшими разработками технического и методического плана в области исследования доказательственной информации.

Экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов (НП и ГСМ) возникла в связи с необходимостью установления фактических данных и обстоятельств при расследовании преступлений, связанных с пожарами, дорожно-транспортными происшествиями, применением, хранением и хищением огнестрельного оружия и боеприпасов, фальсификацией и хищениями нефтепродуктов.

Экспертиза НП и ГСМ – один из видов криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. Ее теоретическая основа сформировалась на базе интеграции юридических, технических и естественных наук. Теоретическую основу экспертизы НП и ГСМ составляют данные криминалистики (учение о криминалистической идентификации), уголовного процесса и уголовного права. Криминалистическое материаловедение – это другая сторона исследования НП и ГСМ, которая базируется на таких науках, как химия нефти, основы технологической переработки нефти, химмотология, аналитическая и физическая химия.

На основе перечисленных дисциплин строятся специальные знания эксперта, необходимые для производства экспертизы.

Предмет каждого вида экспертизы определяется характером задач, решаемых в ее границах, и объектом экспертного исследования.

Основными типами задач в отношении объектов нефтехимической природы являются:

1) обнаружение невоспринимаемых органолептическим способом следов НП и ГСМ на различных объектах (диагностическая задача);

2) установление природы вещества неизвестного происхождения в целях отнесения его к продуктам переработки нефти и нефтехимического синтеза или к смазочным материалам иного происхождения (диагностическая задача);

3) определение вида, сорта, марки представленного на исследование НП и ГСМ в соответствии с ГОСТами, техническими классификациями, товарными наименованиями (классификационная задача);

4) установление общей групповой принадлежности исследуемых объектов (НП и ГСМ), т. е. выявление у них признаков, свидетельствующих о едином источнике их происхождения по месту изготовления (конкретном нефтеперерабатывающем заводе), принадлежности к одной партии выпуска, об одинаковых условиях хранения, эксплуатации и др. (идентификационная задача);

5) отождествление масс (объемов) НП и ГСМ, разделенных на части в связи с расследуемым событием (идентификационная задача).

Объекты экспертизы НП и ГСМ:

1) изделия нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, основу которых составляют вещества нефтяного происхождения. Объем класса изделий, объединяемых понятием НП и ГСМ очень велик, товарный ассортимент насчитывает более 1000 наименований;

2) компоненты или составные части других изделий, являющиеся продуктами нефтепереработки и входящие в состав изделий бытовой химии, парфюмерии, лакокрасочной промышленности и т. д.;

3) ГСМ, которые, кроме нефтяного происхождения, могут быть продуктами переработки каменноугольной смолы и сланцев (смазочные материалы), а также веществами, синтезируемыми химической промышленностью (сложные эфиры, полисиликоновые жидкости).

Особенностями НП и ГСМ являются сложность и многокомпонентность их состава и низкая стабильность в естественных условиях, и это обуславливает ряд требований по обращению с ними в процессе их обнаружения и изъятия на месте расследуемого происшества и при подготовке материалов для направления на экспертное исследование.

Знания о свойствах объектов нефтяной природы, методах и технических средствах обнаружения, предварительном исследовании, фиксации и изъятии следов НП и ГСМ, возможностях экспертных исследований способствуют качественному проведению осмотра места происшествия, правильным изъятию и упаковке выявленных следов и объектов и, как следствие, раскрытию преступления.

Исследование объектов нефтехимической природы неразрывно связано с использованием криминалистической техники.

В экспертизе НП и ГСМ используются микроскопические, органолептические, хроматографические методы, методы молекулярного спектрального анализа, атомного спектрального анализа и математические методы.

Использование таких высокочувствительных методов анализа, как инфракрасная, ультрафиолетовая и флуоресцентная спектроскопия, газожидкостная и тонкослойная хроматография позволяет обнаруживать следовые количества нефтепродуктов, оставшихся на конструкциях и предметах в условиях пожара.

Благодаря высокой чувствительности, позволяющей анализировать крайне незначительные концентрации веществ, в сочетании с большой информативностью и возможностью объективной регистрации результатов исследования хроматографические методы заняли одно из ведущих мест в судебно-экспертной практике исследования нефтепродуктов. Созданы и продолжают создаваться специальные методики, предназначенные для решения конкретных задач с учетом специфики объекта.

Использование хромато-масс-спектрометрии позволяет проводить сложные исследования многокомпонентного состава нефтепродуктов, выявлять способы фальсификации бензинов и других нефтепродуктов, идентифицировать различного рода добавки и присадки, используемые для производства фальсификатов.

Развивающаяся с колоссальной скоростью наука задает темп и развитию криминалистической техники.

В настоящее время стоит необходимость создания специализированных передвижных криминалистических лабораторий для осмотра мест происшествий по делам о пожарах, взрывах и авиакатастрофах.

В распоряжении Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь имеется высокотехнологичное оборудование, позволяющее экспертам идти в ногу со временем и решать поставленные перед ними задачи.

Уровень развития общества, интенсивность научного прогресса, доступность передовых технических разработок ведут, к сожалению,

и к негативным последствиям. Такими же быстрыми темпами растет и уровень технической оснащенности преступности, особенно организованной. В связи с этим криминалистическая наука всегда должна стремиться быть на шаг впереди, ведь только владея всеми современными технологиями, можно противодействовать их незаконному использованию.

Таким образом, будущее современной криминалистической техники заключается в ее глобальной компьютеризации и использовании новейших технических достижений. Хочется верить, что это позволит в значительной мере освободить следователей, оперативных работников, экспертов от монотонной, рутинной работы, которая иногда в значительной мере затрудняет процесс расследования. Нельзя забывать и о развитии международного сотрудничества в области обмена информацией, методиками работы и новейшими достижениями криминалистической техники.

УДК 343.98

А.П. Пацкевич

О СТРУКТУРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Расследование преступлений является сложной многогранной деятельностью. Посредством организационных мероприятий создаются условия для эффективного производства следственных действий и согласованной деятельности следователя, оперативных работников, специалистов и иных участников расследования.

Деятельность следователя по конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению по делу, – это организационно-аналитический процесс, имеющий образующее значение для расследования. Вопросам организации в криминалистике уделялось и уделяется должное внимание. До настоящего времени в криминалистической науке продолжается разработка как теоретических положений организации расследования, так и различных ее элементов. Существует практическая потребность выработки научно-практических рекомендаций по определению и конкретизации обстоятельств, подлежащих установлению по делу; определению системы целей расследования, взаимодействия следователя с оперативными и иными сотрудниками органов внутренних дел и иными участниками расследования; упорядочению всей следственной деятельности.

Особое значение имеет первоначальный этап расследования, в процессе которого решаются многие важные задачи расследования. Первоначальный этап во многом определяет содержание расследования и его результативность. В организации первоначального этапа существуют различные проблемы, свидетельствующие о научно-практической значимости их исследования, реальной необходимости изучения данных вопросов. Первоначальному этапу расследования посвящались монографии Е.П. Ищенко, В.Е. Сидорова. Вопросу организации первоначального этапа расследования уделено внимание в работах А.В. Дулова, В.Д. Зеленского, И.П. Можяевой, В.В. Степанова.

Вместе с тем вопросам организации первоначального этапа расследования в нашей республике отдельных самостоятельных исследований посвящено не было. На наш взгляд, есть необходимость в продолжении исследования теоретических основ организации расследования, прежде всего ее организационно-аналитической части.

Структура расследования представляет собой систему взаимосвязанных элементов, составляющих направление деятельности: собирание доказательств и доказывание; получение ориентирующей информации; применение специальных знаний. Одним из структурных элементов расследования являются следственные действия. Из анализа взглядов ученых (А.Н. Колесниченко, Н.К. Кузьменко, Н.П. Кузнецов и др.) на понятие неотложных следственных действий следует, что неотложные следственные действия – это действия, как правило, начального этапа расследования, производство которых незамедлительно в сложившейся следственной ситуации. В то же время неотложные следственные действия могут производиться в любой момент расследования, большинство из них производится на его первоначальном этапе.

Рассматривая различные взгляды криминалистов на структуру расследования, мы использовали для определения его понятия криминалистическую сложность расследования. Под криминалистической сложностью нами понимается характеристика расследования, отражающая его содержательную сторону, прежде всего количество и объем производимых следственных действий.

На наш взгляд, содержательную сторону расследования определяет две группы факторов. В первую группу входят обстоятельства совершения и сокрытия преступления, количество, характер следов и иных фактических данных, сохранившихся к моменту расследования. Ко второй группе относятся обстоятельства расследования: характер следственных ситуаций первоначального и последующих этапов расследования, особенности процесса установления обстоятельств различных видов преступлений, характеристика противодействия расследованию.

Усилия, затраченные на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, количество и объем следственных и иных действий выявляются во время расследования.

Анализируя различные точки зрения ученых на понятие первоначального этапа расследования (Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, Е.П. Ищенко и др.), мы приходим к выводу, что понятие первоначального этапа необходимо рассматривать через его содержание. Структурно первоначальный этап расследования выглядит так: производство неотложных следственных действий; следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление основных обстоятельств, входящих в предмет доказывания; организация расследования (построение следственных версий, определение и конкретизация предмета расследования, планирование); выявление подозреваемого и проверка его причастности к совершению преступления либо получение доказательственной иной информации для дальнейшего расследования; предъявление обвинения (в простых и усложненных расследованиях).

Основными структурными элементами расследования как вида следственной деятельности являются обстоятельства, подлежащие установлению по делу, следственные и иные действия по собиранию доказательств, субъекты следственных и иных действий. Определение и конкретизация указанных элементов структуры расследования, согласование подвидов деятельности составляют сущность организационного процесса в расследовании. Организация расследования – это прежде всего процесс его структурирования. Полагаем, что организация – это упорядочение расследования, создание его структуры и вместе с тем обеспечивающая расследование деятельность. Образующее начало расследования особенно проявляется на первоначальном этапе. В этот период конкретизируются и определяются обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, следственные и иные действия, которые производятся для установления этих обстоятельств. Таким образом, на первоначальном этапе расследование упорядочивается. Упорядочение предполагает определение и конкретизацию не только следственных и иных действий, их сочетания, но и определение обеспечивающих (инфраструктурных) обстоятельств, т. е. создание условий для качественного расследования.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

- 1) содержание первоначального этапа расследования напрямую зависит от криминалистической сложности расследования;
- 2) упорядочение первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий обязывает следователя концентриро-

вать соби́рание ориенти́рующей инфо́рмации и доказа́тельств по четы́рем основ́ным напра́влениям: иссле́дование ме́ста происше́ствия, выя́вление всех сле́дов, веще́ственных доказа́тельств и ино́й инфо́рмации; иссле́дование основ́ных эле́ментов со́бытия пресу́пления; изу́чение личност́и потерпе́вшего, предпо́лагающее выя́вление все́й систе́мы его́ связа́й в жи́зни и иссле́дование о́бстоя́тельств, мо́гущих вли́ять на мо́тивы пресу́пления; со́би́рание инфо́рмации о́ подозре́ваемом, его́ выя́вление и устано́вление;

3) органи́зация перво́начального эта́па рассле́дования представля́ет собо́й ко́мплекс взаи́мосвяза́нных органи́зационно-подгото́вительных, сле́дствен́ных дей́ствий, напра́вленных на подгото́вку неотло́жных сле́дствен́ных дей́ствий и опе́ративно-розы́скных меро́приятий, и органи́зационно-ана́литическую де́ятельность по со́зданию структу́ры рассле́дования;

4) основ́ное со́держание органи́зации перво́начального эта́па рассле́дования – это интеле́ктуальная органи́зационно-ана́литическая де́ятельность по упо́рядочению рассле́дования, со́зданию его́ структу́ры. Эта де́ятельность вклю́чает определе́ние и конкре́тизацию част́ных (такти́ческих) це́лей рассле́дования, плани́рование. На перво́начальном эта́пе осущест́вляется подгото́вка к каче́ственному произво́дству сле́дствен́ных дей́ствий.

УДК 343.98

И.В. Па́шута, В.В. Гребнё́ва

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Широ́кое использо́вание систе́м видеона́блюдения (систе́м охрани́мого теле́видения, телеви́зионных систе́м видеона́блюдения) в разли́чных сфе́рах де́ятельности, а также бо́льшая распро́страненность разли́чной видеозапи́сывающей аппара́туры созда́ют предпо́сылки для использо́вания мате́риалов видеозапи́си, полу́ченных таки́ми техни́ческими сре́дствами, в де́ятельности по раскры́тию и рассле́дованию пресу́плений. Многоо́бразие инфо́рмации, полу́ченной систе́мами видеона́блюдения, предо́пределя́ет возмо́жность использо́вания ее́ в проце́ссе осущест́вления ка́к опе́ративно-розы́скной, та́к и уго́ловно-проце́ссуальной де́ятельности.

Статистические данные о состоянии борьбы с преступностью свидетельствуют о положительной динамике использования данных систем видеонаблюдения в раскрытии и расследовании преступлений. Так, в Республике Беларусь за 2012 г. с использованием систем видеонаблюдения раскрыто около 300 преступлений, тогда как в 2009 г. – только около 100. Исполнителя террористического акта 11 апреля 2011 г. в Минском метрополитене установили во многом благодаря записям камер видеонаблюдения.

Под телевизионной системой видеонаблюдения в соответствии с п. 2 Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения, утвержденного постановлением Совета министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135, понимается составляющая системы безопасности, дающая возможность наблюдения в режиме реального времени за соблюдением гражданами общественного порядка, включающая средства и методы получения видеоизображений при помощи видеокамер, передачи сигнала к месту просмотра по каналам связи, дальнейшей обработки и хранения видеoinформации.

Изучение правоприменительной практики раскрытия и расследования преступлений с использованием систем видеонаблюдения свидетельствует о том, что во многих случаях у практических работников возникают некоторые трудности по использованию материалов видеозаписи в процессе доказывания по уголовному делу. Такая ситуация обусловлена многочисленными факторами объективного и субъективного характера – от необходимости совершенствования нормативно-правовой базы по лицензированию, эксплуатации и использованию систем видеонаблюдения до профессионального опыта работы сотрудников с данными носителями информации.

Обстановка, зафиксированная системами видеонаблюдения, может и должна использоваться в процессе раскрытия и расследования преступлений для получения значимой информации о лицах, подлежащих привлечению к уголовной ответственности; механизме совершения преступлений; очевидцах, иных свидетелях преступления; маршрутах подхода к месту совершения преступления; других имеющих значение обстоятельствах.

Эффективность работы следователей по формированию доказательственной базы во многом зависит от грамотной и оперативной организации работы на месте происшествия, в районе прилегающих к нему зданий и участков местности. Представляется, что для последующей возможности полноценного использования материалов видеозаписи, произведенной системами видеонаблюдения, в процессе доказывания необходимо:

1. Организовать поиск конкретных мест установки систем видеонаблюдения с последующей фиксацией секторов их обзора. Как правило, такие системы устанавливаются внутри и снаружи аэропортов, вокзалов, станций метрополитена, служебных и торговых помещений, внутри и снаружи подъездов жилых домов, на автодорогах и крупных перекрестках, площадях, в иных местах массового скопления людей и должны обеспечивать обзор наиболее уязвимых объектов и подходов к ним. Как разновидность систем видеонаблюдения необходимо рассматривать получившие широкое распространение среди автомобилистов видеорегистраторы, записанная видеोगрамма которых также может иметь значение для расследования.

Процессуальное закрепление информации о местах установки может осуществляться в протоколе как первичного, так и дополнительного осмотра места происшествия. Место установки и сектора обзора отображаются на схеме места происшествия. Одновременно производится фотосъемка от места установки камеры в направлении сектора ее обзора. При этом следует учитывать, что камеры бывают как с фиксированным сектором обзора, так и с круговым (панорамным).

2. Провести выемку носителей интересующих видеоматериалов, записанных камерами видеонаблюдения. Выемка проводится у лиц, ответственных за работу системы видеонаблюдения. Если видеозапись осуществлялась камерами городского видеонаблюдения, выемка материалов проводится в оперативно-дежурной службе УВД облисполкома (ГУВД Мингорисполкома). Поскольку камерами видеонаблюдения создается большей частью цифровая видеозапись, при выемке носителями информации, как правило, выступают CD (DVD) и другие электронные носители информации. Срок хранения видеоархива (время цикла обновления) должен составлять не менее 30 суток (п. 20 положения). Однако на практике данный срок часто не соблюдается, поэтому выемку относящихся к расследованию видеоматериалов необходимо проводить в кратчайшие сроки.

3. Осмотреть видеозапись по правилам осмотра. Имеющиеся видеоматериалы должны быть осмотрены, если требуется, с участием специалиста, о чем составляется протокол. В протоколе осмотра необходимо обязательно отразить совпадения (расхождения) описания упаковки, материального носителя, начальных и заключительных кадров, показаний таймера, размера файла со сведениями, указанными в протоколе выемки. В ходе осмотра также делается рабочая копия видеозаписи и стоп-кадры ее ключевых моментов, которые сохраняются на отдельном электронном носителе и являются приложением к протоколу осмотра. Лица, ответственные за функционирование системы ви-

деонаблюдения, допрашиваются по вопросам, относящимся к расследуемому событию. Как самостоятельные источники доказательств материалы видеозаписи приобщаются к уголовному делу постановлением органа предварительного расследования и остаются при нем в течение всего срока его хранения.

Полученная с помощью систем видеонаблюдения видеोगрамма может выступать объектом различных судебных экспертиз. Так, для установления тождества лица, запечатленного на видеозаписи, и конкретного подозреваемого проводится портретная экспертиза. Если одновременно с видеозаписью проводилась звукозапись и возникла потребность в отождествлении фонограммы голоса и речи подозреваемого, назначается комплексная портретная и фонографическая экспертиза. Для исключения фактов монтажа видеоматериала, внесения в него изменений осуществляется техническое исследование видеोगраммы и т. д.

Предложенный алгоритм действий по использованию материалов видеозаписи в доказывании по уголовным делам, как видится, позволит оптимизировать процесс установления необходимых обстоятельств общественно опасного деяния и причастных к его совершению лиц.

УДК 343.98

И.В. Пащута, И.И. Лузгин

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Использованием достижений научно-технического прогресса, широким применением специальных знаний, внедрением в практику выявления (раскрытия), расследования и предупреждения преступлений новейших научно-технических методов и средств во многом обуславливается повышение эффективности борьбы с преступностью. Одним из направлений совершенствования правоприменительной практики является постоянный поиск способов более эффективного использования имеющихся специальных знаний и разработка новых форм их применения.

Дискуссионными являются вопросы проведения предварительных исследований (экспересс-исследований). Дискуссии объясняются как недостатками криминалистического обеспечения применения специальных знаний, так и некоторой неупорядоченностью межведомственных взаимоотношений в условиях реорганизационных процессов в правоохранительной системе Республики Беларусь. Несмотря на

это, предварительные исследования во многих случаях имеют определяющее значение для проводимых оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и служат основаниями для осуществления юридически значимых процессуальных действий (возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении). Например, предварительные исследования проводятся для определения того, относится ли изъятый предмет к холодному или огнестрельному оружию, является ли подлинной официальная денежная единица Республики Беларусь или иностранная валюта, не относится ли та или иная субстанция к наркотикам, взрывчатым веществам и т. д.

Анализ литературы свидетельствует о различных точках зрения на возможность использования результатов предварительных исследований в уголовном судопроизводстве. Так, М.Б. Вандер, Н.А. Корпенко считают, что предварительные исследования являются нарушением закона, а результаты предварительных исследований носят не процессуальный характер, не подлежат фиксации в материалах дела и не имеют доказательственного значения. По мнению З.М. Соколовского, И.В. Овсянникова, необходимо законодательно закрепить возможность предварительных исследований специалистом до возбуждения уголовного дела и оформления их справкой об исследовании.

По нашему мнению, наиболее приемлемой является позиция авторов, считающих, что предварительные исследования, проводимые на основании запроса (отношения) органа дознания, относятся к ОРМ «Исследование предметов и документов» и их результаты могут быть вовлечены в орбиту уголовно-процессуального доказывания.

В соответствии с действующим законодательством в процессе доследственной проверки поводов и установления оснований для возбуждения (или отказа в возбуждении) уголовного дела ОРМ «Исследование предметов и документов» проводится для изучения предметов и документов в целях выявления следов и орудий совершения преступления или результатов преступной деятельности (п. 5 ч. 1 ст. 2, ст. 11 закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 289-З «Об оперативно-розыскной деятельности»). Порядок организации и проведения всех предусмотренных законодательством ОРМ регулируется межведомственным нормативным правовым актом органов, наделенных правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, – постановлением «Об утверждении инструкции о порядке организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий», согласно которому исследование предметов и документов проводится экспертно-криминалистическими службами правоохранительных органов, другими экспертными учреждениями, лицами, обладающими специальными знаниями в нау-

ке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности. Результаты его проведения оформляются оперативно-служебным документом или иным документом, предусмотренным нормативными правовыми актами соответствующих учреждений, в которых проводилось исследование. Таким документом до настоящего времени была согласно постановлению МВД Республики Беларусь от 10 июля 2006 г. № 185 «Об утверждении инструкции об организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь» справка эксперта. Содержащиеся в ней выводы, как показывает практика, имеют в большинстве своем определяющее значение в установлении оснований для возбуждения или отказа в возбуждении уголовных дел. Однако при этом закономерно возникает вопрос о возможности использования результатов такого ОРМ в процессе доказывания, так как по общему правилу согласно ст. 101 УПК материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств лишь при условии их получения в соответствии с законодательством Республики Беларусь и представления, проверки и оценки в порядке, установленном УПК.

Порядок оформления и предоставления материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями органов внутренних дел, регулируется локальным нормативным правовым актом – постановлением МВД Республики Беларусь от 29 сентября 2005 г. № 307 «Об утверждении инструкции о порядке оформления и предоставления оперативными подразделениями органов внутренних дел материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, для их использования в уголовном процессе». В соответствии с п. 4 инструкции под материалами, полученными в ходе оперативно-розыскной деятельности, понимаются собранные, подтвержденные и документально оформленные данные, полученные гласно и негласно сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел в установленном порядке. Пунктом 14 инструкции определено, что документальное оформление таких фактических данных осуществляется путем составления протокола ОРМ, в котором отражается факт проведения, содержание и результаты соответствующего мероприятия. В то же время в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности могут составляться не только протоколы ОРМ, но и такие оперативно-служебные документы, как рапорты, постановления, сообщения, обзорные справки, акты, отчеты, которые в необходимых случаях могут быть предоставлены органу, ведущему уголовный процесс, для проверки и оценки, изучения, процессуального осмотра, проведения экспертизы. В соответствии с п. 17 инструкции

предоставление материалов оперативно-розыскной деятельности выражается в их фактической передаче органу, ведущему уголовный процесс, на основании соответствующего постановления, включая предоставление и необходимых оперативно-служебных документов для их приобщения к материалам уголовного дела либо для их проверки и оценки.

Однако согласно указанному постановлению результаты исследования предметов и документов оформляются не протоколом ОРМ, а, как уже говорилось выше, справкой эксперта. Представляется, что в таких случаях предоставление органу, ведущему уголовный процесс, справки эксперта (которая фактически и служит основанием для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела) должно осуществляться в соответствии с ч. 2 ст. 103 УПК на основании письменного запроса. В таком случае справка эксперта, в которой содержатся имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и факты, удостоверяемые должностным лицом экспертной организации, становится легитимным источником доказательств по делу и выступает в качестве иных документов (ст. 100 УПК). При этом необходимо отметить, что поскольку рассматриваемые исследования в отличие от экспертизы не в полной мере обеспечены процессуальными условиями и гарантиями, после возбуждения уголовного дела по тем же и другим возможным вопросам должна назначаться судебная экспертиза.

УДК 343.985

Д.А. Романюк

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА РАССЛЕДОВАНИЕ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

На расследование нераскрытых преступлений прошлых лет влияют специфические факторы (условия), различные по своей природе, характеру и степени воздействия на содержание работы следователя. Одним из таких факторов, имеющим как положительное, так и отрицательное влияние на процесс расследования, является психологический фактор.

Психологический фактор применительно к расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет проявляется в психологии следователя, психологии управления следственными аппаратами, психологии преступника, оставшегося неразоблаченным, психологии свидетеля и потерпевшего.

На психологию следователя, у которого находится приостановленное дело, бесспорно, накладываются нежелательный отпечаток неудача, постигшая расследование, сложившееся представление о бесперспективности дела, мнение о невозможности исправления допущенных ранее ошибок. Принижение значения следственной работы в раскрытии преступлений, особенно прошлых лет, подчеркивание ее абсолютной зависимости от результатов оперативно-розыскных мероприятий встречается как у практиков, так и в отдельных литературных источниках. В психологическом аспекте интерес представляет решение вопроса о том, кому лучше поручать работу по приостановленному делу – тому же следователю, который приостановил производство, или другому. На наш взгляд, данный вопрос не должен быть решен однозначно. В каждом случае он должен решаться в зависимости от ситуации (сложности дела, фактических оснований приостановления и т. п.), опыта и квалификации следователей и ряда других факторов. Вопрос этот приобретает большое значение в связи с практикой создания специализированных межведомственных групп для работы по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях. Хорошие результаты приносит совместная работа следователя, проводившего расследование до приостановления производства, и нового следователя, которому поручено продолжение работы в целях установления преступника по приостановленному делу.

Что касается психолого-управленческого аспекта расследования преступлений прошлых лет, то поручение работы по расследованию преступлений прошлых лет следователям в соответствии с их психологическими особенностями, склонностями и типологическими свойствами личности; воспитание у них необходимых морально-волевых и профессиональных качеств; поддержание престижа следователей, результаты труда которых далеко не всегда так наглядны, как у их коллег, работающих по текущим делам об «очевидных» преступлениях; обеспечение психологической совместимости членов специализированных групп, работающих по делам о преступлениях прошлых лет, – все это входит в компетенцию начальника следственного подразделения. И все это имеет прямую связь с внутренней субъективной психологической позицией начальника следственного подразделения.

Психология лица, совершившего преступление и сумевшего на время избежать разоблачения, также имеет свои особенности. А.В. Дулов отмечает, что после совершения преступления под влиянием различных переживаний (о совершенном деянии, о его результатах) у преступника появляются определенные психические качества. Впоследствии он еще более категорично высказывается о психи-

ческих изменениях в личности преступника, порождаемых совершенным преступлением. «Во всех случаях, – утверждает А.В. Дулов, – не только преступник оставляет следы, изменения в его сознании, поведении, в психических состояниях, приводят к более стойким изменениям в его личности».

По мнению И.Ю. Кулеевой, психология неразоблаченного преступника не всегда оказывает существенное негативное влияние на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет, так как преступник, избежавший разоблачения, часто не считает необходимым или не может длительное время проявлять настороженность, теряет самоконтроль. Отсюда проговорки в его среде, улики поведения и т. п. Изменившиеся взаимоотношения между людьми нередко устраняют мотивы умолчания или лжи, имевшие место в период первоначального расследования, приводят к даче правдивых показаний, а иногда и к явке с повинной. Продолжая совершать преступления, преступник оставляет новые следы, изучение которых в сравнении с имеющимися в делах о нераскрытых преступлениях способствует раскрытию преступлений прошлых лет. Расследование деяний данной категории не всегда поручают новому следователю. А в тех случаях, когда это происходит, негативное психологическое отношение к таким делам обуславливается прежде всего отсутствием детального правового регулирования деятельности следователя по приостановленному делу о нераскрытом преступлении прошлых лет и вызванными этим у следователя представлениями о средствах и методах работы.

Психическое напряжение, вызванное переживанием преступления, проявляется иногда в поведении лица, его совершившего и неразоблаченного. Чем больше проходит времени, тем больше возможность появления и обнаружения отклонений от обычного поведения. С другой стороны, чем больше проходит времени, тем труднее бывает получить правдивые показания от выявленного преступника. Убеденный, что время работало на него, что имевшиеся улики со временем теряют свою ценность, преступник более упорно отрицает свою вину на допросах, чем лицо, задержанное с поличным или вскоре после совершения преступления. Трудность его изобличения, действительно, значительно увеличивается в связи с отрицательным влиянием фактора времени.

Психология лица, совершившего преступление и оставшегося неразоблаченным, должна обязательно учитываться в работе следователей, оперативных работников и исправительных учреждений по обеспечению и проверке явок осужденных с повинной. Знание типичных в психологическом отношении ошибок в работе по склонению лиц к явке с повинной; классификация осужденных по их отношению к явке; мотивы

вы явок, типичные для каждой из классификационных групп; психологические приемы убеждения в необходимости явиться с повинной могут быть использованы в следственной и оперативной работе по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет.

Определенные особенности в работе по делам о преступлениях прошлых лет отмечаются также в психологии потерпевших и свидетелей. Они используются главным образом при допросе, в беседах с данными участниками процесса.

УДК 343.985

А.С. Рубис

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Природа заключения эксперта как источника доказательств такова, что для его оценки органу, ведущему уголовный процесс, приходится применять подходы, которые кардинальным образом отличаются от применяемых при оценке иных доказательств. При этом практика ставит под сомнение возможность лица, не обладающего специальными знаниями, самостоятельно осуществлять полноценную оценку заключения эксперта.

Многолетний опыт общения автора с «судебной», «следственной» и «прокурорской» аудиторией в Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ подтверждают сказанное. Подавляющее большинство слушателей института считают для себя невозможным и ненужным «перепроверять» работу экспертов.

Даже такие корифеи юридической науки, как Р.С. Белкин, утверждают, что «следователь и суд в состоянии оценить лишь полноту заключения, проверить, на все ли поставленные вопросы даны ответы. Ни научную обоснованность, ни правильность выбора и применения метода исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям соответствующей области научного знания они оценить не в состоянии, поскольку для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт». А.А. Эксархопуло идет еще дальше полагая, что «научная обоснованность экспертного заключения вообще не должна входить в круг оцениваемых следователем и судом составляющих экспертного исследования. Это в принципе невозможно сде-

лать квалифицированно, в силу того, что весь объем знаний, относящихся к судебной экспертизе при современном ее научном уровне, одним человеком (при этом не следует забывать, что речь идет и о следователе, и о прокуроре, и о суде) в достаточной мере освоен быть не может. В противном случае от следователя, прокурора, суда мы должны будем потребовать знания всех отраслей науки, техники, искусства или ремесла, которые лежат в основе современных экспертных методов и методик».

Бесспорно, в нелогичности подобного рода утверждения упрекнуть сложно. Но ведь чтобы мы не говорили – уголовно-процессуальное законодательство прямо предписывает все собранные по делу доказательства оценивать с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. При этом представляется очевидным факт: несмотря на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 95 УПК Республики Беларусь заключение эксперта не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, именно оно в ряде случаев является едва ли не единственным основанием для законного разрешения уголовного дела по существу, поэтому и следователь, и прокурор, и судья не только могут, но и должны с особой тщательностью оценивать заключения эксперта не только с точки зрения его относимости и допустимости, но и, что наиболее важно, – его достоверности. Как это сделать наиболее эффективно и качественно? Этот вопрос является ключевым, так как ни законодатель, ни практика правоприменения ответа на него не дают. Нет однозначного ответа на этот вопрос и в юридической литературе.

Признавая сложность проблемы, авторы по-разному видят пути ее разрешения. Некоторые из них для оценки содержательной стороны экспертного исследования предлагают ввести в уголовный процесс «конкурирующую» экспертизу, которая обеспечит состязательность экспертных заключений и, надо полагать, должную оценку ее достоверности. Эффективен ли этот путь? Полагаем, что здесь нельзя не согласиться с мнением В.Ю. Шепитько, который, с нашей точки зрения, совершенно справедливо говорит о том, что «непозволительно говорить о целесообразности введения понятий „экспертиза защиты“, „экспертиза обвинения“, „состязание экспертов“ и „конкуренция экспертных заключения“... Судебный эксперт не должен выполнять функции иных процессуальных участников или разрешать за них правовые вопросы. Нельзя подменять деятельность прокурора, защитника или судьи знаниями (деятельностью) эксперта (сведущего лица). Более того, заключение эксперта является источником судебных доказательств, а

не абстрактными соображениями сведущего лица, совокупностью «дополнительных правовых знаний» которыми не обладает юрист, хотя должен обладать».

Н.П. Яблоков, говоря о сложности оценки достоверности заключений автотехнических экспертиз предлагает «следователям и судьям выяснять, какие данные автотехнических и других наук, а также водительского ремесла были использованы экспертом в процессе своего исследования. В частности, проводились ли все необходимые расчеты, какие формулы для расчетов были выбраны экспертом и почему, обосновывался ли экспертом вывод показателей тех или иных коэффициентов, необходимых для расчетов... следователь и суд должны особенно тщательно и критически подойти к оценке обоснованности и правильности выбора экспертами необходимых данных для производимых ими расчетов. Например, как для установления длинны остановочного пути производился выбор времени психической реакции шофера и коэффициента сцепления; каким образом учитывался экспертом характер тормозов, их состояние, степень нагрузки автомобиля».

Нет сомнений в том, что в соответствии с УПК следователь и суд для принятия законного решения обязаны выяснять все указанные выше обстоятельства. Но как выяснять? В каком объеме они могут это сделать самостоятельно? Следует ли при этом опираться на свои знания или каждый раз вызывать для допроса эксперта или иного специалиста для устранения всех сомнений по поводу достоверности произведенного исследования? И самое главное, нужно ли вообще субъекту доказывания вторгаться в область специальных познаний эксперта и в состоянии ли он это сделать фактически? С нашей точки зрения, путь, предложенный Н.П. Яблоковым, не продуктивен, так как здесь налицо фактическое отождествление знаний следователя со знаниями эксперта, что само по себе маловероятно. Идеализация познаний субъекта доказывания делает невозможной оценку достоверности заключения эксперта без реализации каких-либо иных обстоятельств и условий, позволяющих это сделать эффективно. Но что это за обстоятельства и условия, дающие возможность следователю и суду оценить в рамках уголовного процесса содержательную сторону экспертного исследования, то есть, по сути, достоверность заключения эксперта? Уголовный процесс на эти вопросы ответа не дает. Он говорит лишь о том, **что** нужно делать, ставя при этом задачу по комплексной оценке экспертного заключения. Данная задача может быть решена только с помощью применения криминалистических знаний. Именно криминалистика призвана ответить на вопрос, **как** это сделать, причем сделать эффективно, какие средства и методы должны быть использованы для достижения цели. Попытаемся ответить на по-

ставленные выше вопросы комплексно – с позиций и уголовного процесса, и криминалистики, и теории судебной экспертизы.

В этой связи можно с уверенностью утверждать, что достоверность заключения эксперта с точки зрения надлежащего порядка получения объективных искомых фактических данных означает, что судебная экспертиза, являющаяся способом их получения, должна быть проведена не только с нормами УПК Республики Беларусь, но и с имеющимися научными закономерностями, должным образом апробированными методами, методиками, рекомендациями. В силу этого возникает настоятельная необходимость обязательного интегрирования современных научных знаний не только в процесс судебно-экспертных исследований, но и в ходе процессуальной реализации имеющихся или полученных научных результатов, т. е. в процессе осуществления доказывания на всех этапах борьбы с преступностью. Надо детерминировать искомый процессуальный результат по делу с обязательным использованием достижений науки в виде проведения судебно-экспертных исследований. Это, в свою очередь, детерминирует обязанность следователя каждый раз с достоверностью убеждаться в том, что эксперт при соответствующей актуализации следов – отражений преступления в исследуемых средах и объектах использует только должным образом апробированные и репрезентативные методы исследования. Именно это знание в значительной степени делает судебную экспертизу инструментарием доказывания. Именно оно поможет оценить содержательную сторону заключения эксперта, которая включает в себя такие компоненты, как компетентность эксперта, научная обоснованность, полнота, всесторонность и объективность исследования, правильность сделанных выводов, логичность умозаключений эксперта, соответствие выводов промежуточным исследованиям и всему исследованию в целом, их непротиворечивость и т. д. Следовательно, лица, осуществляющие и уголовное преследование, и судопроизводство по делу могут и должны в первую очередь оценить репрезентативность и апробированность методики экспертного исследования, т. е. основные параметры достоверности самого процесса (или алгоритма) добычи фактических данных, а уже через него – достоверность содержательной стороны экспертного заключения, самих фактических данных, добытых экспертом независимо ни от сведений, содержащихся в других доказательствах, ни от так называемого внутреннего убеждения эксперта, которое нередко подменяет научно разработанные критерии обоснования того или иного вывода по произведенным исследованиям. Именно проблемы оценки достоверности методики (методик) заключения эксперта являются системообразующим элементом в опре-

делении достоверности вывода эксперта. И только потом можно вести речь о необходимости «чисто процессуальной» оценки достоверности заключения эксперта путем сопоставления имеющихся выводов с другими собранными по делу доказательствами, выясняя, не противоречат ли данные заключения другим материалам дела, в том числе заключениям других проведенных по делу экспертиз. При этом достоверность заключения эксперта подлежит окончательной оценке только в совокупности с иными доказательствами. Таким образом, оценка заключения эксперта – это комплексное понятие, включающее в себя и процессуальный (по форме), и криминалистический (по содержанию) аспекты.

При подобном алгоритме решения исследуемой проблемы не могут не возникнуть вопросы: каким образом следователь или суд сможет оценить указанные выше параметры достоверности оценки методики судебно-экспертного исследования; сможет ли он это сделать, не обладая специальными познаниями; если сможет, даст ли это ему ключ к пониманию содержательной стороны судебно-экспертного исследования; существует ли разница в понятиях «оценка в достоверности заключения эксперта» и «оценка содержания заключения эксперта»? Если исходить из того, что достоверность – это бесспорное, твердо обоснованное доказательственное знание, убежденность в истинности этого знания, то субъект доказывания по идее должен обладать с экспертом, по крайней мере, равными познаниями. В этом смысле оценка достоверности заключения эксперта тождественна понятию оценки содержания заключения эксперта. Но на практике такого равенства в знаниях достичь невозможно в принципе, поэтому полагаем, что здесь возможен иной путь разрешения исследуемой проблемы. Для ее разрешения прежде всего попытаемся дать определение судебно-экспертному обеспечению деятельности в сфере борьбы с преступностью. Перефразируя хрестоматийное определение Р.С. Белкина о криминалистическом обеспечении деятельности в сфере борьбы с преступностью, судебно-экспертное обеспечение данной деятельности можно представить себе в виде следующих трех составляющих: во-первых, совокупности криминалистических знаний, накопленных теорией судебной экспертизы, предметом которой являются (здесь нельзя не согласиться с Е.Р. Россинской) «методологические, правовые и научно-организационные закономерности функционирования судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судеб-

но-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности»; во-вторых, криминалистического образования (в настоящем случае это и система обучения и переподготовки судебных экспертов и, что не менее важно, обучение основам теории и практики судебной экспертизы правоприменителей); в-третьих, процедурной (процессуальной) реализации указанных знаний как в процессе проведения судебных экспертиз, так и ходе оценки их относимости, допустимости и, самое главное, достоверности.

Говоря о первом, ключевом моменте указанной деятельности, следует особо отметить, что прежде всего необходимы оптимизация и разработка новых криминалистических знаний. Если исходить из того, что технология проведения судебно-экспертных исследований – это, с одной стороны, технология процесса получения и исследования информации о событиях, обстоятельствах и фактах, а с другой – технология формулирования выводов об установлении фактов, касающихся предмета определенного рода, вида и подвида судебной экспертизы, то можно сделать вывод о необходимости создания основы для разработки и внедрения в жизнь в правоприменительной практике Республики Беларусь такой технологической системы методологического обеспечения судебно-экспертной деятельности. Она (система) должна в себя включать: единую систему понятийного и теоретического аппарата представлений, категорий, принципов и законов синтеза (проектирования) и порядка применения экспертных методов; единую систему научно обоснованных и проверенных методов (комплекса методов) судебно-экспертных исследований, а также порядок и последовательность использования одного или нескольких методов при проведении экспертизы; совокупность научно обоснованных предписаний по выводу и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов, приемов и средств (приспособления, приборы, аппаратура, реактивы, облучение и т. д.); разработку инструктивных материалов (инструкций) для их использования в практической судебно-экспертной практике; обращение практического опыта и теоретических разработок с целью исследования перспектив и тенденций развития методик судебно-экспертных исследований с целью объективизации выводов эксперта и обеспечения задач правосудия в нашей стране.

При этом и определение общего понятия методик, и соотношение этого понятия с конкретной методикой экспертного исследования, и критерии соотношения общей, типичной и конкретной методики экспертного исследования, и содержание, структура и классификация методик – все эти понятия, критерии и определения подлежат нормативной регламентации на уровне стандартов Республики Беларусь. Это требуется для того, чтобы уполномоченные субъекты доказывания и иные лица могли обеспечить себе задачу по оценке достоверности экспертного исследования. Кроме того, анализ действующих на сегодняшний день методик позволяет констатировать факт отсутствия единого методического подхода к их репрезентации. Это также составляет важную методологическую проблему современной судебной экспертизы. Представляется, что документированию подлежат только общие и типичные методики, которые будут использоваться как строительный материал при создании конкретных методик в процессе проведения экспертных исследований. Вопрос документирования методик или их «легализации» как разновидности печатных изданий, равно как и вопрос о содержании и структуре методик как библиографических источников, и их классификации поднимался в литературе. Б.К. Казуров и И.Б. Казуров сделали попытку показать необходимость введения в государственные нормативные акты по информации, издательской деятельности, библиотечного и архивного дела общего понятия методики (равно как и судебно-экспертного понятия методики) как нормативного производственно-практического издания. Издание судебно-экспертных методик как общедоступной и обязательной нормативной литературы позволит правоприменителям (следователь, прокурор, судья, адвокат и др.) перед ознакомлением с конкретным актом судебной экспертизы ознакомиться с соответствующими нормативными источниками, содержащими перечень методик (методику) судебно-экспертных исследований, которые должны или могут быть применены для исследования того или иного объекта, факта, обстоятельства. Таким образом, для оценки достоверности заключения эксперта должна быть создана комплексная система судебно-экспертного обеспечения правоприменительной деятельности, включающая в себя следующие подсистемы: технологическую систему научно-методологического обеспечения судебно-экспертной деятельности; систему нормативного закрепления судебно-экспертных методик; систему обучения следователей, прокуроров, судей основам экспертологии. Это в совокупности позволит субъектам правоприменения сделать ряд последовательных шагов к эффективной процессуальной оценке достоверности методики судебно-экспертного исследования путем: проверки репрезентативности и должной апробации используемой методики; проверки соотно-

шения имеющегося нормативного материала по методологическому обеспечению судебно-экспертной деятельности с конкретной, применяемой по данному искомому факту (фактам) методикой. В свою очередь это даст уполномоченным субъектам ключ к пониманию технологии экспертного исследования, которая включает такие элементы, как знание методических основ экспертного исследования; структура экспертного исследования; критерии оценки промежуточных данных, полученных в ходе исследования; формирование убеждения эксперта в обосновании выводов; формирование окончательных выводов; оформление результатов экспертизы.

Именно понимание технологии экспертного исследования позволит верно оценить полноту и обоснованность применения специальных (неюримических) знаний сведущими лицами (специалист, эксперт, консультант и т. д.). Другими словами, позволит оценить содержание заключения эксперта, т. е. достоверность судебно-экспертного исследования в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

В случае возникновения вопросов либо сомнений по поводу достоверности полученных результатов, логичности и полноты процесса исследования, обоснованности применения или неприменения той или иной методики необходим обязательный допрос эксперта, иных специалистов в области судебной экспертизы или соответствующей отрасли знаний на предмет достоверности и обоснованности применения этих знаний, а также на предмет отыскания наиболее оптимальных путей исследования и актуализации искомых следов-отражений в соответствующих (представленных) материальных средах, показаниях, документах.

УДК 343.98

В.Н. Смоленчук

ЗНАЧЕНИЕ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ПРАКТИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Знания представляют собой проверенный практикой результат познания системы закономерных связей в объективной действительности мира, ее верное отражение в мышлении, идеально воспроизведенное в языковой форме. Систему научных знаний составляют общественные, естественные, технические и математические знания. Появление поня-

тия «специальные знания» связано с тем, что при выявлении и расследовании преступлений для разрешения вопросов, касающихся обнаружения, фиксации, закрепления, изъятия, исследования и оценки доказательств, стали приглашать лиц, обладающих знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла.

Роль специальных знаний в выявлении и расследовании преступлений в настоящее время стремительно возрастает. Необходимость их использования связана с развитием технологий (преступники совершают традиционные преступления новыми способами); расширением сферы преступной деятельности и ростом квалификации преступников (освоением ими новых технологий, новых технических устройств, применением современных разработок из различных областей знаний).

Решение обозначенных проблем практики расследования преступлений возможно посредством выявления, научного обоснования и внедрения новых форм использования специальных знаний. Однако сначала следует определить, что понимается под специальными знаниями. Под специальными знаниями следует понимать современные знания, умения и навыки в определенной области человеческой деятельности, полученные в результате профессиональной подготовки, научной деятельности или опыта практической работы и используемые в процессе предупреждения, выявления и расследования преступлений.

Традиционно выделяют две формы использования специальных знаний. Процессуальная форма использования специальных знаний строго регламентирована нормами УПК, является основной формой деятельности специалистов-криминалистов и судебных экспертов и выражается в проведении экспертиз, участии в следственных действиях, проведении ревизий, проводимых в порядке ст. 103 УПК.

Использование специальных знаний в непроцессуальной форме возможно при проведении предварительного исследования следов и вещественных доказательств, при проведении следственных действий, оказании консультативно-справочной помощи, в оперативно-розыскной деятельности, при проведении исследований и профилактической работы сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений.

Следует отметить, что из-за слабой научной обоснованности, отсутствия уголовно-процессуальной регламентации и обобщения практического опыта непроцессуальная форма использования специальных знаний менее распространена, чем процессуальная. Однако именно непроцессуальная форма использования специальных знаний может способствовать решению ряда проблем практики выявления и расследования преступлений.

Применение непроцессуальной формы использования специальных знаний возможно как до возбуждения уголовного дела, так и непосредственного после него.

В качестве преимуществ применения непроцессуальной формы использования специальных знаний до возбуждения уголовного дела следует отметить, что она имеет неоценимое значение для проведения первоначальной проверки сообщения о преступлении, позволяя сократить ее сроки, сделать ее более целенаправленной; использование специальных знаний до возбуждения уголовного дела позволяет начать деятельность по формированию доказательственной информации.

Основной целью применения непроцессуальной формы использования специальных знаний специалистом является прежде всего получение ориентирующей и доказательственной информации в связи с расследуемым преступлением, получение оперативными работниками, сотрудниками следственных подразделений от специалистов криминалистически значимой информации, позволяющей определить основные направления для проведения оперативных мероприятий, правильно выбрать порядок, время и место следственного действия, подобрать его участников, научно-технические средства и методы, выбрать тактические приемы, правильно сориентироваться в создавшейся обстановке и т. д.

Вместе с тем все возможности применения специальных знаний в непроцессуальной форме для выявления и расследования преступлений используются не в полной мере по причине того, что данное действие не регулируется нормами УПК, нормативными положениями, актами, не имеет статуса доказательств. Сотрудники следственных подразделений, располагая процессуальными возможностями использования специальных знаний, не применяют непроцессуальные формы их использования, а опираются на официальные документы (протокол следственного действия, заключение эксперта).

В отдельных ситуациях в ряде случаев проведение экспертного исследования с предметом преступления не представляется возможным по причине его отсутствия, а получить разъяснения эксперта в форме показаний невозможно, так как показания эксперт дает только в целях разъяснения или дополнения данного ранее им заключения. При таком положении показания специалиста – единственное средство доказывания, которое может способствовать установлению искомых фактов по делу на основе специальных знаний. В качестве документа может выступить заключение специалиста, регламентированное нормами УПК, в котором будут даны научно и тактически обоснованные ответы на поставленные вопросы, что позволит существенным образом повысить эффективность работы по выявлению и расследованию преступлений.

ЭКСПЕРТНАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА

Эксперт-криминалист в своей деятельности использует специальные знания в двух формах: процессуальной и непроцессуальной.

Процессуальная форма использования специальных знаний является основной формой деятельности судебных экспертов и выражается в проведении экспертиз и участии в других следственных действиях.

Использование специальных знаний в непроцессуальной форме имеет место при проведении предварительного исследования следов и вещественных доказательств при проведении следственных действий, консультативно-справочной помощи, в оперативно-розыскной деятельности, при проведении исследований сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений и имеет не менее важное значение для выявления и раскрытия преступлений, чем проведение экспертных исследований и участие специалиста в следственных действиях.

Экспертная инициатива также предполагает свое проявление в двух формах – процессуальной и непроцессуальной. Процессуальная форма вытекает из исследования вещественных доказательств, она предусмотрена соответствующими статьями закона, ее результаты отражаются в заключении эксперта. Ее можно определить как активную деятельность эксперта, не предусмотренную экспертным заданием, опирающуюся на специальные знания в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, а также профессиональный опыт, направленную на выявление и предварительную оценку относящихся к делу новых фактических данных при проведении экспертных исследований и участии в других следственных действиях.

Право эксперта на экспертную инициативу предусматривается процессуальным законодательством. Чаще всего выражается в установлении экспертом обстоятельств, способствовавших совершению преступления, конструктивных дефектов исследуемых объектов и т. п. Обстоятельства, инициативно установленные экспертом, излагаются в заключении наряду с выводами эксперта по поставленным вопросам. Впоследствии они могут быть объектом обобщения для внесения экспертным учреждением тех или иных предложений в компетентные органы.

Непроцессуальная форма экспертной инициативы – активная деятельность эксперта, не предусмотренная экспертным заданием, опираю-

щаяся на специальные знания в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, а также профессиональный опыт, направленная на прогнозирование и профилактику преступлений (в ее непроцессуальной форме), а также на раскрытие преступлений посредством инициативного формирования, автоматизации, ведения и использования криминалистических учетов и криминалистических справочных коллекций.

Иногда непроцессуальная форма инициативы может служить предпосылкой для деятельности эксперта в процессуальной форме. Так, знание экспертом характера взаимосвязей признаков и обстоятельств дела позволяет ему сделать выводы об объектах, находящихся во взаимной связи с изучаемыми объектами (служащими орудиями преступлений и др.), несущими необходимую информацию, и рекомендовать следователю вести их поиски в определенном направлении.

Развитие процессуальной и непроцессуальной форм инициативы в деятельности эксперта-криминалиста позволит:

- выявить основные направления развития экспертной инициативы по отдельным видам исследований;

- установить методы и средства, применяемые экспертами при осуществлении права на инициативу, что дает возможность ответить на вопрос о целесообразности ее применения, полученном эффекте, разработать новые, более совершенные методы исследования;

- выработать определенные схемы проявления инициативы по отдельным категориям дел, направленные на повышение научного уровня, обоснованности заключения;

- установить случаи выхода экспертов за пределы своей компетенции при решении новых вопросов;

- определить результаты проявления инициативы, ее значение для органов расследования и суда (для изменения первоначальных версий, привлечения к ответственности новых лиц, определения размера ущерба, проведения каких-либо следственных действий);

- на основе обобщения экспертной практики проявления инициативы по отдельным родам, видам экспертиз выработать рекомендации для судебно-следственных органов по устранению недостатков, вследствие которых упускаются или остаются недостаточно исследованными обстоятельства, имеющие существенное значение для дела;

- формировать в экспертно-криминалистических подразделениях информационно-справочные коллекции, способствующие наиболее эффективному расследованию уголовных дел и раскрытию преступлений;

- проводить автоматизацию криминалистических учетов и коллекций, что приведет к уменьшению времени, затрачиваемого экспертом для проверки изъятых следов по учетам и коллекциям;

– инициативно осуществлять проверку по учетам изъятых в ходе осмотра места происшествия следов, что будет способствовать раскрытию преступлений по горячим следам.

Такой подход к проблеме экспертной инициативы приведет к совершенствованию экспертной, следственной и судебной практики при профилактике и раскрытии преступлений, расследовании уголовных дел.

На основании вышеизложенного можно систематизировать направления проявления экспертной инициативы в судебно-экспертной деятельности.

В процессуальной форме:

- инициатива, проявляемая в ходе участия сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в следственных действиях;
- инициатива, проявляемая в процессуальной форме профилактической деятельности экспертов-криминалистов.

В непроцессуальной форме:

- инициатива, проявляемая в деятельности эксперта-криминалиста по прогнозированию;
- инициатива, проявляемая в непроцессуальной форме профилактической деятельности экспертов-криминалистов;
- инициатива, проявляемая в формировании, автоматизации, ведении и использовании криминалистических учетов и криминалистических справочных коллекций.

УДК 343.985

В.А. Талалаев

О СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

На современном этапе развития криминалистики в литературе рассматриваются вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений отдельных видов и групп.

Применительно к расследованию хищений предметов вооружения, совершенных военнослужащими, целесообразно учитывать: сформировавшиеся в 90-х гг. прошлого века теоретические аспекты криминалистического обеспечения расследования преступлений; разработанные на их основе прикладные аспекты криминалистического обеспечения расследования хищений отдельных видов; современные

представления о сущности криминалистического обеспечения расследования преступлений. При этом элементы системы криминалистического обеспечения могут различаться в зависимости от специфики преступлений отдельных видов, раскрытие и расследование которых необходимо обеспечить соответствующими криминалистическими рекомендациями.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений обозначенного вида в целом может быть представлено информационным и методическим элементами в их взаимосвязи.

Первый из них призван обеспечить разработку последующих рекомендаций. В качестве основных информационных блоков его содержания выступают криминалистическая характеристика хищений предметов вооружения, система задач их расследования, сведения о типичных следственных ситуациях с признаками обозначенных преступлений и факторах, их детерминирующих.

Криминалистическая характеристика рассматриваемых хищений при элементном подходе к ее построению включает взаимосвязанные сведения (данные) об этапах оборота предметов вооружения в государственных воинских формированиях; специфике типичных форм, предмета хищения на этих этапах, личности преступника, его мотивов и целей; особенностях способов совершения и сокрытия, орудий и средств, следов этих преступлений; о связи хищений вооружения с другими правонарушениями.

В качестве новых связующих элементов указанной характеристики важно определить этапы оборота предметов вооружения в государственных воинских формированиях. В рамках полного цикла оборота предметов вооружения того или иного вида в зависимости от функции использования такого предмета и несолidarности материально-ответственных лиц такими этапами являются: закупка, хранение, эксплуатация (применение по назначению), ремонт (техническое обслуживание), перемещение (транспортировка), утилизация.

На основе их выделения рассматриваемая характеристика содержит новую криминалистически значимую информацию о специфике как отдельных элементов данного вида хищений (предмет хищения, личность преступника, способы совершения хищений, орудия и средства, используемые при совершении и сокрытии данных хищений, мотивы расхитителей), так и прямых и опосредованных связей между ними. Типичными из них являются: этап оборота вооружения – предмет хищения – личность расхитителя; этап оборота вооружения – способы совершения хищения – способы сокрытия хищения; личность расхитителя – мотив хищения – предмет хищения.

Данные связи позволяют с высокой степенью вероятности определять поисковые признаки неизвестных элементов. Это способствует повышению эффективности и результативности расследования при наименьших затратах сил, средств и времени.

Криминалистическая характеристика хищений огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, совершенных военнослужащими, на основании проведенной систематизации указанных новых сведений (данных) способствует более качественному определению задач расследования, типизации следственных ситуаций.

Система задач расследования указанных хищений, дифференцированных в отношении объекта, субъекта, объективной, субъективной сторон рассматриваемых правонарушений, определяется, главным образом, исходя из анализа ст. 89, 90 УПК, ст. 294, 295 УК. В качестве самостоятельного элемента данной системы целесообразно выделить задачи профилактической деятельности субъектов расследования обозначенных хищений.

Направления детализации задач расследования таких хищений военнослужащими могут быть определены на основе сведений (данных) криминалистической характеристики этих преступлений и специфики конкретной следственной ситуации. Это способствует всесторонности, полноте, объективности расследования посредством более качественного определения круга всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Следственные ситуации первоначального этапа расследования рассматриваемых хищений типизируются по группам с учетом распространенности (частоты встречаемости, повторяемости) на практике.

Применительно к степени информационной определенности указанных ситуаций, специфике оборота вооружения в воинских частях целесообразно определить во взаимосвязи блоки информации о личности преступника из числа военнослужащих отдельных категорий, времени, месте, способе совершения хищения, количестве и характеристиках похищенных предметов вооружения.

Данный подход на практике позволит более эффективно прогнозировать отсутствующий блок информации при наличии других, точнее определять факторы объективного и субъективного характера, детерминирующие первоначальный этап расследования хищений предметов вооружения военнослужащими, перечни типичных следственных действий, организационных, контрольных и иных мероприятий. Для хищений обозначенного вида с учетом их специфики предложенный подход позволяет разработать также более качественные рекомендации по использованию криминалистического инструментария для их рассле-

дования, развивать научные представления о структуре и содержании криминалистического обеспечения расследования иных преступлений, связанных с рассматриваемыми.

Содержание методического элемента обеспечения деятельности по расследованию хищений предметов вооружения военнослужащими составляют практические рекомендации о специфике планирования работы, программах действий субъектов расследования, организационно-тактических особенностях проведения отдельных следственных действий, тактических операциях по решению сложных задач расследования рассматриваемых хищений.

УДК 343.983.3

Е.К. Тарасова

РАДИОЧАСТОТНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

RFID (Radio Frequency Identification) – автоматический способ идентификации объектов, основанный на дистанционной передаче информации. Физической базой для данного процесса является микрочип (транспондер, RFID-метка), который испускает радиочастотные волны, попадающие на считывающее устройство (RFID-ридер, сканер). Существует два вида RFID-меток: активные и пассивные. Первые наиболее распространены и встречаются повсюду – от автомобильных ключей до бирок в магазинах. Пассивные чипы получают энергию от радиоволн сканера и могут служить очень долго, однако серийный ключ в них обычно записывается только один раз (при изготовлении). Активные чипы оснащены батареейкой и модулями памяти, информацию в которых можно изменять. Батарейки таких чипов работают до 10 лет.

В настоящее время использование RFID-технологии получило широкое применение в различных сферах деятельности человека. Можно назвать только некоторые из них. В библиотеках маркируются книги с целью быстрого поиска и защиты библиотечного фонда от краж. В здравоохранении и фармацевтической промышленности они используются с целью контроля за производством и оборотом лекарственных средств, а также в целях защиты от подделки и снижения числа ошибок персонала при выдаче лекарств (пациенты снабжаются ручными браслетами с RFID-метками, в которых содержится информация о пациенте). В спорте радиочастотная идентификация может быть использована, в частности, для считывания информации о времени и оче-

редности преодоления дистанций бегунами (метка прикрепляется к обуви и по маршруту следования располагаются специальные коврики, в которые встроены считыватели). В торговле использование RFID-технологии позволяет увеличить пропускную способность кассовых узлов, так как с ее помощью возможно просканировать все покупки, не вынимая их из корзины или тележки. Использование радиочастотных меток используется для защиты дорогих товаров от краж или для обеспечения сохранности изделий, переданных на гарантийное обслуживание. Можно также назвать сферу производства товаров и автоматического отслеживания их передвижения от производителя к потребителю, на складах. Используется RFID-технология в нефтедобывающей промышленности, животноводстве, для контроля за автотранспортными средствами. Сотовые компании Японии разработали технологию оснащения телефонов RFID-метками NFC (Near Field Communication – коммуникация в ближнем поле), что заменяет использование пластиковых банковских карт и наличных денег. Во Франции, Испании, Италии, Нидерландах RFID-метки используются для системы оплаты проезда в городском общественном транспорте и контроля своевременности выхода на маршрут и возвращения с маршрута транспорта. В 2004 г. компания VeriChip имплантировала метки 18 служащим мексиканского государственного учреждения, чтобы только они могли получить доступ к комнате с секретной информацией. В 2006 г. Hitachi изготовила пассивное устройство, названное μ -Chip (мю-чип), размерами 0,15×0,15 мм (не включая антенну) и тоньше бумажного листа (7,5 мкм), что сделало RFID-метки практически незаметными на малых и плоских объектах. Радиочастотная идентификация активно используется в мире развлечений. Испанская компания Different Games создала полевую игру La Fuga, в которой с помощью RFID-датчиков учитываются действия 300 участников в игровом павильоне площадью 4000 м². Компания VeriChip разработала простой способ вживления пассивных чипов в кисть и трицепс. Делается операция с помощью большого шприца под местной анестезией за 5–10 мин. Такие вживленные чипы для идентификации личности успешно используют закрытые ночные клубы в Нью-Йорке, Барселоне и Роттердаме.

В криминалистических целях RFID-технологии используются, например, в защите документов от подделки. Во многих странах билеты на концерты и другие массовые и дорогостоящие мероприятия содержат пассивную RFID-метку, где антенна отпечатана металлической краской, и заменить такой билет на фальшивый, отпечатанный на цветном принтере, невозможно. На более серьезном уровне RFID-метки используются в биометрических документах, паспортах, кото-

рые вводятся в обращение во всем мире. В чипе хранится необходимая информация о владельце (двухмерная или трехмерная фотография, отпечатки пальцев, рисунок сетчатки глаз, запись голоса). В Австралии и некоторых других странах в международных аэропортах используются системы распознавания лиц по фотографиям в электронных паспортах, благодаря которым человеку не всегда требуется снимать шляпу и очки (дистанционная идентификация). В целях обеспечения безопасности спортсменов и зрителей на Олимпийских играх в Лондоне в 2012 г. все строители, сотрудники, персонал имели карты-пропуска, изготовленные с использованием RFID-технологии, с биометрическими данными.

Преимущества использования данной современной технологии во многих сферах жизнедеятельности человека, в том числе и для решения криминалистических задач, неоспоримы и весьма убедительны. Однако следует обратить внимание и на недостатки данной технологии, существующие на данном этапе ее развития. Прежде всего это проблема сохранения конфиденциальной информации о человеке (биометрические паспорта и иные документы, содержащие персональные данные) и доступа к ней. Во всех странах, где вводятся биометрические документы, есть их противники по мотивам незащищенности персональных данных от их недобросовестного использования и тотальной слежки. В Республике Беларусь этот вопрос регулируется законом Республики Беларусь от 9 ноября 2009 г. №59-З «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в создании государственных информационных систем паспортно-визовых документов нового поколения и дальнейшем их развитии и использовании в государствах – участниках СНГ». В нем указывается, что «сведения, которые характеризуют физиологические особенности человека и на основании которых можно установить его личность (цифровая фотография, отпечатки пальцев, изображение радужной оболочки глаз и другие биометрические персональные данные), могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных в соответствии с законодательством государств-участников настоящего Соглашения».

Еще одним из недостатков RFID-технологии являются невысокие рабочие характеристики в присутствии радионепрозрачных и радиопоглощающих объектов. Однако этот недостаток можно использовать с целью защиты собственных данных (например, кредитной карты). Если обернуть объект с RFID-меткой в металлическую фольгу (так называемая «клетка Фарадея»), хранящаяся в ней информация будет недоступна для считывания.

Также к недостаткам можно отнести и то, что при применении RFID-ридеров, работающих в УВЧ- и микроволновом диапазонах, взвешенные в воздухе частицы воды могут поглощать энергию радиоволн, что приводит к недостаточности энергии, достигающей метки, для надлежащей передачи данных. Также может сужать область применения RFID-технологии и ограниченное число читаемых RFID-меток, которые сканер может прочитать за определенное время.

УДК 343.98

Г.М. Третьяков

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СВЕДЕНИЙ О СУБЪЕКТАХ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА

В криминалистической науке изучение личности субъекта преступления осуществляется посредством изучения информации о нем, которая может иметь значение для организации и осуществления расследования криминального деяния, установления лиц, причастных к совершению преступных действий.

Изучение криминалистически значимой информации о субъекте преступления является необходимым элементом криминалистической характеристики, содержащим большой массив криминалистически значимой информации, необходимой для эффективной организации расследования. Данный элемент находится во взаимосвязи с иными элементами криминалистической характеристики преступления.

Использование знаний о лицах, совершающих криминальные банкротства, их криминалистическая интерпретация, имеет большое значение в раскрытии и расследовании иных преступлений, по отношению к которым криминальное банкротство может являться элементом способа совершения или способом сокрытия преступления.

Одной из ключевых особенностей деятельности данных лиц является то, что они имеют определенный правовой статус, установленный и регулируемый нормативными правовыми актами, поэтому совершение преступления связано с нарушением правовых предписаний, что необратимо отражается в виде материальной и идеальной следовой информации.

Среди должностных лиц юридического лица причастными к совершению криминального банкротства могут быть: руководитель юридического лица, главный бухгалтер или исполняющий его обязанности бухгалтер.

Кроме того, причастными к совершению преступления среди работников юридического лица могут являться работники бухгалтерии, со-

ставляющие, заполняющие документы бухгалтерского учета и отчетности; материально ответственные лица; работники организации, имеющие непосредственное отношение к составлению учетных документов, уполномоченные на совершение юридически значимых действий.

Важным условием является точное установление документально закреплённых и реально выполняемых функций данных лиц, отношения данных функций к устанавливаемым и доказываемым обстоятельствам.

В качестве субъектов криминального банкротства УК наряду с индивидуальным предпринимателем и должностным лицом юридического лица предусматривает учредителей (участников) и собственника имущества юридического лица. Однако, как показывает практика, привлечение данных лиц к ответственности за последствия экономической несостоятельности (банкротства) юридического лица, возникшие по их вине, сопровождается большими трудностями, так как деятельность этих лиц, как правило, не связана с составлением и представлением бухгалтерской отчетности и иных документов. Кроме того, во многих случаях решения принимаются данными лицами коллегиально и не всегда документально закрепляются, что затрудняет установление степени вины каждого из данных субъектов в отдельности.

Установление и доказывание причастности учредителей (участников), собственников имущества юридического лица связано с определением наличия права этих лиц давать обязательные для должника указания или возможности иным образом определять его действия.

При определении объема прав учредителей (участников) юридических лиц и собственников имущества необходимо учитывать большое количество различных факторов. На фактические полномочия соответствующих лиц влияют: организационно-правовая форма юридического лица, порядок принятия решений по тем или иным вопросам, структура органа управления, положения учредительных документов, иные факторы.

Для установления и доказывания причастности учредителей (участников), собственников имущества юридического лица к совершению криминального банкротства необходимо проанализировать следующие обстоятельства:

- наличие у соответствующего лица права давать обязательные для юридического лица указания либо возможности иным образом определять его действия;
- совершение соответствующим лицом действий (или его бездействие), свидетельствующих об использовании принадлежащего ему права давать обязательные для юридического лица указания или использовании своих возможностей иным образом определять его действия;
- наличие причинно-следственной связи между использованием соответствующим лицом своих прав или возможностей в отношении юридического лица и последствиями в виде причиненного ущерба.

Как свидетельствует современная практика, преступления в сфере экономики отличаются высокой интеллектуальностью и технологичностью. Данное обстоятельство необходимо учитывать при расследовании криминальных банкротств, которые могут сопровождаться высокоинтеллектуальным противодействием со стороны заинтересованных лиц.

При планировании расследования данных преступлений, подготовке и проведении отдельных следственных действий следователь должен учитывать, что лица, совершающие данные преступления, в большинстве случаев обладают достаточно глубокими профессиональными знаниями, навыками и умениями в сфере хозяйственной деятельности.

Часто в ходе расследования преступлений в сфере экономической деятельности бывает сложно установить, кто из должностных лиц причастен к совершению тех или иных операций, действий, которые входят в структуру механизма преступления, поскольку должностные обязанности данных лиц могут быть урегулированы формально и на деле могут частично либо полностью выполняться иными лицами. Кроме должностных обязанностей данных лиц могут быть формально составлены или полностью отсутствовать и другие документы, регламентирующие их правовой статус и порядок его реализации.

Криминальное банкротство, а также преступления, которые могут быть с ним связаны, являются сложными экономическими преступлениями, совершение которых, как показывает исследование, в достаточно крупных субъектах хозяйствования в одиночку, без ведома иных должностных лиц, чиновников, осуществляющих контроль, и других лиц не представляется возможным.

Как показывает мировая практика, преступления против экономической состоятельности и процедуры банкротства, причинявшие наибольший ущерб, совершались преступными группами с высокой степенью доверия и взаимозависимости. Во многих случаях в круг субъектов данных преступлений входили лица, связанные близкими дружескими, семейными, либо родственными отношениями.

Можно сделать вывод, что сведения о субъектах криминального банкротства имеют большое значение для криминалистической характеристики данной категории преступлений, несут массив криминалистически значимой информации. Криминалистический анализ сведений о личности субъекта преступления необходим как для теоретического изучения так и для создания научно обоснованных практических рекомендаций по расследованию преступлений против экономической состоятельности и процедуры банкротства.

О МОДЕЛИРОВАНИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Познание каждого преступного события возможно благодаря его свойству отражаться в окружающей среде, т. е. вызывать в ней определенные изменения. Категория «отражение» является одной из центральных для криминалистической науки.

В теории и практике криминалистической идентификации различают две формы отражения: материально фиксированную и идеальную (психофизиологическую). Материально фиксированная форма связана с объективной фиксацией признаков объектов (следы рук, ног, транспортных средств, орудий взлома, оружия и т. д.). Идеальная форма отражения характеризуется особенностью следов преступной деятельности оставаться в сознании людей, их памяти.

Как возникновение материальных следов, так и формирование мысленных образов связано с взаимодействием отражающих и отражаемых объектов. Результатом такого взаимодействия и являются следы.

Ученые-криминалисты различают следы в широком и узком смысле. Под следом в широком смысле понимают любые изменения окружающей среды, связанные с преступным событием, а в зависимости от формы отражения их традиционно делят на материальные и идеальные. Следы преступления в узком смысле называют отображения, возникающие в результате взаимодействия следообразующего и следовоспринимающего объектов.

Материальные следы доступны для непосредственного восприятия, поскольку имеют объективную форму выражения. Идеальные следы хранятся в памяти человека в виде мысленных образов. Особенностью идеальных следов является то, что они могут иметь и материальное выражение в виде планов, чертежей, схем. Идеальные следы (мысленные образы), запечатленные в памяти человека, можно получить путем воспроизведения информации в устной или письменной форме (иногда в виде знаков или жестов) и зафиксировать ее на материальном носителе. Так, показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых об обстоятельствах преступления фиксируются в протоколах допросов, очных ставок, проверок показаний на месте, материалах звуко- и видеозаписи.

Процесс обнаружения материальных и идеальных следов также имеет особенности. Так, если материальные следы можно обнаружить визуально, с помощью физических, химических и других методов, то

идеальные следы можно выявить и распознать при получении устной или письменной информации от лиц, которые являются ее носителями, при проведении следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также получить в процессе гипноза, при проведении опроса с использованием полиграфа. Кроме того, идеальные следы можно обнаружить в процессе анализа информации, содержащейся в заметках, дневниках, письмах, предсмертных записках и т. д.

Познание преступления наиболее полно и эффективно может осуществляться путем построения его ретроспективной и перспективной модели.

Моделирование преступлений, отдельных элементов его структуры, связей между ними, отражений осуществляется в процессе практической деятельности по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в том числе при проведении следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, тактических операций и экспертных исследований.

В процессе моделирования следов преступлений возможно построение как материальных, так и идеальных (мысленных) моделей. Материальными моделями следов преступлений являются муляж ножа, гипсовый слепок следа обуви, изъятый с места происшествия, манекен и т. д. Идеальные модели следов преступлений представляют собой совокупность их мысленных образов, а в отдельных случаях – совокупность материальных объектов и их мысленных образов (например, следы убийства при моделировании места его совершения).

При моделировании материальных следов применяются различные технические приспособления и инструменты, что позволяет придать материальным следам наглядную форму и способствует проведению следственных действий, экспертных исследований. С идеальными следами все обстоит гораздо сложнее, поскольку их модели не воспроизводятся в визуальной форме, а моделирование осуществляется в сознании человека.

Еще одним направлением моделирования преступлений является деятельность по выявлению в проектах нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) норм, применение которых может повлечь (повлечло) возникновение криминогенных последствий в различных сферах общественных отношений (возникновение рисков криминогенного характера), при проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) в соответствии с указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244 «О криминологической экспертизе».

Моделирование преступлений (преступной деятельности, криминальных схем) в процессе проведения указанной экспертизы предпола-

гает в том числе и мысленное конструирование отражаемых и отражающих объектов, системного окружения.

Моделирование следов преступлений при проведении криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов (нормативных правовых актов) возможно с использованием специальных методов криминалистики (криминалистического анализа, распознавания, моделирования, прогнозирования) и характеризуется следующим:

1) при выявлении в нормативных правовых актах норм, применение которых повлекло возникновение рисков криминогенного характера, путем их анализа может быть раскрыто содержание идеальных следов преступлений, предпосылки (условия) для совершения которых были объективно созданы в процессе реализации таких норм;

2) при выявлении в проектах нормативных правовых актов норм, применение которых может повлечь возникновение рисков криминогенного характера, могут быть смоделированы материальные и идеальные следы преступлений; спрогнозированы не только преступные схемы, отдельные элементы материальной структуры преступлений, связи между ними, но и следы преступной деятельности, как идеальные, так и материальные.

Таким образом, информация о материальных и идеальных следах преступлений, их моделях, объектах и предметах, которые могут быть связаны с преступлением, полученная при проведении криминологической экспертизы, наряду с информацией о преступлениях, элементах их структуры, связях между ними, их моделях позволяет осуществлять профилактику преступлений, разрабатывать методики выявления следов преступлений, их исследования, фиксации, методики расследования отдельных видов преступлений, а также прогнозировать появление новых общественно опасных деяний.

УДК 342.9

А.Л. Федорович

ЭЛЕМЕНТЫ МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЯ САМОГОНОВАРЕНИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Объектом исследования являются общественные отношения, реализуемые в сфере административной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по противодействию нарушениям антиалкогольного законодательства. Предметом исследования является классификация, необходимая для административной деятельности уча-

стковых инспекторов милиции по выявлению правонарушений, предусмотренных ст. 12.43 КоАП, за основу которой взяты частные положения криминалистической методики, преломленные в плоскости рассматриваемого деяния.

В 2010 г. в гл. 12 КоАП была добавлена ст. 12.43 «Изготовление или приобретение крепких алкогольных напитков (самогона), полуфабрикатов для их изготовления (браги), хранение аппаратов для их изготовления». Безусловно, со времени образования БССР аналогичная ответственность существовала в рамках административного права и уголовного права. Тем не менее вступивший в 2007 г. в законную силу КоАП в отличие от предыдущего административной ответственности за самогонование не содержал.

Данный период ознаменовался ростом количества административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере антиалкогольного законодательства, это повлекло рост смертей от причин, связанных с употреблением алкоголя: 2007 г. – 3 464, 2008 г. – 3 601, 2009 г. – 3 574, 2010 г. – 3 820, 2011 г. – 4 446 (под смертностью от причин, связанных с употреблением алкоголя, понимаются случайные отравления алкоголем, хронический алкоголизм, алкогольный психоз, алкогольный цирроз печени).

Для организации эффективной работы участковых инспекторов милиции по выявлению и фиксации правонарушений, совершаемых в сфере самогонования, видится правильным проведение их классификации, что позволит применить наиболее эффективные приемы и способы работы. Как правило, правонарушения, совершаемые в сфере незаконного оборота самогона, носят латентный характер, что выражается не только в нежелании лица, причастного к данному правонарушению, афишировать свои противоправные действия, но и в принятии мер к укрытию следов их совершения, производстве самогона в отдаленных или скрытых от людей местах. Производство самогона можно классифицировать:

по форме собственности домовладения владельца самогона, самогонного аппарата, браги, их изготовителя:

- принадлежащее юридическому лицу;
- принадлежащее физическому лицу;
- не имеющее юридически значимого отношения к месту производства;

2) месту производства:

- в частном доме;
- в арендном жилье;
- в пожизненно наследуемом домовладении;

- на территории государственного предприятия;
- 3) целям производства:
 - для собственного потребления;
 - угощения знакомых и родственников;
 - расплаты за выполненную работу;
 - реализации;
- 4) типу самогонного аппарата:
 - промышленного производства, выполненный в заводских или приближенных к ним условиям из неиспользуемых непосредственно в быту элементов;
 - выполненный из бытовых устройств, предметов, столовой посуды;
 - комбинированный, сочетающий в себе элементы двух предыдущих типов.

Исходя из приведенной классификации, участковые инспекторы милиции будут более предметно планировать свою деятельность по выявлению и пресечению фактов самогонования, выбирая требуемые приемы и способы работы, оформляя необходимые административно-процессуальные и служебные документы.

УДК 343.98

А.М. Хлус

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Президентом Республики Беларусь 9 ноября 2010 г., определены приоритетные направления государственной политики в сфере защиты национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз. В качестве основных потенциальных либо реально существующих угроз национальной безопасности выделяются коррупционные проявления.

Коррупция – это проблема не только государства. Социальный характер этого явления требует активного участия в ее решении отдельных общественных институтов и общества в целом. Уровень коррупции во многом зависит не только от нечистых на руку государственных служащих, часто называемых чиновниками, но и от рядовых граждан, которые ради личных интересов готовы «подмазать» неповоротливые колесики того или иного бюрократического механизма. Коррупция вносит дезорганизацию в работу системы государственного аппарата. Государственный служащий, использующий свое должностное поло-

жение для личного обогащения, дискредитирует авторитет власти перед личностью, обществом и государством.

Коррупционный риск – объективно сложившаяся либо субъективно обусловленная ситуация, которая может потенциально либо реально привести к совершению коррупционного правонарушения.

Проблема незаконных отношений в системе учреждений образования имеет глубокие социальные корни, приобретает широкие масштабы и нередко проявляет коррупционный характер. Коррупция снижает уровень образования и размывает нравственные основы молодого поколения. Ее основная опасность в сфере образования заключается в профанации главной цели образовательного процесса: обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, направленных на усвоение знаний, умений, навыков, необходимых в профессиональной деятельности, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося.

Взятничество, протекционизм и поборы становятся все актуальнее в учебных заведениях. Эти негативные социальные явления снижают уровень образованности молодежи, воздействие идеологической работы на учащихся и студентов. Совершение коррупционных правонарушений в системе образования создает угрозу безопасности в духовно-нравственной сфере.

Говоря о коррупции в сфере образования, чаще всего ее упоминают в системе учреждений высшего образования. В действительности коррупция и коррупционные риски проявляются на всех уровнях системы образования. Коррупционные риски имеют место уже на уровнях дошкольного и общего среднего образования.

Проявление коррупционных рисков в сфере образования возможно: 1) на этапе формирования и развития материально-технической базы учреждения образования; 2) в ходе приема учащихся в учреждение образования; 3) при распределении учащихся в общежития; 4) в ходе оказания дополнительных платных услуг; 5) в ходе приема зачетов и экзаменов; 6) в процессе ремонта основных средств; 7) в процессе оказания (осуществления) репетиторства; 8) на этапе выпуска из учреждения образования.

Так, например, при осуществлении деятельности, направленной на развитие материально-технической базы учреждения образования, требование предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи запрещается. Если должностное лицо учреждения образования, используя свои служебные полномочия, все же требует предоставления такой помощи, это является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности вплоть до освобождения от занимаемой должности. Если такое требование совершено должностным лицом учрежде-

ния образования с использованием своих служебных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности либо повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам, то предусмотрена уголовная ответственность. Более того, согласно ст. 20 закона Республики Беларусь от 20 июня 2006 г. № 195-З «О борьбе с коррупцией» требование предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, а равно нарушение порядка ее предоставления и использования находится в числе правонарушений, создающих условия для коррупции.

Признаки, указывающие на возможное наличие коррупционных схем: наличие в группе (классе) безосновательно большого количества воспитанников (учащихся, учеников) по сравнению с нормативами, предусмотренными законодательством; неравномерное распределение средств, используемых в целях проведения ремонта в здании учреждения образования; прием денежных средств за оказываемые платные услуги по сомнительным ведомостям или без них; наличие у администрации (руководителя) учреждения образования явных фаворитов среди педагогов, активность которых проявилась при решении проблем материально-технического обеспечения учебного заведения и соответствующим образом оценена руководством, и др.

Наиболее эффективными методами, которые целесообразно использовать в процессе выявления коррупционных рисков в исследуемой сфере деятельности, а также при раскрытии и расследовании преступлений в сфере образования, являются криминалистический анализ и матрицирование. Главным содержанием криминалистического анализа в этом случае является разработка и осуществление познавательных процедур, направленных на наиболее полное изучение общественных отношений, складывающихся в процессе образовательной деятельности между субъектами образовательных отношений, порядка формирования и обеспечения материально-технической базы учреждения образования. В первую очередь анализу должна быть подвергнута деятельность, приносящая доходы учреждению образования.

Не менее важным представляется использование метода криминалистического матрицирования в целях своевременного выявления противоправного поведения, а также признаков правонарушений. Применение данного метода предполагает использование разработанных матриц в различных направлениях деятельности учреждения образования, например, в процессе получения и использования безвозмездной (спонсорской) помощи, управления и т. д. Основой для разработки таких матриц является система нормативных правовых актов, регулирующих образовательные и связанные с ними общественные отношения. Сопоставление

матрицы с действительным состоянием дел по различным направлениям деятельности учреждения образования обеспечит обнаружение дефектов, изучение которых позволит выявить признаки коррупционного правонарушения и принять адекватные меры реагирования.

Противодействие коррупции в сфере образования должно осуществляться государственными органами и иными организациями посредством:

- антикоррупционного образования граждан с целью формирования в их сознании нетерпимости в отношении коррупции;
- недопущения финансирования либо предоставления иных форм материального обеспечения образовательного процесса из источников и в порядке, не предусмотренных законодательством Республики Беларусь;
- сочетания противодействия коррупции с созданием экономических предпосылок для устранения ее причин;
- неотвратимости ответственности лиц, совершивших коррупционные правонарушения, за которые предусмотрена дисциплинарная ответственность.

На руководителей государственных и негосударственных учреждений образования необходимо возложить следующие обязанности:

- привлекать лиц, совершивших правонарушения, создающие условия для коррупции, или коррупционные правонарушения, за которые предусмотрена дисциплинарная ответственность, к такой ответственности;
- информировать государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией, о фактах совершения подчиненными правонарушений, создающих условия для коррупции, или коррупционных правонарушений.

УДК 343.98

Чжу Цзиньцзе

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сегодня более чем очевидно, что комплекс вопросов, связанных с применением криминалистической техники, необходимо исследовать в рамках определенной системы. Техничко-криминалистическое обеспечение (ТКО) расследования преступлений, выступая в качестве универсальной криминалистической категории, выполняет функцию такой системы. Объединяя различные аспекты (научно-технический, организационный, правовой, методический), эта категория позволяет рас-

смагивать составляющие ее элементы в комплексе, в системной и предметно-функциональной взаимосвязи.

Одна из первых попыток определить понятие ТКО как вида деятельности была предпринята Г.И. Грамовичем. По его мнению, ТКО – это «регламентируемая определенными нормативными актами деятельность научно-исследовательских, судебно-экспертных и других учреждений, а также соответствующих должностных лиц, на которых возложена обязанность по разработке и реализации комплекса взаимосвязанных мер с целью создания оптимальных условий эффективного применения специальных познаний и научно-технических средств в борьбе с преступностью».

Вместе с тем, рассматривая ТКО как вид деятельности, Г.И. Грамович проявлял несколько зауженный, односторонний подход к ее содержанию. Он рассматривал «комплекс мер» в отрыве от практической направленности, от их непосредственной реализации в ходе практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Позднее эта некоторая односторонность была замечена и исправлена В.А. Волыньским, который рассматривал ТКО как организационно-функциональную систему (вид деятельности), направленную на достижение двуединой цели: с одной стороны – на создание условий постоянной готовности ее субъектов к применению криминалистической техники, быстрому и результативному решению технико-криминалистических задач, а с другой – на практическую реализацию этих условий в целях получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации и ее использования в каждом конкретном случае раскрытия и расследования преступлений.

В силу того, что криминалистические методы, приемы и средства в криминалистической деятельности не применяются изолированно, что было отмечено достаточно давно, мы считаем, что ТКО выступает подлинно системным видом деятельности не соединяя, а интегрируя в себе элементы системы криминалистических методов, приемов и технико-криминалистических средств. Это образует, с нашей точки зрения, функционально-динамическую систему вида деятельности, обладающую не суммарным, а, как и криминалистика в целом, синергетическим способом решения практических задач.

Таким образом, ТКО представляет собой организационно-функциональную систему основы информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Система обладает всеми признаками специфической деятельности с точки зрения ее целей, задач, организационных форм, субъектов осуществления. Эта деятельность направлена, во-первых, на создание ус-

ловий постоянной готовности правоохранительных органов к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задач и, во-вторых, на практическую реализацию таких условий в целях раскрытия и расследования преступлений.

Подобный подход к понятию и содержанию института ТКО как к виду деятельности отмечен Су Хуэйной, который, приводя определение ТКО как вида деятельности, выделяет в нем и основные составляющие его содержания: правовое, научное и организационное обеспечение.

Мы согласны с этим, но вместе с тем полагаем, что более полным раскрытие содержания ТКО было бы в том случае, если бы в него были включены методическое и техническое обеспечение. Однако и это не является исчерпывающим перечнем его составляющих, так как речь может идти и о дальнейшем научном изучении ТКО, в том числе и входящих в него функциональных элементов и подсистем.

По нашему мнению, более предпочтительна позиция В.А. Волынского, в которой четко структурирована современная сущность технико-криминалистического обеспечения, включающая в себя такие структурные элементы, как организационное, правовое, научно-методическое, технико-криминалистическое, кадровое (в плане криминалистической подготовки) обеспечение. Таким образом, мы считаем, что единственно верной позицией, с которой следует рассматривать ТКО как разновидность человеческой деятельности (как с научной, так и с практической стороны), является рассмотрение его с позиции системно-деятельного подхода. Это, на наш взгляд, определяет ТКО расследования преступлений не только как самостоятельный и незаменимый компонент системы, но и как один из развивающихся институтов формирования подлинно системных криминалистических технологий обеспечения расследования преступлений.

Некая «формула деятельности», определяющая структуру ТКО, в зависимости от степени детализации его составных частей может быть представлена различно. В наиболее обобщенном виде для этого может быть приемлем и чисто технический его состав как совокупность трех компонентов: субъектов, объектов деятельности и самого его процесса как вида деятельности, служащего неотъемлемой и необходимой связью между каждым из его компонентов.

Под субъектами подразумеваются лица и органы, наделенные соответствующими компетенциями и возможностями. Техничко-криминалистические средства, соответствующие им специальные познания и возникающие в процессе их использования в раскрытии и расследовании преступлений социальные и организационно-правовые отношения составляют основное содержание объекта ТКО.

Структура деятельности компонента системы (ТКО) исключительно сложна. Дифференцируя ее в целях удобства, можно в собственно деятельности выделить субъективную сторону, в которой можно определить цели и задачи, определяющие предмет ТКО, а также объективную сторону, включающую все разнообразие действий, процессов и подпроцессов по ТКО и их последствия, т. е. результаты. Соответствие результатов ТКО целям расследования является определяющим критерием, условием функциональной целостности и развития системы.

Таким образом, наличие специфических целей и задач по раскрытию и расследованию преступлений позволяет выделить ТКО как самостоятельный вид деятельности; основу ТКО составляют научные знания многих отраслей, что позволяет говорить о нем как о системе и научно обоснованной и развивающейся комплексной отрасли; информационная сущность и целевая направленность ТКО позволяет рассматривать его как специализированную подсистему и компонент общей системы информационно-криминалистического обеспечения, направленной на раскрытие и расследование преступлений и противодействие преступности.

ТКО представляется нам как одна из криминалистических технологий повышения системной эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, создающей условия и возможности для расширения доказательственной базы, ускорения расследования и объективизации процесса доказывания по уголовным делам, и вместе с тем требующей комплексного решения значительного объема организационных, правовых, научно-методических, технических и технологических задач для определения наиболее полного содержания ТКО как вида деятельности и выхода процесса расследования на новый уровень решения социально значимых задач.

УДК 343.9(075.8)

А.И. Чурносов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

В настоящее время появилась объективная необходимость с криминалистических позиций дать оценку незаконному пересечению государственной границы Республики Беларусь по ряду причин:

1) отсутствуют научно обоснованные методики расследования фактов незаконного пересечения государственной границы Республики Беларусь;

2) имеющиеся отдельные методические разработки в данной сфере на сегодняшний день уже устарели и не отвечают современным условиям борьбы с незаконным пересечением государственной границы;

3) за последние десятилетия криминалистика сделала существенный скачок в своем развитии, но ее достижения не нашли своего применения в борьбе с незаконным пересечением государственной границы, в частности в оптимизации расследования и профилактики этого вида преступлений.

Решение проблемы в практическом плане заключается в подготовке научно обоснованных рекомендаций сотрудникам органов пограничной службы в целях повышения уровня раскрытия, расследования, а также предупреждения незаконного пересечения государственной границы Республики Беларусь. Для этого целесообразно провести: научный анализ современных правовых и организационно-тактических основ по выявлению, пресечению и расследованию незаконного пересечения государственной границы Республики Беларусь; анализ существующей практики раскрытия и расследования уголовных дел данной категории; разработку криминалистической характеристики незаконного пересечения государственной границы Республики Беларусь; выявление типичных следственных ситуаций первоначального и последующего этапов расследования рассматриваемого преступления; разработку типовой программы расследования незаконного пересечения государственной границы Республики Беларусь; разработку рекомендаций по тактике проведения отдельных следственных действий.

Незаконное пересечение государственной границы Республики Беларусь относится к преступлениям против порядка осуществления власти и управления.

Объективная сторона данного преступления, предусмотренного ст. 371 УК, выражается в умышленном незаконном пересечении государственной границы Республики Беларусь, т. е. в нарушении порядка ее пересечения, определенного законодательством Республики Беларусь.

Действия по незаконному пересечению государственной границы могут совершаться с использованием тех или иных транспортных средств (поезд, воздушное судно, плавсредство, катер, лодка и иные средства, предназначенные для перевозки людей). Данное посягательство может быть совершено также посредством перехода через государственную границу, т. е. без использования транспортных средств (пешком, вплавь и т. д.).

Умышленное незаконное пересечение государственной границы совершается, как правило, тайно с применением различных ухищрений. На транспортных средствах заградительного назначения нередко используются труднодоступные для осмотра места, а при преодолении сухопутной границы применяются также маскировка следов, средства преодоления заградительных устройств и инженерно-заградительных комплексов, подкопы, пролазы и т. п.

От качества осмотра места нарушения границы в значительной степени зависит успех задержания нарушителей границы. Для доказательства бесспорной вины задержанного должны быть известны такие факты, как место и время перехода границы и задержания нарушителя, маршрут его движения; должны сохраняться следы и другие признаки нарушения границы, а также обнаруженные и изъятые у нарушителя предметы и документы. Это является главной задачей как пограничных нарядов, офицеров заставы, так и дознавателей.

Осмотр места нарушения границы – это действия, совершаемые в целях собирания (обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения), исследования следов, предметов и других признаков нарушения границы и их изучения для выявления обстоятельств, связанных с нарушением границы.

Непосредственное изучение обнаруженных следов нарушителей является частью осмотра места нарушения границы – сложного комплекса мероприятий, проводимых при этом.

В зависимости от конкретных целей и задач, стоящих перед пограничниками, и обстановки на границе осмотр места нарушения может быть проведен в три этапа.

Первый этап – служебный осмотр местности, который проводится пограничными нарядами, обнаружившими следы или признаки нарушения границы, в целях быстрого определения направления движения нарушителей, их числа и давности следов. Это необходимо для успешного преследования и задержания нарушителей границы. При этом пограничные наряды принимают меры по сохранению следов, предметов и других признаков нарушения границы от воздействия неблагоприятных условий погоды, а также от действий, направленных на уничтожение следов.

Второй этап – предварительный осмотр места нарушения, который проводится офицерами заставы в целях уточнения направления движения нарушителей границы и их количества для принятия правильного решения об их поиске и задержании. При этом также принимаются меры по охране следов и вещественных доказательств от повреждения и уничтожения.

Третий этап – основной (следственный) осмотр места происшествия. Проводится лицом, производящим дознание (следователем). Основной целью осмотра места происшествия (нарушения границы, маршрута движения, места задержания) является обнаружение, отбор и фиксация следов, предметов и документов, принадлежащих задержанному и не-сущих определенную информацию о его действиях и намерениях, а также выяснение других обстоятельств, имеющих значение для дела.

УДК 614.841

Г.Л. Шавлюкевич

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЖАРАМИ

Современное состояние борьбы с преступлениями, связанными с пожарами, их раскрытия и расследования создает предпосылки для глубокого и всестороннего исследования причин возникновения пожаров. Практика показывает, что на современном этапе решение вопросов, связанных с проработкой отдельных версий о причине пожара, их мотивированным отводом или доказательством причастности тех или иных источников зажигания или пожароопасных процессов к возникновению пожара, вызывает наибольшие трудности у лиц, осуществляющих дознание по делам о пожарах. Именно для решения таких проблем законодательством Республики Беларусь дано право следователям, лицам, производящим дознание, и судьям при необходимости применения специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле назначать пожарно-техническую экспертизу.

В 1966 г. Б.В. Мегорский в книге «Методика установления причин пожара» писал: «В отличие от случаев, по которым проведение экспертизы является обязательным, пожарно-техническая назначается лишь тогда, когда особенности дела диктуют такую необходимость». В настоящее время это высказывание по-прежнему остается актуальным, так как назначение экспертиз без рассмотрения вопроса о целесообразности их назначения оказывает существенное влияние на количество назначаемых экспертиз, сроки их проведения и своевременность расследования преступлений, связанных с пожарами.

Заключение эксперта согласно ч. 2 ст. 88 УПК является источником доказательств, и, как правило, фактические данные, вытекающие из него, являются одним из наиболее распространенных видов доказа-

тельств. Экспертная практика показывает, что результат экспертизы во многом зависит не только от уровня профессиональной подготовки эксперта и материально-технической базы, но и в значительной степени от полноты собранных материалов и вещественных доказательств, в частности и в правильной постановке вопросов перед экспертом. Нередко формулировки вопросов не соответствуют общепринятым рекомендациям (с учетом общих закономерностей определенной отрасли науки и техники), в результате чего смысл вопросов становится непонятен эксперту и он воспринимает их в собственной интерпретации в соответствии со своими специальными знаниями. К примеру, наиболее распространенный вопрос, который ставится на разрешения эксперта, – «что явилось причиной пожара?». На первый взгляд, его формулировка достаточно ясна и понятна, однако мнение о том, что назвать причиной пожара, отличается у следователей, лиц, производящих дознание, судей и экспертов. «Причина пожара» является достаточно широким и по-разному толкуемым в различных сферах понятием. В настоящее время следователями, лицами, производящими дознание, и судьями под причиной пожара принято понимать нарушение правил пожарной безопасности, неосторожное обращение с огнем, поджог. Эксперты понимают причину пожара как физический процесс, непосредственно обусловивший возникновение горения, которое привело к пожару, а именно как техническую причину пожара.

Также следует обратить внимание на вопросы, которые ставятся на разрешение эксперта по исследованию вещественных доказательств. Понятие «вещественные доказательства» доступно и понятно изложено в ст. 96 УПК. Источником специальных знаний часто являются экспертные методики, экспертный опыт в сочетании с достижениями научно-технического прогресса, а также научно-исследовательская работа, в ходе которой экспертный опыт дополняется результатами научных исследований на базе обобщения достижений мировой науки. Неправильно поставленные вопросы обычно приводят исследование вещественных доказательств либо в тупик, либо к результатам, которые не могут быть полезными. На практике встречаются вопросы, которые сформулированы так, что заблаговременно видна абсурдность как вопроса, так и проведения исследований. К примеру, по одному из пожаров, происшедшему в гараже, расположенном на территории частного домовладения, при назначении экспертизы был поставлен вопрос: «Являются ли данные предметы остатками электроприборов (рубильник, электрическая розетка, электрический выключатель), если да, то какого конкретно типа, марки?». Для исследования были представлены объекты, не относящиеся к элементам электрических приборов, а именно поршневые кольца от двигателя внутреннего сгорания и значительное

количество древесного угля, что не позволило эксперту провести необходимые исследования для ответа на поставленные перед ним вопросы.

В связи с тем, что установление причин пожаров сопряжено с рядом трудностей, которые объясняются сложностью самого явления, а также уничтожением при пожаре данных, способствующих исследованию его причины, следователи, лица, производящие дознание, и судьи иногда прибегают к вероятностным вопросам. При этом они ожидают от экспертов точного ответа на вопрос о причине пожара, не учитывая, что выводы эксперта находятся в прямой зависимости от того, насколько квалифицированно ими собраны материалы по делу. В данной ситуации мы можем предположить, что следователь, лицо, производящее дознание, или судья, когда назначает экспертизу, уже построил какую-то определенную версию и предполагает, что определенный процесс или действие могло привести к пожару, поэтому он, собственно, и назначает экспертизу с вероятностными вопросами для проверки своих предположений. В подобных случаях выводы экспертов могут иметь ориентирующее значение. Однако если факты, которые взяты экспертом из материалов дела, окажутся ошибочными, то и выводы эксперта будут ошибочными.

В заключение можно сказать, что экспертиза представляет собой средство проверки доказательств, а выводы эксперта находятся в прямой зависимости от того, насколько квалифицированно собраны материалы по делу и правильно сформулированы вопросы.

УДК 343.98

А.И. Швед

**О НОВЫХ ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕР
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ,
РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ**

С 1 июля 2013 г. функционирует Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Государственный комитет). Новый государственный орган призван способствовать решению задач по оперативной защите прав и законных интересов граждан, иных субъектов правоотношений в сфере судопроизводства и тем самым обеспечить судебно-экспертную деятельность на более качественном и совре-

менном уровне. Таким образом, наряду с образованием Следственного комитета Республики Беларусь в республике осуществлен очередной важный организационный этап совершенствования досудебного производства в целях реализации принципов состязательности и объективности судопроизводства, обеспечения процессуальной независимости экспертов в уголовном, гражданском и административном процессе.

До образования Государственного комитета государственные судебно-экспертные учреждения (подразделения), осуществлявшие одни и те же либо схожие виды деятельности, функционировали в различных государственных органах. Большинство видов экспертиз, выполняемых в Центре судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции и Государственном экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел, совпадало. В каждом из ведомств действовали свои нормативные правовые акты, нередко по-разному регулирующие отдельные вопросы проведения экспертиз, имелись различия в методологических подходах. Сотрудники экспертных подразделений системы МВД нередко привлекались для выполнения многочисленных функций, не связанных с экспертной работой. Все это наряду с недостаточным финансированием стало причиной возникновения целого комплекса проблем в сфере судебно-экспертной деятельности, решение которых было возможным путем выведения экспертных учреждений (подразделений) из структуры правоохранительных и иных государственных органов.

В истории современной Беларуси предложение о реформировании системы государственных экспертных учреждений впервые прозвучало в Концепции судебно-правовой реформы¹, в которой отмечено, что для эффективной борьбы с преступностью МВД необходимо освободить от не свойственных ему функций: осуществления предварительного следствия, экспертно-криминалистических исследований (за исключением технических подразделений, обеспечивающих оперативно-розыскную деятельность). По мнению разработчиков концепции, такой подход отвечает общепризнанным нормам международного права и научным рекомендациям, а также позволит обеспечить гарантии прав и законных интересов граждан.

Соблюдение принципов международного права особенно актуально для уголовного процесса. В то же время безусловная практическая их реализация в условиях поручения судом проведения исследований экспертным учреждениям, находящимся в подчинении органов уголовного преследования, с правовой точки зрения невозможна.

¹ Вєдамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. 1992. № 16. С. 270.

Согласно Стамбульскому протоколу Управления Верховного комиссара ООН по правам человека «Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 9 августа 1999 г. лица, проводящие расследование, должны быть независимыми от предполагаемых виновных и от учреждений, в которых они работают, а также компетентными и беспристрастными. Они должны иметь возможность обращаться к объективным медицинским и другим экспертам или право привлекать их для проведения расследования.

Прямое нормативное закрепление необходимости обеспечения независимости экспертных учреждений содержится в резолюции Комиссии ООН по правам человека, принятой 23 апреля 2003 г. на 57-м ее заседании при рассмотрении вопросов судебной медицины в контексте защиты гуманитарных прав.

Указанная комиссия отметила, что судебно-экспертная служба должна находиться под юрисдикцией судебного или иного независимого органа. Хотя данный документ относится к области судебно-медицинской экспертизы, его сущность связывают и с другими сферами судебной экспертизы.

Необходимость обеспечения принципа независимости экспертов установлена законодательством Республики Беларусь, однако ранее существовавшая система государственных экспертных учреждений не в полной мере могла гарантировать его практическую реализацию.

В соответствии с требованиями ст. 24 УПК правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон обвинения и защиты. Функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Эксперт не может быть представителем стороны обвинения, равно как и стороны защиты (п. 40 и 41 ч. 1 ст. 6 УПК), им является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо (ч. 1 ст. 61 УПК), он не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если находился или находится в служебной или иной зависимости от лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи, защитника, подозреваемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителей (п. 2 ч. 1 ст. 85 УПК).

Очевидно, что ранее существовавшая подчиненность Государственной службы судебных экспертиз Республики Беларусь генеральному прокурору Республики Беларусь не гарантировала с правовой точки зрения независимость судебно-медицинских экспертов от влияния стороны обвинения, которую в уголовном процессе представляет прокурор.

По аналогичным основаниям отсутствовали в полной мере правовые гарантии реализации данного принципа и применительно к экспертным учреждениям, находившимся в подчинении государственных органов уголовного преследования, осуществляющих дознание, а также предварительное следствие.

Выступая на совещании судей 25 марта 2008 г., Глава государства отметил наличие в нашей компактной стране множества экспертных учреждений в различных государственных органах. Однако, как подчеркнул Президент, это не решает проблему сроков проведения экспертиз, их полноты и научной обоснованности, а заключения, выносимые экспертами различных учреждений по одному и тому же делу, нередко противоречат друг другу. Президент потребовал организовать четкое взаимодействие различных судебно-экспертных учреждений, повысить эффективность их работы, рассмотреть вопрос о сокращении количества экспертных учреждений, а также о создании единого центра.

Образование Государственного комитета позволит обеспечить принятие актуального для судебно-экспертной деятельности законодательного акта, закрепляющего правовые основы и принципы ее осуществления, правовой статус эксперта, дополнительные гарантии его независимости, механизм регулирования вопросов организационного и научно-методического обеспечения экспертной деятельности, а также единый для всех экспертных учреждений подход к срокам проведения экспертиз, расчету затрат на экспертные исследования и порядку их возмещения.

До настоящего времени попытки разработки законопроекта о судебно-экспертной деятельности (подобные законы действуют во многих странах СНГ) не были доведены до конца, в том числе и по причине отсутствия общего мнения о необходимости создания в стране независимого государственного органа, который должен вырабатывать и реализовывать единую государственную политику в сфере судебно-экспертной деятельности.

Образование Государственного комитета позволило сконцентрировать ответственность за положение дел в данном направлении государственного регулирования и обеспечить более эффективное развитие указанной деятельности, в том числе путем установления единой системы подготовки кадров, повышения их квалификации и переподготовки, внедрения новых видов и методик судебных экспертиз. Оптимизация штатной численности экспертов, перераспределение ее для снижения нагрузки по отдельным видам исследований уже в настоящее время позволяет решать накопившиеся за многие годы проблемы длительности экспертных исследований.

Ежегодно в стране проводится не менее 350 тыс. экспертных исследований по уголовным, гражданским, административным делам, хозяйственным спорам, материалам доследственных проверок и по запросам субъектов оперативно-розыскной деятельности. В настоящее время около 90 % экспертиз, назначаемых в органы Государственного комитета, стало проводиться в срок до одного месяца. За счет объединения возможностей ведомств, вошедших в Государственный комитет, объединения профессионального потенциала экспертов, а также равномерного перераспределения нагрузки активно сокращается остаток неисполненных экспертиз, накопившихся в последние годы.

Для эффективного функционирования Государственного комитета создана трехуровневая система его подразделений (центральный аппарат; управления по областям и г. Минску; районные (межрайонные), городские, районные в городах отделы). Его независимость от какого-либо ведомственного влияния обеспечивается подчиненностью непосредственно Президенту Республики Беларусь.

С учетом того, что более половины численности работающих экспертов Государственного комитета – сотрудники, имеющие специальные звания, в целях сохранения высококлассных специалистов новому государственному органу придан правовой статус военизированной организации. В этой связи материальное, пенсионное, социальное и иное обеспечение сотрудников Государственного комитета, имеющих специальные звания, и членов их семей осуществляется в порядке и на условиях, установленных законодательством для лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и членов их семей.

Правовой статус военизированной организации позволяет Государственному комитету эффективно обеспечивать круглосуточное несение экспертами службы в составе следственно-оперативных групп, их участие в проведении неотложных следственных действий (осмотров мест происшествий, обысков и иных процессуальных действий).

При создании Государственного комитета учитывалась и финансовая целесообразность. В целях сокращения бюджетных расходов численность сотрудников нового госоргана уменьшена, а концентрация финансовых ресурсов, ранее выделявшихся на судебно-экспертную деятельность по линии различных ведомств, позволила оптимизировать их использование, создать условия для улучшения материально-технической базы экспертных подразделений и оснащения их современным оборудованием.

Наличие в подчинении Государственного комитета образовательных и научно-практических учреждений призвано закончить разработку и внедрить в экспертную деятельность современные методики ис-

следований, что, несомненно, повысит эффективность судебно-экспертной деятельности.

Для правоохранительных органов важна такая составляющая работы Государственного комитета, как ведение учетов и коллекций. Так, благодаря только криминалистическому учету по следам рук в год раскрывается более 12 тыс. преступлений.

Вместе с тем преступность не стоит на месте. Появляются новые способы совершения противоправных деяний, расширяется круг предметов, материалов и веществ, с использованием которых совершаются преступления. В этой связи роль розыскной и доказательственной информации, а следовательно и современных методов ее сбора, обработки и использования заметно возрастает. С участием экспертов ежегодно проводится около 150 тыс. осмотров мест происшествий. Без использования их результатов невозможно представить дальнейшее криминалистическое сопровождение расследования преступлений и установление истины в суде. В сложившейся ситуации невозможно обойтись без современных информационных систем, позволяющих хранить, обрабатывать, анализировать большие объемы информации.

Одной из таких информационных систем является автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система (АДИС). В Республике Беларусь в этих целях используется программный комплекс АДИС «Дакто 2000», в котором максимально автоматизированы все процессы обработки дактилоскопической информации: следов рук, изъятых с мест происшествий, дактилоскопических карт граждан и неустановленных трупов. В настоящее время в Государственном комитете проводится тестирование новой версии автоматизированной дактилоскопической идентификационной системы, в которой реализован новый алгоритм поиска и ряд иных функций.

В соответствии с межгосударственными нормативными правовыми актами о сотрудничестве организована работа по обмену базами следов и дактилоскопических карт с экспертно-криминалистическими подразделениями стран ближнего зарубежья (Россия, Украина). Ежедневно для проверки по учетам АДИС из стран ближнего и дальнего зарубежья поступает информация по линии НЦБ Интерпола.

Еще одним перспективным направлением в осуществлении деятельности по криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений является совместное с правоохранительными органами республики совершенствование средств фото- и видеофиксации.

В настоящее время подобными системами оснащены банкоматы, отделения банков, крупные объекты торговли, автозаправочные станции и т. д. В связи с этим значительное число противоправных дейст-

вий оказывается запечатленным на магнитные и цифровые носители информации видеозаписывающих устройств. В дальнейшем магнитные и цифровые носители используются в системах портретной идентификации, представляются для проведения различных видов экспертиз.

Вместе с тем практика их использования показывает, что нередко полученные изображения непригодны для решения задач, связанных с отождествлением личности. Это вызвано рядом объективных факторов. К основным недостаткам систем видеонаблюдения, приводящим к невозможности полноценного использования видеоинформации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, относятся: низкая скорость записи и разрешающая способность видеофиксирующей аппаратуры, использование широкоугольных объективов, а также установка видеокамер на значительном расстоянии от фиксируемых объектов и без учета расположения источников освещения.

Решение указанных проблем видится в совместной поэтапной работе по следующим основным направлениям:

- 1) выработка единых требований по размещению видеофиксирующей аппаратуры и приведение в соответствие ее технических характеристик;

- 2) повышение эффективности криминалистического отождествления личности путем оснащения Государственного комитета современным программным обеспечением и оборудованием, например аппаратно-программным комплексом для криминалистического исследования видеозаписей «Видеоцифра-2».

Осуществление данных мероприятий окажет положительное влияние на оперативность раскрытия преступлений и обеспечение надежной доказательственной базы.

Еще одним немаловажным направлением деятельности для обеспечения общественной безопасности и правопорядка является контроль оборота оружия в стране. Постоянный рост объемов ввозимого в республику нарезного огнестрельного оружия, результаты регулярных операций «Арсенал», проводимых ОВД, постоянно изымаемое из теневого оборота оружие требуют от экспертных подразделений качественного его учета и оперативной проверки на причастность к совершенным преступлениям. Без автоматизации это невозможно.

Для функционирования республиканской пулегильзотеки и решения задач идентификационного характера при проведении баллистических экспертиз в Государственном комитете используется автоматизированная идентификационная баллистическая система «ТАИС-040». В настоящее время в данной системе содержатся электронные изображения более 16 тыс. объектов (пуль и гильз), среди которых более тысячи относятся к объектам, изъятым с мест преступлений.

Созданные банки данных стреляных пуль и гильз соединены в единую информационную сеть, в которой возможно проводить автоматический поиск схожих изображений.

Наличие данной системы в Государственном комитете позволяет не только существенно повысить эффективность функционирования республиканской пулегильзотеки и результативность проведения идентификационных баллистических экспертиз, но и осуществлять тесное международное сотрудничество, ведь аналогичные системы установлены в экспертно-криминалистических подразделениях России, Украины, Молдовы, Литвы, Латвии, Армении, Абхазии, Кыргызстана.

Названные организационно-правовые, научно-технические, методические и иные мероприятия по совершенствованию судебно-экспертной деятельности призваны повысить эффективность борьбы с преступностью, а также обеспечить безусловную защиту прав и законных интересов участников уголовного, гражданского, административного процессов.

УДК 343.98

В.П. Шиенок

О НЕКОТОРЫХ СИСТЕМНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В БЕЛОРУССКОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ НАЧАЛА XXI в.

Одной из основных тенденций развития человечества в начале XXI в. является продолжение процесса глобализации, суть которого заключается в устранении национальных защитных механизмов, препятствующих свободному движению товаров, услуг, рабочей силы, капитала и т. п. Иными словами, речь идет о глобальной интеграции экономики, а за ней и социума на планете. Одновременно с этим нарастает глобальная конкуренция во всех сферах жизни и деятельности людей. На этом фоне преступность утрачивает ярко выраженные национальные черты и все более принимает транснациональные формы. Такова реальная картина сегодняшнего мира.

В силу своего географического положения Беларусь обречена столкнуться со всеми проблемами современной цивилизации и, разумеется, с транснациональной преступностью. Актуализирующим проблему обстоятельством является наличие традиционных противоречий между западными странами и Россией. Готова ли к уже пришедшим на белорусскую землю вызовам и угрозам отечественная криминалистика, какие тенденции преобладают в ней в настоящее время?

Анализ белорусской криминалистики свидетельствует о наличии ряда системных противоречий и порожденных ими негативных тенденций, ослабляющих как криминалистическую науку, так и практику. Основными из них являются:

1. Противоречие между устаревшей советской методологией науки и изменившимися условиями жизни. Криминалистика по-прежнему исходит из марксистско-ленинской теории отражения, что сдерживает научный поиск начиная с мировоззренческого уровня. Усугубляет данное противоречие отсутствие четкой государственной стратегии развития криминалистической науки, выраженной в специальной программе (цели и задачи развития криминалистики на среднесрочную и долгосрочную перспективу, меры по их достижению, стратегические научные темы, материально-техническое обеспечение и т. д.). Справедливости ради стоит отметить, что таких программ нет и в сфере оперативно-розыскной деятельности, криминологии, уголовного процесса.

2. Междисциплинарные противоречия между теорией криминалистики и уголовного процесса, обусловленные отнесением данных наук к различным научным специальностям. Была разрезана единая научная материя, система знаний. В настоящий момент прослеживается первая стадия негативного эффекта данного решения – возникли трудности с проведением диссертационных исследований по криминалистике, происходит необоснованное сужение объекта и предмета исследований, идет разрушение традиционных междисциплинарных связей, нарушается логика научного познания. Следует отметить, что данное решение было принято без проведения консультаций с ведущими криминалистами страны. В перспективе разделение криминалистики и уголовного процесса может привести к потере значительного объема научного знания в силу дезинтеграции данных наук, а также появлению ученых с ограниченным научным мировоззрением.

3. Межведомственные противоречия органов, осуществляющих расследование преступлений и участвующих в них. Фактически речь идет о децентрализации, дроблении профессионального ядра криминалистов-практиков вследствие образования следственного и экспертного комитетов. Одним из результатов данного решения стало усугубление проблем в области подготовки следственных и экспертных кадров, так как ведущим учебным заведением по данному профилю является Академия МВД.

4. Противоречия в уголовно-процессуальном законодательстве, обусловленные его высокой динамичностью, содержащим все большее количество неточных формулировок, алогичных и противоречивых норм. Как следствие, практики просто не успевают отслеживать и осмысливать очередные новации.

Проблемами являются также снижение статуса криминалистики до так называемой вузовской дисциплины, обязательность изучения которой и объем часов определяет учебное заведение; удручающее состояние материально-технической базы обеспечения занятий по криминалистике.

Следует констатировать, что имеются все основания говорить о системных кризисных явлениях в белорусской криминалистической науке и практике, преодоление которых потребует времени и усилий при условии выработки и принятия общегосударственной стратегии развития криминалистики.

Преодоление кризисных явлений может быть начато с создания постоянно действующего общественного объединения криминалистов, необходимого для профессионального общения и координации усилий ученых и практиков различных государственных органов.

УДК 343.985

М.П. Шруб

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДЕЛ ПО ПРОБЛЕМЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ КАК КОМПОНЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДАННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Высокая доходность торговли людьми и наличие постоянного спроса на «живой товар» в странах назначения, причин и условий глобального характера для существования рассматриваемого явления детерминируют наличие устойчивого количества преступлений, связанных с торговлей людьми, в Республике Беларусь: 2008 г. – 333, 2009 г. – 417, 2010 г. – 465, 2011 г. – 458, 2012 г. – 384. При этом по уголовным делам потерпевшими признаются десятки, а порой и сотни человек.

Высокая степень общественной опасности торговли людьми на сегодняшний день констатируется на уровне Президента и правительства страны: Государственная программа противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным действиям на 2011–2013 годы определяет противодействие данным преступлениям как одно из приоритетных направлений деятельности государственных органов Республики Беларусь, обеспечивающих национальную безопасность, защиту интересов общества, прав, свобод и законных интересов граждан. В госпрограмме при этом отмечается, что

«в современных условиях предупреждение, выявление и пресечение торговли людьми становятся все более сложными из-за маскировки этой деятельности под легальный бизнес». В этой связи подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования форм и методов практической деятельности государственных органов по противодействию таким деяниям. Очевидно, что решение данной стратегической задачи невозможно без осознания общей картины данных преступлений в мировом контексте.

Масштабы явления. Установить количество жертв данных преступлений и масштабы явления в целом трудно, поскольку большинство перемещений являются нерегулярными и не контролируются властями. По последним данным, озвученным на Генеральной Ассамблее ООН 3 апреля 2012 г., почти 2,5 млн человек во всем мире являются жертвами современной работорговли. Их принуждают к насильственному труду и оказанию сексуальных услуг, и происходит это во всех регионах мира и во всех странах. Управление ООН по наркотикам и преступности считает, что этот незаконный бизнес ежегодно приносит организованным преступным группировкам около 32 млрд долларов. Эта цифра сравнима с их доходами от нелегальной торговли наркотиками и оружием.

Согласно исследованиям МОТ около 20 % всего объема принудительного труда является следствием торговли людьми. Соотношение объема жертв торговли людьми и общего объема жертв принудительного труда зависит от географических особенностей страны. При этом большинство людей, занятых принудительным трудом в результате торговли людьми, в дальнейшем используется для коммерческой сексуальной эксплуатации (43 %), но многие подвергаются и экономической эксплуатации (32 %). Остальные перемещаются по смешанным или неопределенным причинам (25 %). Здесь имеют место и региональные особенности, например, торговля людьми с целью последующей экономической эксплуатации варьируется от 25 % от общей торговли людьми в промышленных странах до 90 % на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

По последним данным МОТ, почти 21 млн человек являются жертвами принудительного труда, из них 11,4 млн женщин и девочек и 9,5 млн мужчин и мальчиков. Почти 19 млн жертв эксплуатируются частными лицами или предприятиями и более 2 млн – государством или повстанческими группами. Из числа лиц, эксплуатируемых отдельными лицами или предприятиями, 4,5 млн являются жертвами принудительной сексуальной эксплуатации. Для анализа качественных показателей применительно к торговле людьми и ее жертвам обратимся к Всемир-

ному докладу ООН о торговле людьми за 2012 год, публикация которого явилась одним из результатов реализации принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 2010 г. Глобального плана действий ООН по борьбе с торговлей людьми.

Жертвы торговли людьми. Согласно проведенным исследованиям ООН в период с 2007 по 2010 г. большинство жертв торговли людьми, выявленных по всему миру, составляли женщины. Хотя их доля от общего числа жертв подвержена некоторым переменам от года к году, в рассматриваемый период женщины составляли от 55 до 60 % от общего числа выявленных жертв.

Несмотря на то, что женщины в мировом масштабе составляют большинство жертв торговли людьми, за рассматриваемый период их доля от общего числа несколько снизилась. Как сообщалось в подготовленном ЮНОДК/Глобальной инициативой по борьбе с торговлей людьми Всемирном докладе о торговле людьми за 2009 год, в период с 2003 по 2006 г. более $\frac{2}{3}$ выявленных жертв составляли женщины. Однако общая доля лиц женского пола всех возрастов среди жертв торговли людьми не изменилась, поскольку уменьшение числа обнаруженных женщин – жертв торговли было частично компенсировано за счет роста числа ставших жертвами торговли девочек. За 2007–2010 гг. число обнаруженных среди жертв торговли девочек увеличилось: девочки стали составлять 15–20 % от общего числа выявленных жертв.

В тот же период число становившихся жертвами торговли людьми мужчин оставалось неизменным или незначительно увеличилось: мужчины составляли 15–18 % обнаруженных жертв торговли людьми. Количество становившихся жертвами мальчиков в рассматриваемый период было относительно стабильным. Мальчики составляли 8–10 % от общего числа выявленных жертв.

В докладе ООН отмечается, что возрастают объемы торговли детьми, особенно девочками. Среди выявленных жертв, возрастные характеристики которых были известны и зарегистрированы, в период 2007–2010 гг. около 27 % составляли дети (в период 2003–2006 гг. – около 20 %). Однако эта тенденция не была однородной на глобальном уровне. Во многих странах в период между 2003 и 2010 гг. было зарегистрировано заметное увеличение доли выявленных случаев торговли детьми, тогда как в других отмечалось отсутствие роста или даже сокращение числа таких случаев. Было выявлено больше случаев торговли девочками, чем мальчиками: девочки составляли $\frac{2}{3}$ из ставших жертвами детей.

От региона к региону отмечаются значительные различия в половозрастных характеристиках обнаруживаемых жертв торговли людьми. В то время как европейские и центральноазиатские страны сообщают,

что дети составляют 16 % выявленных жертв, в странах Африки и Ближнего Востока дети составили примерно 68 % жертв.

Формы эксплуатации. Часто считается, что торговля людьми осуществляется главным образом с целью их коммерческой сексуальной эксплуатации. По оценкам МОТ, трудовой эксплуатации подвергаются 32 % жертв торговли людьми, сексуальной – 44 %, смешанной – 25 %. Женщины и девочки составляют подавляющее большинство тех, кого перевозят в целях сексуальной эксплуатации (98 %). Иностранные трудящиеся-мигранты представляют собой значительную долю известных жертв торговли людьми в целях их трудовой эксплуатации и принудительного труда.

Среди регионов, рассматриваемых в докладе ООН, в странах Африки и Ближнего Востока, а также Южной и Восточной Азии и Тихоокеанского региона обнаруживается больше случаев принудительного труда, тогда как в странах Северной и Южной Америки, Европы и Центральной Азии выявлено больше случаев сексуальной эксплуатации. Среди всех выявленных по всему миру случаев торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации встречается чаще, чем торговля людьми с целью использования принудительного труда. Существует вероятность того, что эти статистические данные могут быть не вполне объективными, поскольку в европейских странах выявляют больше жертв торговли людьми, чем в каком-либо другом регионе. Таким образом, модели эксплуатации, наиболее распространенные в Европе, могут быть непропорционально отражены в глобальных итоговых показателях. Это означает, что указанная в докладе глобальная доля торговли людьми с целью эксплуатации принудительного труда (36 %), вероятно, несколько занижена.

Среди выявленных форм эксплуатации доля принудительного труда стремительно возрастает. По мнению авторов доклада, это может быть связано с наращиванием во многих странах возможностей для выявления торговли людьми с целью принудительного труда и мерами по совершенствованию законодательства, принимаемыми для того, чтобы этот вид торговли людьми подпадал под действие закона. По сравнению с 18 %, о которых сообщалось в докладе за период 2003–2006 гг., доля выявленных случаев торговли людьми с целью эксплуатации принудительного труда за период 2007–2010 гг. удвоилась и достигла 36 %.

Обнаружение иных форм торговли людьми остается относительно редким явлением. Например, торговля людьми с целью изъятия органов в 2010 г. составила 0,2 % от общего числа выявленных случаев. Хотя это представляет собой лишь малую толику всех случаев, в географическом плане выявленные случаи распространены весьма значи-

тельно: о случаях торговли людьми с целью изъятия органов сообщили 16 стран, принадлежащих ко всем регионам, рассматриваемым в докладе ООН. Торговля людьми в целях, не упоминаемых особо в Парлермском Протоколе ООН, в том числе в целях попрошайничества, принудительного вступления в брак, незаконного усыновления, участия в вооруженных действиях и совершения преступлений (как правило, малозначительных), в 2010 г. составила 6 % от общего числа выявленных случаев. Имеющиеся данные отражают широкий спектр видов торговли людьми (внутреннюю, внутрирегиональную и межрегиональную), а также форм эксплуатации, что в некоторых случаях четко связано с географическими факторами, как, например, в случаях торговли детьми на Африканском континенте для использования их в качестве детей-солдат и в ритуальных целях, которые изредка отмечают и в других странах.

Ситуация по проблеме в Беларуси. В настоящее время проблема торговли людьми продолжает оставаться актуальной для Беларуси, как и для всего мирового сообщества. Основные формы торговли людьми – это преступления, совершаемые в целях сексуальной и трудовой эксплуатации. В 2010 г. был выявлен единственный факт, когда торговля людьми имела целью изъятие органов. Необходимо отметить, что сексуальная эксплуатация является самой распространенной формой торговли людьми. Так, из 4 892 жертв торговли людьми, установленных в 2002–2013 гг., сексуальной эксплуатации подверглось 4 308 человек, трудовой – 581, изъятию органов – 3.

С 2002 по первое полугодие 2013 г. правоохранные органы Беларуси ликвидировали 22 преступные организации (из них 21 транснациональную) и 82 организованные группы, действовавшие в рассматриваемой сфере. За торговлю людьми и связанные с ней преступления осужден 2 001 человек, в том числе 737 – к лишению свободы.

Предпринятые в Беларуси меры позволили существенно снизить масштабы торговли людьми. Вместе с тем, по данным МВД, использование занятия проституцией все еще остается на высоком уровне. Кроме того, наблюдается рост преступлений, связанных с детской порнографией и педофилией, которые нередко сопряжены с торговлей людьми. Так, если в 2009 г. было выявлено 157 преступлений, связанных с изготовлением и распространением порнопродукции, и 12, связанных с детской порнографией, то в 2010 г. – 207 и 11; в 2011 г. – 238 и 36; в 2012 г. – 213 и 40 соответственно.

**ПРОИЗВОДСТВО
ПО МАТЕРИАЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
НА ПРОГРАММНЫЙ ПРОДУКТ «1С: ПРЕДПРИЯТИЕ»:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Производителем программного продукта «1С: Предприятие» является российская компания, в Республике Беларусь имеется ряд ее представительств, действующих на основании доверенности, которые защищают ее интересы как правообладателя. Для этого сотрудники представительства проводят аналитическую работу по обнаружению объявлений в интернете или средствах массовой информации (рекламные газеты) о том, что такой-то гражданин устанавливает компьютерную программу (программы), владельцем которой (которых) является их правообладатель. Если какая-либо компания, частный предприниматель предпринимают незаконную попытку установки программы «1С: Предприятие» без договора правопреемника, эти действия подпадают под состав преступления, предусмотренного ст. 201 УК, защищающей авторские, смежные, изобретательские и патентные права. Вместе с тем необходимо учитывать, что законодатель отнес дела по данной статье к уголовным делам частного-публичного обвинения (ч. 4 ст. 26 УПК), которые возбуждаются только по заявлению лица, пострадавшего от преступления. Часть 2 ст. 201 УК констатирует наличие административной преюдиции, что также следует иметь в виду при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

При выявлении фактов нарушений представители правообладателя обращаются в ОВД с заявлением (сообщением) и просят провести проверку деятельности по установке программного обеспечения конкретным гражданином (компанией). Обнаружение эпизодов преступной деятельности того или иного лица возможно также и оперативным путем. Если оперативные работники выявляют такие эпизоды, то они обязаны согласовать свои действия в дальнейшем с представителями правообладателя и выяснить, желает ли он привлечь гражданина к уголовной ответственности.

С момента поступления заявления (сообщения) оперативный работник приступает к проверке имеющейся в нем информации и начинает собирать доказательства в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 173 УПК, подтверждающие наличие оснований к возбуждению уголовного дела. При этом возникают две ситуации: когда в заявлении (сообщении) представитель правообладателя указывает не только лицо, устанавливающее контрафактные программы, но и приводит перечень

предприятий и организаций, где они установлены, или речь идет только о распространителе контрафактного программного продукта. С учетом данных ситуаций должна проводиться проверка заявления (сообщения) оперативным работником.

В рамках первой ситуации в отношении установленного лица проводятся оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с законом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», а также процессуальные действия по проверке конкретных учреждений или организаций для подтверждения фактов установки конкретным лицом контрафактного программного продукта. Во второй ситуации проводятся оперативно-розыскные мероприятия по установлению и документированию эпизодов преступной деятельности. Как в первой, так и во второй ситуации деятельность при производстве по материалам направлена на собирание доказательственной информации, указывающей на признаки преступления, предусмотренного ст. 201 УК.

В связи с тем, что ч. 1 ст. 103 УПК констатирует возможность собирания доказательств в процессе разрешения заявлений и сообщений о преступлении, оперативный работник вправе получить объяснения у сотрудников предприятия или организации о том, имеется ли аппаратный ключ защиты правообладателя и документы на приобретение данной программы. Как свидетельствует анализ практики, у владельца контрафактной программы отсутствует аппаратный ключ защиты, с помощью которого она запускается. Наряду с истребованием документов и получением объяснений в соответствии с ч. 1 ст. 103 УПК собирание доказательственной информации проводится и в процессе осмотра. Чтобы результаты осмотра отвечали требованиям ст. 105 УПК, оперативный работник обязан провести осмотр места происшествия, руководствуясь требованиями ч. 2 ст. 173, ст. 203, 204 УПК, в рамках которого осмотреть конкретную компьютерную технику и убедиться, что программы, установленные на ней, являются нелегальными. Наряду с требованиями процессуального закона следует также учитывать и тактический аспект проведения данного следственного действия: необходимо провести осмотр помещения, где находится (находятся) компьютер (компьютеры); осуществить последовательно осмотр каждого компьютера.

При визуальном осмотре конкретного компьютера фиксируются: форма, размер, материал корпуса, цвет, название, фирма-изготовитель, серийный номер, объем памяти и другие технические данные, наличие на мониторе ярлыка или файла запуска программы. Если программа запускается, то отмечается отсутствие аппаратного ключа защиты в USB- или LTP-разъемах системного блока, что свидетельствует о ее контрафактности (если установлена локальная версия программного обеспечения). После завершения осмотра винчестер компьютера, на

котором установлена программа, имеющая признаки контрафактности, изымается, о чем делается отметка в протоколе. Всегда ли необходимо изымать винчестер? Представляется, что при проведении осмотра места происшествия оперативный работник обязан изымать винчестер с установленной программой, имеющей признаки контрафактности. Если имеется информация о наличии нелегальных программ на машинных носителях ряда предприятий, то оперативный работник обязан осуществить осмотры и изъятие винчестеров с учетом складывающейся ситуации в ходе проведения проверки, чтобы не допустить их уничтожения сотрудниками этих предприятий.

После изъятия винчестера сотрудник органа уголовного преследования обязан незамедлительно назначить экспертизу, для того чтобы эксперт установил, действительно ли на нем имеется программа, обладающая признаками контрафактности. При назначении экспертизы оперативный работник в постановлении формулирует ряд вопросов, разрешение которых экспертом позволит определить, установлена ли на изъятом и представленном на исследование винчестере контрафактная программа.

Согласно ч. 2 ст. 103 УПК оперативный работник также должен требовать у правообладателя документы, подтверждающие факт правообладания лицензионным программным продуктом, а также стоимость лицензионной компьютерной программы, последнее позволит установить размер вреда.

Собрав доказательственную информацию о преступных действиях конкретного лица по распространению контрафактного программного продукта, оперативный работник, руководствуясь требованиями ст. 174–177, 186 УПК, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления и по их выполнении передает дело или материалы проверки следователю, который принимает решение о возбуждении уголовного дела или требует провести дополнительные процессуальные действия для выяснения отдельных неустановленных обстоятельств.

Таким образом, при производстве по материалам о преступлении, предусмотренном ст. 201 УК, сотрудник органа уголовного преследования обязан выяснить, на каких предприятиях установлен контрафактный программный продукт «1С: Предприятие»; провести осмотр компьютерной техники и изъятие носителей информации (винчестеров); назначить компьютерно-техническую экспертизу изъятых винчестеров; получить объяснения у сотрудников предприятий и организаций; требовать документы, подтверждающие обстоятельства установления контрафактного программного продукта и порядок расчета с лицом, его установившим; выяснить размер причиненного ущерба.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АДЫГЕЗАЛОВ Руслан Фахраддинович – старший оперуполномоченный отдела по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий криминальной милиции УВД Витебского облисполкома.

АНТОНОВА Ольга Александровна – заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

АПОЛОНИК Сергей Михайлович – начальник отдела управления уголовного розыска УВД Гродненского облисполкома.

АСАЁНОК Борис Валерьевич – профессор кафедры правового обеспечения деятельности органов пограничной службы факультета управления органами пограничной службы Института пограничной службы Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

АХРАМЕНКО Татьяна Викторовна – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

АШИТКО Валерий Парфенович – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

БИБИЛО Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

БОРИКО Сергей Васильевич – профессор кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

БОРИСЕНКО Николай Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

БОЧАРОВА Ольга Станиславовна – заведующая научно-исследовательской лабораторией криминалистических исследований документов и почерка Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

БУЛГАК Дмитрий Витольдович – начальник цикла государственно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

БУРЖИНСКИЙ Василий Антонович – начальник 3-го отдела управления стратегического анализа и прогнозирования МВД Украины.

ВАШКЕВИЧ Надежда Александровна – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории общих криминалистических и автотехнических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ВОРОБЬЁВ Виктор Александрович – ассистент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

ГАБА Александр Иванович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

ГАБА Александр Иванович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

ГАЛЕЗНИК Марина Владимировна – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГЛИНСКИЙ Глеб Валентинович – заместитель начальника отдела следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

ГОРОШКО Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ГРЕБЕНЬ Ольга Анатольевна – следователь Фрунзенского (г. Минска) районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь.

ГРЕБНЁВА Вероника Васильевна – курсант 4-го курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ГРИГОРОВИЧ Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ГУД Михаил Андреевич – курсант пятого курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ГУСАКОВ Сергей Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ГУСЕНЦОВ Александр Олегович – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат медицинских наук.

ГУЧОК Александр Евгеньевич – заместитель директора Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ДАНИЛЬЧИК Дмитрий Евгеньевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ДАНЬКО Игорь Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ДЕРГАЙ Георгий Борисович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

ДЕШУК Александр Владимирович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ДРОЗДОВ Александр Владимирович – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

ДУДКО Инна Николаевна – старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминологии Гродненского филиала БИП – Института правоведения.

ДУЛОВ Андрей Васильевич – профессор кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

ДЯТЛОВ Олег Михайлович – доцент кафедры экономики и управления Института непрерывного образования Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

ЕГОРОВ Владимир Петрович – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЕМЕЛЬЯНОВ Сергей Леонидович – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, кандидат юридических наук, доцент.

ЕРМОЛОВИЧ Владимир Федорович – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

ЗАЙЦЕВА Людмила Львовна – заведующая кафедрой прокурорской деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ЗОРИН Георгий Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

ЗОРИН Роман Георгиевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

ЗОРИНА Наталья Александровна – старший преподаватель Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

КАЛМЫКОВА Наталья Васильевна – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КАМЕНЕЦКИЙ Юрий Францевич – следователь по особо важным делам отдела анализа практики предварительного расследования управления организации расследования преступлений центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

КАПУСТИНА Ирина Владимировна – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КИРВЕЛЬ Виталий Казимирович – доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КЛИМОВИЧ Юрий Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

КНЯЗЕВ Игорь Михайлович – профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

КОВГАН Жанна Ивановна – старший экономист отдела планирования и финансирования финансово-экономического управления Департамента финансов и тыла МВД Республики Беларусь.

КОЗЕЛ Валерий Михайлович – заместитель начальника криминальной милиции УВД Гродненского облисполкома.

КОЛЕСНИКОВА Ольга Владимировна – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

КОНОПЛИЧ Наталья Александровна – курсант пятого курса следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

КОПЫЛОВА Оксана Владимировна – старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминологии Гродненского филиала БИП – Институт правоведения.

КОТ Ярослав Игоревич – старший преподаватель кафедры криминалистики Белорусского государственного университета.

КУКРЕШ Лилия Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

КУЛИКОВСКАЯ Анна Ивановна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЛАГУНОВСКИЙ Михаил Григорьевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

ЛОГВИН Вячеслав Михайлович – начальник кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛУЖИНСКАЯ Елена Леонидовна – старший эксперт отдела дактилоскопии и портретной идентификации Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ЛУЗГИН Иван Иванович – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета.

МАЛЯРОВА Валерия Олеговна – профессор кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Харьковского национального университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

МАНИЛКИН Николай Васильевич – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории криминалистических исследований документов и почерка Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

МАРКОВА Оксана Валентиновна – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

МАТВЕЙЧЕВ Юрий Анатольевич – старший преподаватель-методист учебно-методического отдела Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь.

МЕРЕЖКО Григорий Васильевич – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат медицинских наук, доцент.

МИСТЕРЕВИЧ Анастасия Александровна – студентка 5-го курса Гродненского филиала БИП – Института правоведения.

НАБАТОВА Анна Эдуардовна – начальник кафедры управления защитой от чрезвычайных ситуаций Гомельского инженерного института МЧС Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

НАБАТОВА Анна Эдуардовна – начальник кафедры управления защитой от чрезвычайных ситуаций Гомельского инженерного института МЧС Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

НЕЧАЕВА Виктория Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь.

НИКАНДРОВА Яна Леонидовна – заместитель начальника управления пожарно-технических экспертиз, исследования нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ПАУТОВ Александр Михайлович – судья Верховного суда Республики Беларусь.

ПАЦКЕВИЧ Александр Петрович – доцент кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ПАШУТА Игорь Владимирович – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

ПОПОК Сергей Александрович – старший оперуполномоченный УБЭП криминальной милиции УВД Гродненского облисполкома.

РЕВИНСКИЙ Виктор Викентьевич – главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории фонографических, радиоэлектронных и компьютерно-технических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, доктор технических наук, профессор.

РИТВИНСКАЯ Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник Института пограничной службы Республики Беларусь.

РОВДО Оксана Владимировна – курсант пятого курса следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

РОМАНЮК Дмитрий Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

РУБИС Александр Сергеевич – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент.

СЕДАЧ Анатолий Иванович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

СЕДОВА Елена Львовна – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории криминалистических исследований документов и почерка Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

СКАЧЕК Роман Владимирович – преподаватель кафедры расследования преступлений Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СМОЛЕНЧУК Владимир Никитович – старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

СОРКИН Владимир Семенович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

СУХОВЕНКО Наталья Анатольевна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

СУШКО Александр Евгеньевич – начальник управления по расследованию преступлений против информационной безопасности и интеллектуальной собственности ГСУ Следственного комитета Республики Беларусь.

ТАЛАЛАЕВ Владимир Алексеевич – начальник кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь.

ТАРАСОВА Елена Константиновна – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ТОМАШЕВИЧ Виталий Фомич – заместитель начальника УНиПТЛ КМ УВД Гродненского облисполкома.

ТРАФИМЧИК Инна Валентиновна – преподаватель кафедры теории государства и права Барановичского государственного университета.

ТРЕТЬЯКОВ Григорий Михайлович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, кандидат юридических наук.

ФЕДОНЧУК Маргарита Владимировна – ведущий специалист отдела криминологического прогнозирования и разработки предложений по предупреждению преступности, укреплению законности и правопорядка Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

ФЕДОРОВИЧ Александр Леонидович – преподаватель кафедры административного права и управления органами внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

ХИРЕВИЧ Марина Леонидовна – главный специалист Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

ХЛУС Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ЦЫКУНОВА Ирина Николаевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, кандидат юридических наук, доцент.

ЧЖУ Цзиньцзе – аспирант кафедры криминалистики Белорусского государственного университета.

ЧУРНОСОВ Александр Иванович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и правового обеспечения органов пограничной службы Института пограничной службы Республики Беларусь.

ШАВЛЮКЕВИЧ Геннадий Леонидович – заместитель начальника главного управления специальных экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, магистр политических наук.

ШВЕД Андрей Иванович – председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ШЕВЧЕНКО Ольга Геннадьевна – преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь.

ШИЕНОК Владимир Петрович – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

ШИЛКО Жанна Анатольевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского высшего колледжа МВД Республики Беларусь.

ШРУБ Максим Павлович – заместитель начальника кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЮБКО Юрий Михайлович – заведующий кафедрой расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЯКИМОВИЧ Наталья Валерьевна – курсант 5-го курса следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь.

ЯКУБЕЛЬ Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Антонова О.А. Об обеспечении права лица на обжалование задержания по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь	3
Ашитко В.П. Формирование уголовно-процессуальной политики	6
Бибило В.Н. Относимость доказательств в уголовном процессе	9
Борико С.В. О некоторых вопросах предварительного следствия по уголовным делам о коррупции	11
Борисенко Н.А. Проблемные вопросы процессуального оформления начального этапа восстановительной деятельности по утраченным уголовным делам	15
Булгак Д.В. Сравнительный анализ и некоторые перспективные аспекты развития уголовно-процессуального законодательства в Республике Беларусь и Западной Европе	19
Воробьев В.А. Преюдиция или оценка доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе?	21
Габа А.И. Специфика назначения судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых).	23
Данильчик Д.Е. Как восполнить процессуальные нарушения для признания доказательств допустимыми	26
Данько И.В. О действии уголовно-процессуального закона во времени ...	29
Емельянов С.Л. О понятии дифференциации уголовного процесса и ее основаниях	31
Зайцева Л.Л. Субъекты принятия решения о заключении под стражу: вопросы подведомственности	34
Зорин Р.Г. Является ли совесть обязательным критерием законного, обоснованного и справедливого процессуального решения в уголовном судопроизводстве?	37
Калмыкова Н.В. О цели и мотивах задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления	39
Климович Ю.С. О появлении в уголовном процессе института досудебного соглашения о сотрудничестве	42
Князев И.М. Теоретико-прикладные аспекты применения, изменения и отмены меры пресечения в виде личного поручительства	44
Колесникова О.В. Предметы и документы на стадии возбуждения уголовного дела	46
Копылова О.В. О прокурорском надзоре за обеспечением прав и законных интересов личности на стадии возбуждения уголовного дела	49
Кукреш Л.И. Об основаниях возбуждения уголовного дела	51
Набатова А.Э., Цыкунова И.Н. О деятельности органов государственного пожарного надзора в уголовном процессе	54
Нечаева В.А. Проблемы правового регулирования участия следователя и начальника следственного подразделения на стадии возбуждения уголовного дела	57

Паутов А.М. Доступность правосудия при обжаловании судебных решений	59
Попок С.А. Современные проблемы доказательного права и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе на примере расследования фактов фальшивомонетничества	62
Седач А.И. Помощник начальника следственного подразделения как участник уголовного процесса	64
Соркин В.С. Уголовно-процессуальный анализ термина «показания» как источника доказательств по УПК Республики Беларусь и УПК Украины	67
Суховенко Н.А. Перспективы реализации права участников уголовного процесса на получение возмещения за отвлечение их от обычных занятий	69
Сушко А.Е. Использование компьютерной информации при расследовании преступлений против информационной безопасности	72
Томашевич В.Ф. Проблемные вопросы, возникающие при проведении проверочной закупки и оперативного эксперимента	75
Трафимчик И.В. Особенности возбуждения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств	78
Хиревич М.Л. О некоторых вопросах обжалования в судебном порядке решений органов, ведущих уголовный процесс	80
Хлус А.М. Прослушивание и запись переговоров как первый шаг к свободной легализации материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе	83
Шевченко О.Г. Договор как гарантия обеспечения мер безопасности участников уголовного процесса и других лиц	87
Шилко Ж.А. О значении терминов «быстрота» и «оперативность» расследования уголовных дел	88
Якубель М.М. О содержании меры пресечения «отдача несовершеннолетнего под присмотр»	90

КРИМИНАЛИСТИКА

Адыгезалов Р.Ф. О противодействии несанкционированному отпиранию и взлому замков	94
Аполоник С.М. Проблемные практические вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания	96
Асаёнок Б.В. О криминалистической характеристике противоправной деятельности, посягающей на пограничную безопасность	98
Бочарова О.С., Буржинский В.А., Ревинский В.В. Особенности построения информационно-поисковых систем для автоматизированного учета и экспертных исследований, связанных с опознанием личности	101
Бочарова О.С., Вашкевич Н.А. Традиционные средства защиты электронных машиносчитываемых проездных документов Республики Беларусь	104
Бочарова О.С., Ритвинская Т.Ю. Распространенные способы подделки документов на право пересечения государственной границы	106

Габа А.И. О мерах по обеспечению достоверности показаний лиц, имеющих отклонения в психике	111
Галезник М.В. Педагогическое наследие Н.И. Порубова	113
Глинский Г.В. Производство основных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений о хищениях, совершенных с использованием подлинных банковских платежных карточек	115
Горошко Е.Ю., Якимович Н.В. О роли графологии в современном почерковедении	118
Гребень О.А. Возможности экспертных исследований при расследовании мошенничеств	120
Григорович В.Л. Применение голографии в расследовании преступлений ...	122
Гусаков С.В. О совершенствовании информационного обеспечения противодействия фальшивомонетничеству	124
Гусенцов А.О. Типичные ошибки, допускаемые сотрудниками милиции при осмотре трупа на месте его обнаружения (месте происшествия)	127
Гучок А.Е. Теоретическая схема объекта криминалистики в аспекте учения о материальной структуре преступления	129
Дергай Г.Б., Лагуновский М.Г. Расширительная трактовка дефиниции «специальные знания» и современное состояние института судебной экспертизы	133
Дешук А.В. О совершенствовании работы следователя с документами по делам о хищениях в сфере строительства	136
Дроздов А.В. Современный метод криминалистической идентификации человека	139
Дудко И.Н., Мистеревич А.А. Способы выявления поддельных денежных знаков Европейского центрального банка (евро)	141
Дулов А.В. Теория отражения – методологическая основа криминалистики	144
Дятлов О.М. Философские аспекты разработки социально-ценностной концепции осуществления судебно-экспертной деятельности	146
Егоров В.П. О понятии «эксперт»	149
Ермолович В.Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений	151
Зорин Г.А. Возможности и перспективы рефлексии в атакующей криминалистике	158
Зорин Г.А., Зорина Н.А. Рефлексивные модели повышения качества интеллектуальной профессиональной деятельности	161
Каменецкий Ю.Ф. Схематизация расследования коррупционных хищений	164
Капустина И.В., Коноплич Н.А. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	167

Капустина И.В., Ровдо О.В. Определение места допроса подозреваемого (обвиняемого) в ходе подготовки к данному следственному действию	170
Кирвель В.К. Применение полиграфа в раскрытии преступлений органами внутренних дел: современное состояние, проблемы и перспективы развития	172
Ковган Ж.И. Судебная экономическая экспертиза по делам о криминальном банкротстве – один из источников доказательств уголовно наказуемого деяния	176
Козел В.М. Криминалистическая тактика в работе следователя и ее взаимодействие с оперативно-розыскной деятельностью сотрудников органов внутренних дел на современном этапе	179
Кот Я.И. Базисные этические ценности судебно-психологической экспертизы	181
Куликовская А.И. Научно-теоретические подходы формирования методик расследования преступлений транснационального характера	184
Логвин В.М. Некоторые вопросы обеспечения сохранности биологических следов	187
Лужинская Е.Л. О проведении комплексных, комиссионных экспертиз в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь	191
Лузгин И.И. Методологические аспекты технико-криминалистического обеспечения	193
Манилкин Н.В., Седова Е.Л. Проявление в почерке депрессивного эмоционально обусловленного состояния исполнителя рукописи	196
Маркова О.В. Документы – объекты-носители следовой информации при расследовании фактов легализации (отмывания) материальных ценностей, приобретенных преступным путем	198
Маркова О.В., Гуд М.А. Некоторые возможности экспертиз живых лиц и трупов по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	201
Матвейчев Ю.А. Предъявление для опознания: проблема определения цели следственного действия	203
Мережко Г.В. Некоторые вопросы взаимодействия судебно-медицинской экспертизы с органами дознания и следствия	206
Набатова А.Э. Актуальные вопросы формирования методологии криминалистического обеспечения расследования поджогов и преступных нарушений правил пожарной безопасности	208
Никандрова Я.Л. Возможности использования криминалистической техники в раскрытии преступлений	210
Пацкевич А.П. О структуре организации первоначального этапа расследования преступлений	214
Пашута И.В., Гребнёва В.В. Некоторые направления использования систем видеонаблюдения в раскрытии и расследовании преступлений	217
Пашута И.В., Лузгин И.И. Об использовании результатов предварительного исследования	220

Романюк Д.А. Влияние психологического фактора на расследование нераскрытых преступлений прошлых лет	223
Рубис А.С. Процессуальный и криминалистический аспекты оценки достоверности судебных экспертиз	226
Смоленчук В.Н. Значение непроцессуальной формы специальных зна- ний в практике выявления и расследования преступлений	233
Смоленчук В.Н., Ахраменко Т.В. Экспертная инициатива как одна из форм использования специальных знаний в деятельности эксперта- криминалиста	236
Талалаев В.А. О структуре криминалистического обеспечения расследо- вания хищений предметов вооружения, совершенных военнослужащими	238
Тарасова Е.К. Радиочастотная идентификация: достоинства и недос- татки	241
Третьяков Г.М. Криминалистическое значение сведений о субъектах криминального банкротства	244
Федончук М.В. О моделировании следов преступлений	247
Федорович А.Л. Элементы методики выявления самогеноварения: криминалистический аспект	249
Хлус А.М. Криминалистические методы выявления коррупционных рисков	251
Чжу Цзиньцзе. Техничко-криминалистическое обеспечение как состав- ляющая криминалистических технологий расследования преступлений	254
Чурносов А.И. Использование криминалистических знаний сотрудни- ками органов пограничной службы при расследовании незаконного пере- сечения государственной границы	257
Шавлюкевич Г.Л. Основные проблемы, возникающие при назначении пожарно-технических экспертиз в ходе расследования преступлений, свя- занных с пожарами	260
Швед А.И. О новых формах организации судебно-экспертной деятель- ности в контексте совершенствования мер по противодействию преступно- сти, рационализации досудебного производства и повышения качества пра- восудия	262
Шиенок В.П. О некоторых системных противоречиях в белорусской криминалистике начала XXI в.	269
Шруб М.П. Современное состояние дел по проблеме торговли людьми в мировом контексте как компонент информационной основы расследова- ния данных преступлений	271
Юбка Ю.М., Скачек Р.В. Производство по материалам о нарушении права интеллектуальной собственности на программный продукт «1С: Предприятие»: организационные и тактические аспекты	276
Сведения о авторах	279

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Республиканская
научно-практическая конференция
(Минск, 15 ноября 2013 г.)

Тезисы докладов

Редакторы *Н.И. Минич, Е.Л. Соколова,*
Е.В. Сурмачевская, К.В. Яковлева
Компьютерная верстка *И.В. Бачилы*

Подписано в печать 06.11.2013. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 16,97. Уч.-изд. л. 16,94.
Тираж 120 экз. Заказ 237.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
ЛИ № 02330/706 от 01.04.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.